

Анна Пейчева

МАМУСИК

ПРОТИВ

Ордена Королевской кобры

Анна Пейчева
Мамусик против Ордена
Королевской кобры

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70339609

SelfPub; 2024

Аннотация

Любовь Васильевна уверена, что ее сына подставили. Ну не мог такой воспитанный юноша украсть бесценную книгу рецептов Екатерины Второй! К тому же мамусик все равно готовит лучше... Однако все доказательства – против Степы. Придется пенсионерке Суматошкиной один на один сразиться с могущественным Орденом Королевской кобры, вооружившись лишь своим оптимизмом и безграничной любовью к сыну...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	20
Глава 4	29
Глава 5	39
Глава 6	58
Глава 7	72
Глава 8	90
Глава 9	104
Глава 10	119
Глава 11	134
Глава 12	147
Глава 13	156
Глава 14	171
Глава 15	185
Глава 16	197
Глава 17	209
Глава 18	228
Глава 19	245
Глава 20	254
Глава 21	264
Глава 22	277
Глава 23	289

Глава 24	298
Глава 25	312
Глава 26	325
Глава 27	340
Глава 28	352
Глава 29	372
Глава 30	386
Другие книги Анны Пейчевой	396

Анна Пейчева

Мамусик против Ордена Королевской кобры

Глава 1

– Степочка, сыночек!

– Да, мамусик?

– Зайчонок мой, сегодня солнышко – головку напечет! Ты кепочку надел?

– Да, мамусик!

– Я тебе с утра футболочку погладила, твою любимую, с машинками. Ты ее нашел на стульчике?

– Да, мамусик!

– Ты с Павликом и Андрюшей пойдешь?

– Да, мамусик!

– Хорошо, зайчонок мой маленький. Только коньяк не смейте заказывать! Пиво – и не больше двух бокалов. И закусывайте, умоляю вас, мальчики, закусывайте!

– Ладно, мамусик. Я пошел!

Я бросила тесто для пирожков и выбежала в прихожую, как была – руки в муке, волосы растрепались. Но как не поцеловать сыночка на прощание! До ночи же не увидимся!

– Я спать не лягу, Степочка, буду тебя ждать, – сказала я дрожащим голосом, оставляя смачный ярко-розовый поцелуй на его чисто выбритой щеке. Каждое расставание с моим милым зайчиком, пусть даже всего на пару часов – невыносимая пытка. – Пирожки приготовлю к твоему приходу...

Наспех стряхнув руки, я потянулась к его любимой кепочке с якорем и иностранной надписью «Captain», которую он случайно нацепил задом наперед. Мой сыночек должен быть самым аккуратным!

Однако Степочка тут же упрямо вернул кепку на место, выставив всем на обозрение ее некрасивый пластиковый хлястик.

– Пирожки – это неплохо, но вот ждать меня сегодня, мамусик, не надо, – забасил Степа с высоты своих ста девяноста двух сантиметров, оттирая щеку от моей помады.

Рост ему достался от отца, от Петеньки, светлая ему память, такой же богатырь был. А от меня – большие голубые глаза и русые волосы. Правда, я свои-то, разумеется, крашу. Наш сосед, Яков Матвеевич, называет этот цвет «спелая пшеница». Интеллигент, в Эрмитаже работает, между прочим, знает красивые выражения!

– Почему это не надо тебя ждать, малыш? – спросила я с подозрением.

Он замялся:

– Я в ресторане, наверное, задержусь... Там сегодня Пантера выступает, хочу послушать.

– Так, – сказала я и опустилась на табуретку. – Как Пантера? Ох, не нравится мне это, Степочка!

Дело в том, что Пантера – это наша соседка с пятого этажа. Мы живем на седьмом – и то слышим, как она там у себя со своими дружками, так называемыми музыкантами, репетирует: басы весь дом сотрясают до основания, гитара гудит, сама Пантера в микрофон надрывается. Вместо нормальной прически – сине-черные дреды, ничем не отличающиеся от пакли; в носу, представьте себе, пирсинг, а на лодыжке, сама видела – татуировка с пантерой.

Ха, Пантера! Придумала себе кличку для сцены. А сама-то – простая Катя Ромашкина из новгородской деревушки. Уж я-то, королева нашей парадной, все про всех знаю.

– Раз ей там разрешили выступать, Степочка, значит, это никакой не ресторан, а обыкновенный кабаk, и тебя там могут даже избить всякие пьяницы!

Вот теперь я по-настоящему испугалась.

– Ладно тебе, мамусик, не накручивай себя! – постарался успокоить меня сыночек. – Это отличный ресторан, дорогой. Нет там никаких пьяниц. И потом, мы же будем с Павлухой и Андрюхой.

– Нет, зайчонок мой, что хочешь говори, а у меня плохие предчувствия! Материнское сердце не обманет! – Я чуть не расплакалась, хотя ревой никогда не была.

– Всё, мамусик, мне пора. – Степа решительно открыл дверь. – Парни заждались уже, а вдруг «Нива» опять не заве-

дется? Вроде я стартер починил, но уверенности нет... Перестань дергаться, возвращайся к своим пирожкам и сериалу.

– Аревуар, сыночек, – грустно сказала я безжалостно захлопнувшей двери. Наш сосед, Яков Матвеевич, говорит, что правильно – «оревуар», но ведь «аревуар» звучит напевнее! Французишкам следовало бы посоветоваться со мной, прежде чем устанавливать дурацкие правила произношения некоторых слов...

Как жаль, что Степочке уже двадцать пять! Двадцать лет назад я бы просто взяла его на ручки и никуда бы от себя не отпустила. А теперь – не удержишь.

Я поплелась обратно и принялась раскатывать тесто, но мысли мои были далеко. Ничто не радовало меня: ни свежий ремонт на кухне в ярких, бодрящих тонах – красные шкафчики, голубой диванчик, желтые шторы; ни распустившаяся герань на подоконнике. По телевизору крутили мой любимый сериал, «Цветок миндаля»; но даже перипетии личной жизни марокканских принцесс, вопящих друг на друга из-за пропавшего золотого кольца стоимостью в десять верблюдов, – оставляли меня равнодушной.

Поставив противень с пирожками в духовку – с мясом, мои фирменные, делаю их на полном автопилоте, – я принялась крутить в руках бумажку с названием ресторана. «Тюфелька Екатерины», в одном из дворов на Малой Садовой. Всегда заставляю Степочку писать адрес, где его можно найти, если что.

Таймер духовки звякнул, и одновременно у меня родилась свежая мысль: нужно просто поехать в этот ресторан и незаметно проследить за сыночком! Сяду где-нибудь подальше, чтобы он меня не видел, и тихонечко буду контролировать, чтобы на него не набросились пьяные дружки Пантеры и прочие сомнительные личности.

Сразу стало легче.

Я торопливо выложила пирожки на блюдо (ну хорошо, хорошо, парочку съела тут же, у плиты, обжигая рот) и бросилась в свою комнату одеваться.

Спальня моя вызывает жгучую зависть у всех моих подружек и в особенности – у моей старшей сестры Глафиры, надменной старой девы, у которой квартира – скучнее не придумаешь. А вот у меня не просто спальня – а настоящий восточный шатер. После того, как Петеньки не стало, нужно было все в квартире поменять, чтобы начать жизнь с чистого листа...

Не зря же я всю жизнь проработала учителем труда! Сама сшила шикарные многослойные шторы, бордовые с золотом; из этой же материи соорудила чудесный арабский балдахин с кистями над кроватью – Степочка помог его подвесить к потолку, он у меня мастер на все руки. Советский дубовый паркет закрыла пестрым ковром. С дачи мы со Степой привезли на нашей «Ниве» старую железную скамеечку, я ее покрасила золотой краской из баллончика, сделала милые подушечки, так что теперь это никакая не скамейка –

а уютная кушетка для послеобеденного отдыха.

Недавно еще раздобыла на рынке кальян, но как пользоваться им – не знаю, да и знать не хочу, сначала я вообще думала, что это такая ваза. Поставила для колорита на подоконник. Степины друзья, Павлик с Андрюшей, надо мной подшучивают из-за этого кальяна, а мне нравится его замысловатая форма. Прямо чувствуешь себя героиней «Цветка миндаля».

Нет, правда, очень рекомендую этот сериал. Если вы хоть немного похожи на меня, вам он точно понравится. Женщины в нем покорные и красивые, а мужчины – властные и сильные. Жаль, не встретился мне за всю мою жизнь такой герой, которому хотелось бы покориться. Все больше самой приходится командовать...

Не успела я достать из шкафа нарядную одежду, как требовательно затрещал дверной звонок.

Глава 2

Яков Матвеевич Вальтер живет в соседней квартире №28 уже, наверное, четверть века. И ровно столько же лет он в меня влюблен.

Разумеется, женщина всегда чувствует, когда у мужчины при взгляде на нее начинает чуть чаще биться сердце. Подобные открытия всегда радуют, даже если семейная жизнь сложилась вполне себе удачно. И все же – приятно иметь под боком преданного поклонника. Особенно такого.

Яков Матвеевич, как всегда, радовал глаз своей утонченной элегантностью. По-видимому, он уже готовился ко сну, поскольку был облачен в бежевый аристократический халат со стегаными шелковыми отворотами. Из-под халата, конечно же, выглядывала белоснежная рубашка, а не пошлая голая грудь, как у некоторых. На шее был замысловато повязан свежий бежевый платок. Светлые брюки мягкими складками ниспадали на замшевые домашние туфли.

Он был похож на парижского щеголя середины девятнадцатого века, присевшего на минутку, чтобы перевести дух после светской прогулки по вечернему бульвару дю Тампль; вот только Яков Матвеевич присел в свое инвалидное кресло не на минутку. Вот уже четверть века он не может встать. Совсем.

Двадцать пять лет назад с ним произошел несчастный слу-

чай. Несмотря на все мои выпытывания и пристаивания, подробностей трагического события я так и не узнала. Все что мне было известно: Якову Матвеевичу чуть меньше шестидесяти, он доктор исторических наук, помогает Эрмитажу готовить выставки, коллеги называют его «Стивенем Хокингом от истории»... Он одинок, если не считать рыжего кота Ренуара и приходящей сиделки – дальней родственницы.

И я уже говорила, что он безнадежно в меня влюблен?

– Добрый вечер, Любовь Васильевна, не побеспокоил? – Яков Матвеевич подкатился чуть ближе и учтиво склонил голову. – Я подумал над вашей просьбой – мне кажется, лучше всего арабскую атмосферу вашей спальни дополнят репродукции Анри Матисса. Его марокканский цикл – эти сочные цвета, майоликовая плитка, яркое солнце, мечети...

– Ох, Яков Матвеевич! – перебила его я, схватившись за сердце. – Миленький мой, родной, как бы я хотела сейчас с вами об этом поболтать! Но мне срочно нужно убежать.

– Что-то случилось? – корректно поинтересовался сосед. – Я могу вам как-то помочь?

Из приоткрытой двери его квартиры высунул любопытный нос рыжий безобразник Ренуар, желая тоже поучаствовать в интересном разговоре.

– Да как тут поможешь... – горестно махнула я рукой. – Сама, всё сама! Степочка так и норовит вляпаться в неприятности, нужно предотвратить. А то ведь, не дай Бог, женится еще на этой Пантере! Мне такая криминальная невестуш-

ка ни к чему.

– Вы о Катерине с пятого этажа? – удивился Яков Матвеевич. – Не знал, что ваш Степан к ней неравнодушен.

– Пока еще, я надеюсь, равнодушен. Но сегодня вечером все может измениться, и я должна проследить, чтобы этого не случилось! – твердо сказала я. – Поеду в ресторан, где она выступает, и прослежу, чтобы эта девица к моему Степачке не приставала!

– Любовь Васильевна, – поднял брови Яков Матвеевич. – Простите великодушно мою бестактность – но уместно ли это? Вы вырастили хорошего сына, у него есть своя голова на плечах, он отдает себе отчет в происходящем...

– Вот-вот, за такими эти пантеры и охотятся! – отрезала я. – Вам, Яков Матвеевич, не понять материнскую тревогу! За каждым супергероем, как я всегда говорю, стоит его мамочка. Которая правильно направляет его суперсилу и оберегает от всяких хищниц.

– Еще раз простите, – снова склонил серебристую голову сосед, ухватился за поручни кресла и начал его разворачивать. – Не смею больше вас задерживать. Да, и повторюсь: если с моей стороны нужна хоть какая-либо помощь, не медлите ни минуты, обращайтесь, несравненная Любовь Васильевна. Вы знаете наше с Ренуаром искреннее к вам расположение...

Я кокетливо улыбнулась и завернула ему с собой парочку горячих пирожков – а то чем он там, старый холостяк, пита-

ется! Сиделка его готовить не умела совершенно.

Закрыв за Яковом Матвеевичем дверь, я побежала обратно в спальню.

Так, какой наряд подойдет для дорогого ресторана, расположенного в непосредственной близости от Невского проспекта?

Пожалуй, вот эта леопардовая кофточка со сборкой на правом плече будет смотреться неплохо. А если сверху еще шелковый шарфик с тигровыми полосками повязать? Ну вот, шикарно получилось. Все лишние килограммы спрятаны. И кто теперь хищница, а, Пантера? Черные брючки – и в пир и в мир годятся. Ортопедические туфли казались грубоватыми, но на ноги все равно никогда никто не смотрит.

Я взбила свои короткие желтые кудряшки, облилась любимыми духами под названием «Персидская гурия», подхватила блестящую розовую сумочку и критически обозрела себя в зеркале. Роковая женщина, фам фаталь! Или фем? Надо будет потом у Якова Матвеевича уточнить. Воркует на французском, как уроженец Прованса, куда он мечтает переехать на постоянное место жительства.

Повинуясь внезапному порыву, я прикрепила на левую грудь большую брошь, усыпанную гранатами, и наконец-то вырвалась на улицу.

Петербург уже накрывали белые ночи. Пик их придется на двадцатые числа июня, но и сейчас, второго числа, вечера были светлыми. В этом фантастическом освещении даже

наше Купчино казалось вполне себе романтичным местом.

Впрочем, романтика эта была на любителя, с некоторым криминальным оттенком. Степочка, обожавший американские фильмы, называл Купчино «питерским Бруклином».

Трясаясь на трамвае и глядя на побитые фурами дороги, на потрепанные спальные девятиэтажки, на облупившиеся балконы, заваленные разномастным барахлом, от пляжных зонтиков до горных лыж, от мешков с картошкой до дерматиновых чемоданов, – я размышляла о том, почему мне никогда не хотелось переехать в другой район. Меня не прельщал ни просторный Приморский, ни зеленый Выборгский, ни солидный Василеостровский; я оставалась равнодушной к историческому шарму Петроградского района, к морской славе Кронштадтского, к столичным амбициям Московского.

За что же я так любила свое Купчино?

Уж точно не за его репутацию, весьма сомнительную: Фрунзенский район являлся неким анклавом, отрезанным от остального Петербурга многочисленными дорожными путями, малосимпатичным Обводным каналом, несколькими кладбищами. До недавнего времени на полмиллиона человек здесь приходилась всего одна станция метро, которую нужно было брать с боем.

Мировой значимости события, гремевшие в культурной столице, до нас доходили разве что в виде странных, искаженных до неузнаваемости отголосков. И все же – я просто

обожала Купчино.

Наверное, дело было в том, что купчинская прописка являлась официальным доказательством стойкости характера. Тюфяки и размазни здесь надолго не задерживались. Район принимал только избранных. Если ты из Купчина – значит, ты истинный боец...

Потолкавшись как следует в метро и переругавшись с какими-то обнаглевшими тетками, которые лезли в вагон без очереди (вторник, будний день, что поделаешь!), я выскочила на станции «Гостиный двор», в самом центре так называемого «Золотого треугольника», ограниченного Невой, Гороховой улицей и набережной реки Фонтанки, где сосредоточены основные городские достопримечательности, самые дорогие бутики и прочие туристические заманиловки. Но мне сейчас было не до неторопливых прогулок по «музею под открытым небом».

Я летела по Малой Садовой, ничего не замечая вокруг.

Бежала мимо порхающего в струе воды каменного шара, мимо гранитных вазонов, из которых выплескивались разноцветные каскады петуний, мимо кованых уличных фонарей, строгими стражниками оберегающими покой петербуржцев. Сверху, с карнизов нарядных особняков елизаветинского барокко, на меня смотрели кот Елисей и кошка Василиса, а слева – бронзовый бульдог, но я не обращала ни на них никакого внимания – никогда не любила животных, грязь от них одна.

Найти ресторан оказалось непросто. Я немного поприставала к прохожим, выспрашивая, где тут «Туфелька Екатерины», но мне попадались сплошь одни туристы, и все они отправляли меня в ближайший обувной магазин. Наконец я заметила нашу белую «Ниву» в глубине двора-колодца и только после этого – скромную латунную вывеску на неприметной серой двери.

Я всегда говорю: нечего порядочным людям делать в ресторанах, лучше дома посидеть, оливьешку под телевизор поесть. Тихо, спокойно. А тут – батюшки-светы! (Яков Матвеевич постоянно меня поправляет – говорит, что правильно «святые», но мне так больше нравится). Батюшки-светы, это кто сюда за деньги-то свои кровные пойдет!

Во-первых, музыка. Никакой вам Аллы Пугачевой или, скажем, Софочки Ротару. Низкими басами перекачивается какой-то вражеский рок. Хорошо хоть, негромко.

Далее – закопченные балки на потолке. Ну что у них, денег на белила не хватило? Неужели так сложно как следует отскрести эти деревяшки и покрыть их свежей красочкой – как мы со Степочкой привели в порядок нашу любимую дачку прошлым летом!

Похоже, сэкономили здесь буквально на всем – ни скатертей, ни даже клееночек на грубых деревянных столах. Вместо приличных стульев – деревенские скамьи. И это я не говорю про освещение! Наверное, специально держат зал в полутьме, чтобы люди не видели, что им на тарелках приносят.

Преисполненная самых худших ожиданий, я подошла к администратору:

– Добро пожаловать в «Туфельку Екатерины», – профессионально улыбнулась девушка – довольно, кстати, миленькая блондиночка, но уж больно худая. Это что же за директор додумался ее на входе поставить? Явно дурачок какой-то. Был бы поумнее – сообразил бы, что гостей в ресторан должна завлекать упитанная дама, с пышными формами, вроде купчихи с известной картины или хотя бы меня. Посмотришь на такую привратницу – и сразу аппетит проснется! А при взгляде на эту тощую девчонку на ум приходят невкусные словосочетания вроде «изнурительная диета» или «голодный обморок». – Желаете поужинать?

– Я, девушка, вообще-то ужинать не хочу, дома пирожков наелась, – призналась я. – Хочу просто посидеть где-нибудь в углу. Понимаете, еще немного, и мой сыночек совершит самую большую ошибку в жизни. Мой материнский долг – проследить, чтобы этого не произошло... Я всегда говорю: за каждым супергероем стоит его мамочка, – повторила я любимую присказку и тут заметила своего супергероя. – Ой, да вот же он!

Наконец-то я углядела Степу с Павликом и Андрюшей. Они сидели за ближайшим к сцене столиком и, судя по всему, отлично проводили время. Перед ними громоздились какие-то яства – я немедленно почувствовала укол кулинарной ревности – и бутылка какого-то крепкого алкоголя. Какого

именно – в полутьме было не разглядеть. Ай-яй-яй! Придет-ся Степочку наказать. Плохой мальчик!

– У нас очень вкусные, необычные блюда, которые готовили при дворе Екатерины Второй, – тем временем уговаривала меня администратор. – Вы не пожалеете.

Я пару дней назад получила пенсию, да к тому же очень рассердилась на Степу за его непослушание, поэтому сказала:

– А знаете что, девушка? Пожалуй, я у вас и правда поужинаю! Только у меня условие – вместе с заказом принесите настольную лампу. Я должна хорошо видеть, что вы мне подаете! А то подсунете ведь какую-нибудь дрянь.

Администратор отвела меня за небольшой столик, подальше от Степы. Впрочем, думаю, сыночек бы меня сейчас не заметил, даже если бы я обмоталась новогодней гирляндой и встала бы прямо у него перед носом. Просто только что на сцене появилась она. Пантера.

Глава 3

Лучшие друзья девушек, как известно, брильянты, а вот лучшие друзья мамочек – конечно же, бинокли. Я всегда ношу с собой небольшой такой бинокль цвета слоновой кости – хотя в театре была последний раз лет пятнадцать назад, по бесплатным профсоюзным билетам. Места в сумочке мой маленький помощник почти не занимает, зато пользы приносит – как целый телескоп Хаббл.

Наскоро заказав официанту любой салат на его выбор («и настольную лампу принесите, мне всё равно, где вы ее возьмете, завели моду еду в темноте подавать, СЭС на вас нет!»), я отыскала в сумке свой шпионский гаджет и прижала бинокль к глазам.

Лучше бы я осталась дома, честное слово.

Во-первых, коньяк на столе у Степочки. Какой большой графин! Граммов триста, не меньше! И это на двоих – Павлик, умничка, никогда не пил ничего крепче минеральной воды. Ах, ну Степа, погоди у меня! Коньяк заказал! Выпороть его ремешком! Степу, а не коньяк, разумеется. Снова будет просить Павлика сесть за руль? Но как он, интересно, собирается завтра с утра ехать на дачу? Ремонт вытянул все наши сбережения, поэтому мой малыш проводил свой нынешний отпуск в нашем «загородном отеле» среди грядок и парников.

Во-вторых, и это главное – безобразное поведение так называемой Пантеры. Вы когда-нибудь видели, чтобы порядочная девушка надевала кожаный топ на шнуровке, оголяющий не только половину груди, но и проколотый пупок? Вот и я не видела. Хорошо хоть татуировку на ноге она прикрыла какими-то драными джинсами.

Эта девица сжимала микрофон обеими руками (батюшки-светы! а ногти-то черным лаком выкрашены!) и, закрыв глаза, негромко в него рычала – пением я это назвать никак не могу, и не просите. Вот, помнится, у нас в школе на уроках музыки детишки действительно пели, свежими звонкими голосами: «Вместе весело шагать по просторам» или там «Выходила на берег Катюша» – а тут... Кошмар!

И это еще не самое ужасное.

– Хей, я вижу в зале одного классного парня... – низким, соблазнительным голосом объявила Пантера в перерыве между своими, э-э, композициями. – Мы с ним немного знакомы – и сегодня, надеюсь, познакомимся поближе. Кам он, гайз! – Она махнула рукой своим аккомпаниаторам, и те вдарили по клавишам и струнам. – Эта песня для тебя, Степа!

Далее бесстыдная девица, не расставаясь с микрофоном, спустилась с подиума, подошла к Степиному столику и села к нему на колени. К моему сыночку! Плюхнулась прямо на моего чистенького, невинного зайчишечку!

Я так сильно вдавила бинокль в веки, что едва не оставила

на них круговой синяк. Но моральные мои страдания были в сто крат сильнее физических.

Пантера что-то мурлыкала в микрофон, а Степочка, мой родной сыночек, с неземным удовольствием на лице перебирал ее сине-черные дреды. Я не могла поверить своим глазам: похоже, ему нравилось обнимать эту тощую уличную кошку!

Я отложила бинокль в сторону. Не могу видеть, как мой Степочка губит свою жизнь.

Пока я решала, сейчас мне к нему подойти или подождать сынульку у «Нивы» и там уже как следует отвести душу, официант принес мне какой-то замысловатый салат, далекий от майонезного оливье ровно настолько, насколько испанский король Филипп Шестой далек от короля эстрады Филиппа Киркорова. Лампа к салату также прилагалась. Ладно, подумала я, займусь воспитанием сына сразу после ужина, раз уж я уже за столом.

Как мне сообщил официант, салат назывался «На седьмом небе» и состоял из мелко нарезанного говяжьего нёба, трюфелей, помидоров черри и других ингредиентов, названия которых я не расслышала из-за Пантеры – ее довольное ворчание в микрофон усилилось до максимума. Барским жестом бросив официанту свою пенсионную банковскую карточку и отчаянно надеясь, что денег на ней окажется достаточно, я принялась за императорское блюдо.

Ну, что сказать по результатам дегустации? Да, неплохо.

Даже изысканно. Похоже на салат с языком, который моя сестра Глафира готовит на свои именины. Но – мой оливье все равно вкуснее! Сами представьте: с кем бы вы хотели встретиться – со скучным представителем устаревшей монархии или с громогласным, брызжущим обаянием и весельем музыкальным гигантом? Вот именно. Майонеза в салате не хватало, да пожирнее.

Пока я доедала самое дорогое в своей жизни блюдо, Пантере, видимо, надоело мучить Степочку и она наконец-то вернулась на сцену. Так что я смогла немного расслабиться и огляделась по сторонам.

Посетители здесь все были пафосные и блеклые, не то что я – яркая и эффектная женщина.

Истощенная фитнесом семейная пара в простых белых футболках (Степа в такой спит) вяло ковырялась вилками в микроскопических салатиках вроде моего.

Группа азиатских туристов в бейсболках – все на одно лицо, уж по крайней мере так казалось в этой полутьме – дружно налегали на ладненькие коричневые брусочки из паштета.

Старичок-лесовичок с аккуратной такой бородкой и причудливым значком на лацкане жилетки, похожий на захоластного библиотекаря, возился с довольно странной рыбой: что-то типа окуня, фаршированного ветчиной. Фу, гадость, должно быть, ужасная!

Четверо бизнесменов в деловых костюмах разложили на деревянном столе бумаги и громко дискутировали на те-

му процентов и какие-то слипов (батюшки-светы, ну и заведение! трусики не стесняются при всех обсуждать!), закусывая миндальными гренками, обжаренными в яйце, и заказывая бесчисленные чашки крепкого кофе – это в десять-то вечера. Вот дурачки. Я и сама люблю кофе, просто жить без него не могу, но не ночью же! Наверное, эти деятели готовятся к ежегодному Петербургскому экономическому форуму, новости о котором сыпались на телезрителей как из ведра.

Я обязательно каждый вечер смотрю новости: пенсия – не повод закрываться в своей норке. Скорее уж наоборот. Я должна до самой старости, до самой дряхлости оставаться интересным собеседником, чутко чувствующим веяния времени – чтобы мои будущие внуки звонили и спрашивали у меня совета, как им распорядиться своей жизнью и стоит ли вкладывать деньги в те или иные биржевые акции.

Ну хорошо, про акции я и сейчас ничего не знаю, и в будущем вряд ли буду в них разбираться.

Зато жизненные советы – пожалуйста, заказывайте хоть сейчас. Как воспитывать детей, за кого проголосовать на выборах, как отчистить подошву утюга при помощи обыкновенной поваренной соли, почему свалилась очередная космическая ракета, стоит ли повышать пенсионный возраст, зачем нужен квас при приготовлении борща... Я могла бы стать автором энциклопедии мудрости.

И первая глава этой энциклопедии была бы посвящена манере ведущих новостей одеваться и причесываться. Некото-

рые девицы с экрана слишком многое себе позволяют! Волосы распустят, верхние пуговицы блузки расстегнут, ужас! Иногда я просто киплю от возмущения. Терплю только из-за своей тяги к знаниям. К тому же после новостей всегда показывают какой-нибудь отечественный трехчасовой фильм про трудную, несчастную любовь – мне такие нравятся больше всего.

Пантера опять что-то забубнила в микрофон, отвлекая меня от мыслей, и снова стала извиваться на сцене. Ладно хоть к беззащитному малышу моему пока не лезла.

Официант принес мне чек, я поднесла его к лампе – ба-тюшки-светы! Это что ж такое делается-то! Да куда ж правительство смотрит! Должен быть закон, запрещающий назначать такие цены за обыкновенные салаты – да еще и без майонеза.

– Молодой человек! – возмутилась я. – А где же моя пенсионная скидка?

– Простите, мадам, в нашем ресторане социальных льгот нет, – невозмутимо отозвался этот нахал.

– Как это – нет социальных льгот? Вы что же, не уважаете старость? – Я обратилась в поисках поддержки к давешнему лесовичку, ковырявшемуся в гадкой рыбе с ветчиной, однако его стул был уже пуст – как видно, ушлый старичок без всякого скандала получил полагавшуюся пенсионерам скидку и поскорее унес ноги, пока администрация ресторана не одумалась. Ладно, придется сражаться один на один

с несправедливостью. – Может, вы думаете, что где-нибудь в прогнившей капиталистической стране находитесь? – воскликнула я.

Официант тоскливо смотрел на закопченную потолочную балку, а я все больше распалаясь.

– Не для того я всю жизнь самоотверженно работала, чтобы с меня за какой-то дрянной салатик брали всю мою пенсию! Да на эти деньги на нашем рынке знаете сколько всего можно купить? И все ингредиенты для вашего салата, да еще и на новую кофточку останется! А то и на две... Грабители бессовестные! Жмоты! Мою законную социальную льготу зажали, даже на люстрах экономят. Может, прикажете еще и потраченное мной электричество оплатить?

Для наибольшего эффекта я схватила лампу и потрясла ей перед носом официанта. Он отпрянул в сторону, как испуганная лошадь, и врехался в посетителя, как раз встававшего из-за столика. Пренеприятнейший тип, доложу я вам, типичный байкер: длинные грязные волосы небрежно завязаны в хвост; недельная щетина, кожаная куртка, вся в нашивках и значках. Из-под черного воротника на шею выползала татуировка – устрашающего вида змея в короне. А уж про табачный запашище, который он источал, я вообще молчу. Словно я свой нос в общественную пепельницу сунула.

Байкер, перекрывая музыку и бубнеж Пантеры, выmaterился во всю свою прокуренную глотку. Потом грубо толкнул официанта, пнул ногой попавшийся на дороге стул

и на прощание хлопнул дверью от всей души.

– Еще и хамов последних пускают в свое заведение! – воскликнула я. – Это вы мне теперь должны выплатить компенсацию за моральный вред – я таких слов не слышала даже от пьяных старшеклассников на выпускном! – На меня уже стали оборачиваться посетители, но мне было все равно, я, что называется, разошлась. Совсем позабыла про свое намерение тихонечко, незаметненько наблюдать за Степочкой. Сейчас я должна была восстановить справедливость. – Вот что, у меня есть один знакомый юрист, очень хороший мальчик Павлик, он вас в суд вызовет! Да, предъявит вам иск за оскорбление человеческого достоинства, без штанов останетесь! И без туфелек Екатерины! Понятно?

Тут уже в нашу сторону посмотрели абсолютно все. В том числе и Степа. А также его друг Павлик, тот самый «знакомый юрист».

– Любовь Васильевна? – Павлик растерянно снял очки, протер их и водрузил обратно на переносицу, видимо, полагая, что после этой нехитрой процедуры мираж рассеется. Но я, конечно, никуда не делась.

– Мамусик?! – наконец сообразил мой сыночек. Светлые брови поползли навстречу друг другу. Лоб собрался в грозные морщины. Первое изумление уступило место гневу. – Ты что здесь делаешь? Иди домой!

– Всем оставаться на своих местах! – вдруг заорали от двери. – Полиция!

В ресторан, грохоча сапогами и оружием (настоящими автоматами!), вломились омовцы – в черных шлемах и пуленепробиваемых жилетах.

Пантера поперхнулась припевом. Музыка оборвалась.

Азиатки истошно завизжали.

От страха я уронила лампу на пол.

– Батюшки-светы... Ну зачем же сразу ОМОН вызывать, – растерянно пробормотала я. – Обойдусь я и без пенсионной скидки!

Глава 4

В ресторане началась кутерьма.

Женщины плакали, семейная пара фитнес-тренеров синхронно нырнула под стол, бизнесмены бросились звонить по мобильным телефонам. Пантера, с рассыпанными по плечам дредами и микрофоном в руках, застыла на сцене, как инсталляция скульптора-неформала.

Только азиатские туристы от души веселились и громко аплодировали омоновцам, очевидно, воспринимая происходящее как забавный русский аттракцион.

Я же, несмотря на приказ полицейских, со всех ног кинулась к своей кровиночке, голося во всю мощь своих легких:

– Степочка! Малыш! Мамочка уже рядом! Мамочка здесь! Не волнуйся, зайчонок!

Никакая сила на свете, даже вооруженная автоматом, не способна остановить взволнованную мать!

Через мгновение – омоновцы и пошевелиться не успели – я уже крепко обнимала своего любимого сыночка.

– Не переживай, малыш, все будет хорошо, – приговаривала я, глядя сидящего Степочку по светлым мягким волосикам (в отличие от невоспитанных азиатов, мой мальчишечка всегда снимает головной убор в помещении) и прижимая его головку к своей груди. – Эти плохие дядьки тебя не обидят, мамочка проследит.

– Любовь Васильевна, а вы-то что тут делаете? – изумленно спросил Павлик – худенький мальчик в очках, которого я всегда стремилась накормить поплотнее.

– Да, мамусик, ты почему не дома? – Степочка вырвался из моих объятий.

Тут омовцы, похожие в своих шлемах и бронежилетах на боевых роботов, окружили наш столик, я только и успела проговорить:

– Я здесь, чтобы проследить за твоим общением с Пантерой, сынок! И я много что примечательного видела, да, Степочка, нам с тобой предстоит крупный разговор!

– Неужели это ты полицию вызвала? – подозрительно спросил Степа.

– Нет, не я – хотя эту бесстыдницу следовало бы арестовать!

Я еще многое хотела сказать своему сыночку и по поводу Пантеры, и по поводу коньяка, которым от него разило просто невыносимо; однако мне помешал один из безликих роботов – выхватил у меня из рук блестящую розовую сумочку и вытряхнул все ее содержимое на стол. В том числе фотографию Степочки, помаду, зеркальце, флакончик духов «Персидская гурия», бинокль и сверток с еще тепленькими пирожками.

– Вы что себе позволяете, молодой человек? – возмутилась я. – Что здесь вообще происходит?

– Ой, пирожки! – одновременно со мной воскликнул Ан-

дрюша, мой любимчик (не считая Степочки, разумеется!) – пухлый рыжий паренек, весь в веснушках; вот его-то и просить не надо было, моментально сметал все, что было на столе, да еще и с добавкой. Он и сам был похож на румяный пирожок только что из печки. – Неужели ваши фирменные, с мясом, тетя Люба?

Омоновец, удостоверившись, что ничего достойного внимания в моей сумке нет, швырнул ее мне обратно. Я обожгла его взглядом и повернулась к Андрюше:

– С мясом, Андрюшенька, с мясом – я же знала, куда иду. В этих пафосных ресторанах останешься голодным, – сказала я, собирая свои вещички – все, кроме пирожков. – Вот вам, мальчики, кушайте на здоровье.

Андрюша хотел было затолкать в рот вкусняшку, уже протянул к свертку руку – но именно в этот момент один из роботов принялся обыскивать мальчика. Похлопал Андрюшу по всем карманам, ощупал его сверху донизу и даже потребовал снять ботинки.

Тем временем, Степочка заметил на столе бинокль, который я еще не успела спрятать обратно в сумку.

– Мамусик, а это тебе зачем? – еще больше нахмурил светлые брови Степочка.

Я гордо вскинула подбородок, не теряя чувства собственного достоинства:

– Это, Степочка, мой талисман. Мне его твой отец подарил в молодости. Всегда ношу с собой – неужели ты не знал,

мальши́к? Вот как невнимательно относишься к собственной мамочке, к своему любимому мамусику, ай-яй-яй!

Что ж делать, иногда приходится легонечко приврать ради спасения хороших отношений с любимым сыночком!

Однако Степочку моего не так-то просто провести – какого умненького мальчишечку я вырастила! Он прищурился...

Но тут омовцы взяли его в оборот. Обыскали все карманы («Аккуратнее! Нежнее с моим сыночком!» – отчаянно зывала я) – и вдруг нащупали у него на груди, под футболкой, какую-то выпуклость.

Один из полицейских рванул цепочку на Степиной шее; в ладони у него оказался золотой медальон.

Никогда раньше не видела у своего сына этого украшения: медальон был размером со среднюю сочинскую гальку, тускло блестел, а на лицевой его части хищно извивалась змея.

– Товарищ полковник! – радостно позвал начальника омовец. – Кажется, это то, что мы искали.

К нашему столику неторопливо подошел подтянутый мужчина чуть за пятьдесят. В гражданской одежде – мятые брюки, старый ремень, серая рубашка. Вместо мундира – потертая джинсовая куртка то ли из девяностых, то ли из американской глубинки, бывшая когда-то темно-синей, но с течением времени превратившаяся в грязно-голубую.

Словом, встретишь такого доходягу на улице – не обернешься.

А потом я увидела его лицо.

Иронично приподнятая бровь. Приметная родинка на правой скуле. Упрямо сжатые тонкие губы. И взгляд – быстрый, острый, как знаменитый арабский нож флисса с тончайшим изогнутым лезвием...

Полковник как две капли воды походил на голливудского актера Роберта де Ниро с плаката в Степочкиной комнате.

Я невольно распрямила плечи, выставив вперед свое главное оружие – шикарную грудь.

– Дайте-ка взглянуть, – негромко приказал он, имея в виду медальон, конечно, не мою грудь.

Пальцы полковника, неожиданно ловкие, покрутили гладкий кулон и так и эдак, нажали скрытую пружину, и медальон внезапно распался на две половинки. А внутри...

Я-то думала, внутри прячется бесценный алмаз «Эксельсиор», или, скажем, ключик от сейфа с золотыми слитками, или даже красная кнопка от ядерного чемоданчика – иначе зачем устраивать такую спецоперацию с привлечением ОМОНа?

Но в медальоне оказалась всего лишь маленькая бумажка, сложенная вчетверо.

Однако полковник, против ожидания, страшно заинтересовался.

– Так-так-так... – протянул он, разворачивая бумажку. – Окей. Пригласите-ка сюда шеф-повара!

Я во все глаза смотрела на Степочку, пытаюсь понять, что происходит – однако сыночек казался не менее ошарашен-

ным, чем я. Мои любимые голубые глазки широко распахнуты, светленькие реснички растерянно моргают. Кажется, он даже периодически забывал дышать.

– Твой медальон, приятель? – тем временем лениво, как будто невзначай, поинтересовался у моего малыша полковник.

– Нет, нет, не его, товарищ полковник! – влезла я между ним и Степой. – У него никогда таких украшений не было! У Степочки вообще аллергия на золото! Видите, как он задыхается, бедняжка!

Полковник окинул меня пронзительным взором.

– Я разве у вас спросил? Вы вообще кто? Его адвокат? Пресс-секретарь?

– Я мамочка этого чудесного мальчика, – пояснила я и кокетливо взбила волосы. Мои чары еще никогда меня не подводили! – Товарищ полковник, миленький, мой сыночек совершенно ни в чем не виноват. Медальона этого он в глаза никогда не видел. Отпустите нас домой, пожалуйста! Уже поздно, Степочке спать пора.

Полковник хмыкнул – весьма оскорбительно, доложу я вам.

– Ничего, подождут усталые игрушки вашего Степочку. Мамочка, отойдите-ка в сторонку. Я так и не услышал ответа на свой вопрос, молодой человек.

Степа сглотнул, потом откашлялся и наконец выдавил:

– Это не мой медальон.

– Вот, я же говорила! – торжественно заявила я. – Ну что, мы пошли?

– Не так быстро, мамочка, – выставил руку полковник и вновь обратился к Степе: – Знаешь, чей это медальон?

– Клянусь, нет! Я вообще не понимаю, как он оказался у меня под футболкой! – с отчаянием воскликнул Степочка. Как я жалела его в этот момент!

– Не расстраивайся, малыш, скушай пирожок! – не вытерпела я и выхватила из рук Андрюши свой сверток, который тот под шумок начал уже разворачивать. Моему сыночку сейчас вкусняшки нужнее!

– О дьявол, как меня утомила эта женщина, – тяжело вздохнул полковник. – Мамочка, да успокойтесь вы наконец. Вы со своими пирожками препятствуете следствию. Полагаю, ваш двухметровый оболтус не умрет от голода в ближайшие несколько минут, пока я его допрашиваю.

– Ох. – Я с размаху опустилась на стул, который мне услужливо успел пододвинуть внимательный Павлик. Пирожки выпали из моих ослабевших рук. Их подхватил внимательный Андрюша. – Так это вы его допрашиваете?! Из-за какого-то дрянного украшения, которое ему явно кто-то подсунул! Мой сын, по вашему, что – преступник?

– Поглядим... – Полковник задумчиво погладил родинку на щеке. – Черт возьми, невыносимо работать в таких условиях. Да когда уже приведут проклятого шефа?

– Я здесь, ваша честь! – капризным тенором отозвался

подошедший к нашему столику юноша в жемчужно-розовой поварской куртке экстравагантного покроя. Впрочем, приглядевшись, я поняла, что не так уж был он и молод – просто весь какой-то напомаженный и расфуфыренный, словно сию минуту сошел с телеэкрана, прямиком из программы «Секреты вселенской красоты». – Порфирий Петухов к вашим услугам.

– Почему так долго, лейтенант? – нахмурился полковник, адресуясь к полицейскому, сопровождавшему шеф-повара. – Ему плохо стало после сегодняшнего удара?

– Гражданин никак не мог определиться с прической, – отрапортовал тот.

– Я не виноват, что после удара по голове у меня на затылке встал хохолок, ваша честь! – взвизгнул Порфирий. – И мне теперь его никак не уложить, шишка вскочила размером с репу! Тюбик геля извел, и все зазря! Хорошо хоть крови нет... От блюда дня меня оторвали, голова раскалывается, хохолок торчит – я будто в аду оказался!

– Сумасшедший дом какой-то – пирожки, хохолки, – мрачно сказал полковник. Сейчас, несмотря на наличие джинсовой куртки и отсутствие тюрбана, он сильно напоминал марокканского короля из «Цветка миндаля», попавшего в разгар ссоры двух его самых нелюбимых жен. – Окей, значит, так. Во-первых, отставить все посторонние разговоры про чертовы пирожки и хохолки. Во-вторых, лейтенант, вызови шефу скорую, чтобы зафиксировать факт причинения

травмы и заодно убедиться, что у него нет сотрясения мозга. Не хватало нам тут еще недостоверности показаний на фоне затуманенности сознания свидетеля... – Он повернулся к Порфирию, слушавшему с необыкновенно кислым личиком. Сложно было сказать наверняка, морщился ли шеф-повар от предположений полковника или от боли в затылке – красавчик не оставлял попыток пригласить непослушный хохолок. – И в-третьих – взгляни, приятель. Узнаешь этот медальон?

Порфирий еще больше скривил физиономию.

– Безвкусица, прошлый век, я такое не ношу.

– Речь не о том, носишь ли ты такие украшения, – терпеливо сказал полковник. – Я спрашиваю, ты его видел когда-нибудь?

– Никак нет, ваша честь, – по-пионерски отсалютовал шеф-повар, очевидно, не имеющий ни малейшего представления, как следует общаться с представителями правоохранительных органов. Не то что я!

– Окей, тогда погляди-ка вот на это. – И полковник передал Порфирию бумажку из медальона.

– Постойте, ваша честь! Это же листок из моего ежедневника! – воскликнул шеф-повар. – Такой, знаете, прелестный «Ежедневник», с ёжиками на обложке, которые пьют молоко из чашечки, просто мимимишность... Видите, и здесь, на листке, ежиные следы, грибочки всякие, яблочки... А сам ежедневник, весь разодранный, сейчас на полу в кабинете

валяется, я мсье лейтенанту показал.

– Вот как? Любопытно... – погладил родинку полковник. – Окей, читай, что там написано.

– Ингредиенты – говяжья вырезка, кукурузная мука, морковь, трюфели... – декламировал вслух шеф-повар, и голос его от изумления становился всё выше и выше. – Посыпать вырезку смесью пряных трав: три веточки лимонного базилика, два листочка кориандра овощного, щепотка любистока... Оставить на тридцать шесть часов... Позвольте, ваша честь, но это же наш рецепт медальонов из говяжьей вырезки с кремовой полентой, овощами-гриль и соусом из трюфелей! – совсем уже дискантом закончил Порфирий.

– Окей, так я и думал, – удовлетворенно заключил полковник и повернулся к Степе, моргавшему все быстрее. – Откуда у тебя рецепт из бесценной кулинарной книги Екатерины Второй, пропавшей сегодня из сейфа ресторана?

Глава 5

Один, всего один раз в жизни я ужасно напилась.

Это было одиннадцать лет назад. Степе было четырнадцать. Тогда он признался мне, что впервые влюбился. В девочку из своего класса.

Его избранницу я прекрасно знала, потому что каждую неделю учила ее домашнему хозяйству на своих уроках труда. Конечно же, я работала в Степиной школе – а как еще прикажете контролировать сына-подростка?

Девочка эта была отличницей. Кажется, она была просто не способна получить «четверку», в том числе и по моему предмету. У нее получалось абсолютно все, за что бы она ни бралась: от праздничного торта до извлечения квадратного корня из двадцати восьми тысяч двухсот двадцати четырех. Милое приветливое личико, скромная косичка, всегда чистая блузка и юбка строго до середины колена. Было всего лишь одно «но».

Она носила очки.

Степечке это обстоятельство очень нравилось. Он восторженно болтал про ее умный взгляд, про ее беззащитность – в общем, весь был переполнен всякой романтической чепухой. Казалось, так и взлетит сейчас от счастья.

Но я, в отличие от него, крепко стояла на грешной земле. Я прекрасно понимала, что этот союз просто-напросто

нельзя допустить. Не надо быть инженером-генетиком, чтобы знать: плохое зрение передается по наследству. А мои внуки должны быть безупречны.

Конечно, в четырнадцать лет мальчишка не думает о будущем, о женитьбе, о детях. И правильно – для всех этих мыслей у него есть мамочка. И мамочка должна проследить, чтобы ее потенциальная невестка обладала идеальной медицинской картой. Никаких хронических заболеваний, никаких изъянов! Мой-то Степочка – просто кровь с молоком! Богатырь!

И внучок мне нужен точно такой же. Не собираюсь со своим внуком потом таскаться по окулистам.

Одним словом, побежала я тогда к директрисе, с которой мы очень дружили – у нас дачные участки в одном садоводстве – и взмолилась о помощи. Выход нашелся. Мы срочно отправили девочку по программе обмена школьниками в Америку – на целый год. Ее родители очень обрадовались, когда директриса позвонила им с таким предложением.

Когда девчонка уехала, Степа рыдал, я его утешала. Испекла его любимое шоколадное печенье в форме медвежат.

А потом, когда он заснул, взяла Петин коньяк и выпила полбутылки, закусывая шоколадными медвежатами. Трудно принимать судьбоносные решения, даже если они правильные!

Помню, как кухня крутилась у меня перед глазами. Поварешки, кастрюли, занавески, холодильник – все слилось

в один яркий вихрь. Моя голова больше мне не принадлежала. Я будто бы оказалась в капсуле для испытания будущих космонавтов. Никак не могла попасть рукой по выключателю, да еще и грохнулась посреди коридора, позорище. Дорога от кухни до спальни заняла у меня минут сорок. Петенька, светлая ему память, говорил, что я храпела так, что соседи снизу всю ночь стучали по батарее. А мне снилось, будто меня несет по горной реке, швыряет во все стороны, бьет о камни...

Вот и сейчас я чувствовала себя примерно так же, как тогда, в пьяном кошмаре.

Я услышала, как на запястьях моего сыночка защелкнулись наручники. А затем увидела, как моего родного Степochку уводят полицейские – и я ничего не могла поделать, со всем ничего! Когда я пыталась броситься им наперерез, меня грубо остановили.

– Кепочку, кепочку забыл! – кричала я. – Пойдите, куда же вы его?!

Полковник коротко бросил:

– В «Кресты». Как главного подозреваемого в краже особо ценного имущества.

Степа, обернувшись, бросил на меня отчаянный, полный слез и страха взгляд голубых глаз – и тут же моего малыша швырнули в зарешеченный микроавтобус с надписью «Полиция».

Через минуту двор был пуст.

А ведь Степочка даже не успел съесть ни одного домашнего пирожка с мясом.

Я поняла, что вот-вот упаду в обморок. Голова кружилась неимоверно. Эта белая ночь вмиг стала для меня угольно-черной.

– Любовь Васильевна, мы здесь!

– Тетя Люба! Держитесь!

Из ресторана выскочили Павлик с Андрюшей. Павлик завел нашу «Ниву», а Андрюша бережно усадил меня на заднее сиденье. Какие все-таки хорошие мальчики, пробилась мысль сквозь туман в голове.

К нам подбежал лейтенант, записал наши паспортные данные и адреса, я отвечала на каком-то автопилоте.

Потом в окне замелькали петербургские набережные.

Я только сейчас осознала, что до сих пор мну в руках Степочкину кепку с якорем.

– Как же он без кепочки? – обессиленно прошептала я. – Головку же напечет.

Потом поняла, что в тюрьме солнца нет.

Чтобы не разреветься, постаралась переключиться на отвлеченные темы.

Помнится, Яков Матвеевич мне рассказывал, что каменные берега Невы возводились как раз при Екатерине Второй. Она затеяла невиданную по масштабам стройку – крупнейшую на тот момент в Европе. Рабочие обтесывали гранит круглосуточно, по ночам работали в шатрах, при свечах.

– Вы только взгляните, Любовь Васильевна! – восклицал Яков Матвеевич, обводя Дворцовую набережную рукой с зажатым в ней сахарным рожком. – Какой великолепный ансамбль!

Мы с ним тогда прогуливались возле Эрмитажа, куда он меня пригласил на выставку «Кулинария в классической живописи» – подумал, что эта тема мне будет интересна. После смерти Петеньки прошел уже год, я решила, что пора слегка развеяться – да мне и правда было любопытно поглядеть, чем питались в старые времена. Однако когда я начала громко ахать и охать, рассматривая во всех подробностях роскошные продукты на полотнах голландских художников и приговаривая: «На нашем рынке за такого гуся не меньше бы тыщи попросили!», – Яков Матвеевич как-то засмутился и предложил угостить меня мороженым на улице.

– Екатерина преобразила этот город, раскрыла его потенциал, заложенный Петром! – восхищался он, не замечая, что мороженое у него в руке тает и белыми кляксами стекает по гранитному парапету. – Ну разве не великая женщина?

– А знаете, Яков Матвеевич, – ответила я ему, гордо задрав подбородок, – я эту Екатерину, если хотите знать, терпеть не могу!

– Как это? – поразился Яков Матвеевич. – Но почему, ради всего святого?

– Она была плохой матерью! – бескопромиссно заявила я. – Совсем не любила своих сыновей. Она-то, в отличие

от меня, не посвятила себя воспитанию собственной кровиночки! Отсылала своих детей куда попало. Только и знала ваша Екатерина, что переписываться со всякими заумными французами да личной жизнью заниматься. Кукушка в короне!

...Погрузившись в размышления об императрице, я не сразу поняла, что меня окликают.

– Любовь Васильевна! Так что вы думаете насчет адвоката? – спрашивал Павлик, повернувшись ко мне с водительского сиденья. Оказывается, мы уже припарковались возле моего дома на Купчинской улице. – Я найду вам хорошего юриста, у меня есть связи...

Павлик, с которым Степочка дружил с первого класса, сейчас работал в юридическом отделе крупной фирмы.

– А сам ты не сможешь взяться за его защиту? – осенило меня.

– Любовь Васильевна, вы же знаете, что у меня другое направление, я юрисконсульт, выступаю только в Арбитражном суде, – терпеливо объяснил Павлик, поправляя очки. – Степа же не юридическое лицо...

– Да у него самое лучшее лицо! – обиделась я за сына. – Самое красивое и доброе!

Павлик с Андрюшей переглянулись.

– Никто с этим не спорит, Любовь Васильевна, – примирительно сказал Павлик. – Но на моем счету – всего лишь одно-единственное дело из категории защиты прав человека,

да и то еще университетских времен. Ради пятерки за практическую работу я отсудил у Ленинградского зоопарка пятьдесят рублей, уплаченных мной за вход. Основание – на билете была изображена кистеухая белка с острова Борнео, а в зоопарке я ее не нашел. Судья усмотрел в этом обман потребителя... Это вершина моей юридической частной практики. Сами видите, куда уж мне тягаться с полковником полиции, твердо вознамерившимся посадить Степу по обвинению в краже... Однако я знаю несколько квалифицированных специалистов по уголовному праву, которые смогут ему противостоять.

– Не хочу отдавать моего мальчишечку в чужие, незнакомые руки! – воспротивилась я. – Знаешь, Павлик, не надо нам пока никаких адвокатов. Мой Степочка ни в чем не виноват.

– Мы тоже так думаем, тетя Люба, – вступил в разговор Андрюша. – За Степана мы поручимся как за самих себя, мировой парень. Ни разу даже пиратский фильм не скачал через торрент, сколько я ему не предлагал... – Андрюша был программистом. – Он бы в жизни не взял чужой медальон и уж тем более не стал бы воровать рецепт какой-то говядины – с таким-то шеф-поваром на собственной кухне! Да вы сто очков вперед этому ресторану дадите! – Он мечтательно покачал головой. – Ваши пирожки, ваш борщ, ваш плов, ваши оладьи – это чудо, Любовь Васильевна!

– А моя марокканская пахлава? – не утерпела я. С недав-

них пор я ввела новое блюдо в свое меню, выудив по крупичкам рецепт из моего сериала про принцесс.

– О, это восточная сказка, – застонал Андрюша. Павлик согласно закивал. – Но, возвращаясь к вопросу об адвокате – как бы потом поздно не оказалось!

– Да, лучше перестраховаться, Любовь Васильевна, – подхватил Павлик. – Это я вам как юрист говорю.

– Знаете что, мальчики? – Я решительно открыла дверь машины. – Никто лучше мамочки не сможет защитить своего сыночка!

Мой Петя всегда поражался – как быстро я беру себя в руки. Одна из любимейших моих присказок: если упал, не забудь подняться.

Вот и сейчас самообладание вернулось ко мне, как только я зашла в родную парадную. И я сразу сообразила, с чего следует начать.

В лифте я нажала кнопку с цифрой «6». Час, конечно, поздний, но и случай исключительный. Придется нарушить правила хорошего тона. Да и потом, сколько раз я помогала своим соседям – то стаканом муки, то ценным советом. Пора и им немного напрячься ради семьи Суматошкиных!

Дверь квартиры №21 открыл сам Володя Уточка. Уточка – это фамилия, а не прозвище. Володя очень гордился своей необычной фамилией. Ему нравилось, когда жена Рита звала его за стол фразой «Майор Уточка, обед по вашему распоряжению накрыт!». Майор – это тоже не прозвище, а зва-

ние. Володя работал в районном отделе полиции. Уже давным-давно. И, вероятно, так там и останется.

Дело в том, что на протяжении всех своих сорока пяти лет Володя боролся не столько с купчинской преступностью, сколько с главным суперзлодеем, отравившем ему жизнь – огромной, страшной, невиданной ленью. И пока что позорно проигрывал в битве. «Эх ты, майор Уточка», не раз говорила ему верная Рита, «так и останешься до старости майором – амбиций тебе не хватает».

– Люба, что случилось? – спросил он, вглядываясь в мое лицо. Похоже, я подняла Володю с постели – темные волосы взлохмачены, густые брови и то растрепаны; глаза заспанные, штаны натянуты кое-как, а поверх майки он и вовсе не удосужился ничего накинуть. Количеством растительности на теле он мало отличался от охотничьей собаки скотчтерьера, чей портрет у него висел на почетном месте в прихожей.

– Ой, Володенька, случилось! – всхлипнула я. – Случилось страшное!

– Спокойно, Люба, майор Уточка все решит, – зевая во весь рот, заверил меня Володя и пригласил пройти на кухню.

Обливаясь запоздалыми слезами, я рассказала Володе свою печальную историю. На шум из спальни прибежала Рита, кутаясь в широкий халатик с тропическими цветами, который я подарила ей на этот Новый год. Нам с ней, блондин-

кам в теле, такие яркие тона очень идут.

– Любочка, милая, почему ты плачешь? – всполошилась она. – Я уже лет пять не видела, чтобы ты плакала – с тех самых пор, как Степа объявил, что хочет жениться на той артистке...

Да, Степочка тогда подцепил какую-то начинающую актрису, с золотой косой до пояса и громадными фиолетовыми глазами. Привел ее ко мне знакомиться, нес какую-то чепуху про любовь с первого взгляда – они просто не могли оторваться друг от друга. Но я, конечно, выгнала ее из дома, как только услышала, чем она зарабатывает себе на жизнь. Вы же знаете, что говорят про актрис?! Мне такая распущенная невестка ни к чему! Она просто недостойна носить гордую фамилию Суматошкина, символизирующую порядочность и честность. Я потом читала про эту девицу в журнале «Звезды кино» – спустя пару лет она вышла замуж за какого-то американского актера, с которым познакомилась на кинофестивале в Каннах, и уехала с ним в Голливуд. Туда ей и дорога, в это царство разврата и денег! Может, познакомится там со школьной Степиной любовью в очках – та после года обучения за границей совершенно потеряла голову (наверняка ее там завербовали в шпионы!), грезилась об этой Америке и в конце концов поступила в нью-йоркский институт. Глупая! Всем известно, что наше образование – самое лучшее в мире.

– Ох, Риточка, ты не представляешь, что произошло! –

воскликнула я и специально для подружки повторила свой рассказ во всех подробностях. В конце концов мы с ней рыдали уже вместе – Рита, мать двоих замечательных девочек, прекрасно меня понимала. Конечно, мы с ней часто соперничали – в методах воспитания детей, в способах приготовления праздничных блюд, – но перед лицом жизненных трудностей всегда сплачивались.

– Ну, развели тут болото, – недовольно прокомментировал Володя, откидываясь на спинку стула. – Девчонок разбудите, ревы-коровы. Сказал же – майор Уточка все решит.

– Так решай, товарищ майор! – Рита утерла слезы кухонным полотенцем и сердито уставилась на мужа. – Ты почему еще здесь?

– Я что, должен в двенадцать часов ночи людей беспокоить? – буркнул Володя, не предпринимая ни малейшей попытки встать с любимого стула. – Завтра с утра позвоню нужным знакомым, сейчас все спят уже.

– А мой Степочка не спит! Его, наверное, пытаются там, в застенках! – крикнула я и зарыдала с новой силой.

– Володенька, милый, – угрожающе сдвинула тонкие брови Рита. – Ты, наверное, наивно полагаешь, что я тебя отпущу в эти выходные на охоту? Небось уже и сумку себе собрал, и ружье бараньим салом смазал, да?

– Смазал, ну и что? – Володя явно почувствовал недоброе – взгляд его насторожился, как у скотчтерьера, унюхавшего вместо безобидной лисицы разъяренного бурого мед-

ведя.

– А то, что сумку свою можешь благополучно разбирать обратно, а баранье сало станет твоим завтраком, обедом и ужином на ближайшую неделю, на большее не рассчитывай. – Рита говорила спокойно, но Володя поежился от холода, которым был пронизан ее голос.

– Ну ладно, ладно, господи, – забормотал майор Уточка. – Сейчас пойду в спальню, возьму свою записную книжку и позвоню парням, разнюхаю, как там и что.

– Ты что, до сих пор так и не удосужился перенести свои контакты из старой записной книжки в телефон? – раздраженно воскликнула Рита.

Володя ушел в комнату, а я понемногу перестала всхлипывать и огляделась по сторонам, впитывая успокоительное тепло этой симпатичной кухни: золотистые дубовые шкафчики, отдраенная до скрипа бытовая техника (чистота на высоком уровне, почти как у меня!), веселенькие кружевные занавесочки на окнах.

Но главное – каждый квадратный сантиметр стен был заполнен рисунками, эмалями, картинками, тарелочками, связанными одной темой – охотой. Страстный Володя-охотник кардинально отличался от ленивого Володи-полицейского. Он без усталости выслеживал дичь и всегда возвращался домой с трофеем. Чего никак нельзя было сказать о его основной работе.

Рита за годы семейной жизни научилась творить из дичи

кулинарные чудеса. Конечно же, не без моих полезных советов. Ну а кто бы еще ей подсказал, что в пельмени из медвежатины надо добавить бруснику, чтобы отбить неприятный привкус?

Пока я подправляла розовую помаду, серьезно пострадавшую в ходе моих причитаний, Рита, заговорщески мне подмигнув мокрыми глазами, достала из буфета бутылочку клюквенной наливки. Знает, хитруша, что это моя слабость!

К наливке мы с ней быстренько слепили бутербродики с вяленой лосятиной и к возвращению Володи из спальни были уже похожи на приятных, рассудительных женщин, а не на половые тряпки.

– Ага, наливочка! – обрадовался Володя, потянувшись к бутылке.

– Какая тебе еще наливочка? – шлепнула его по руке Рита. – Сначала доложи о своих успехах.

– Не томи, Володенька! – взмолилась я. – Как прошел разговор?

– Прости, Люба, не могу пока тебя обнадежить, – вздохнул Володя, жадно поглядывая на клюковку. – Все гораздо хуже, чем я мог себе представить.

Я схватилась за сердце, пребольно уколотившись гранатовой брошью.

– Почему?

– Звонил знакомому в Центральный отдел, – отчитался Володя, незаметно стягивая с тарелки бутербродик, – он

сказал, что делом о пропаже кулинарной книги занимается Главное управление МВД по Петербургу. Ответственным назначили полковника Орлова. Я про него наслышан, настоящий ястреб, легенда городской полиции... Короче, Степу, как главного подозреваемого, отпустить никак не могут.

– Батюшки-светы! – ахнула я. Мой мальчишечка – главный подозреваемый! Страшные слова, которые состарят любую мать сразу на пятнадцать лет.

– Может, денег этому полковнику предложить? – Рита, жена полицейского, знала, как в нашей стране решаются подобные проблемы. – Сбросимся всей парадной. Любочку все любят, да и Степа много всем помогал... Уверена, что соберем сколько нужно.

– Не вариант, – вздохнул Володя, самовольно наливая себе рюмку клюковки. – Я сразу у своего знакомого спросил. Говорит, этот подлец Орлов позорит всю полицию – вообще взяток не берет. Нисколько. Никаких. Ни миллионами его не прельстишь, ни дорогими машинами... Неподкупный, как... как архангел Петр, хотя и тому, наверное, легче сунуть бутылку коньяка, чем полковнику Орлову. Я слышал, он в конце девяностых стажировался в полиции Чикаго – ну и нахватался у американских копов всяких диких принципов. Подцепил там словечко «окей» и идиотскую идею, что полицейский должен быть кристально честным, как... не знаю, как вот это стекло. – Ради иллюстрации метафоры Володе пришлось опрокинуть в рот густую красную жид-

кость и покрутить пустой рюмкой у нас перед носом.

– Плохо дело, – помрачнела Рита и подлила мне клюковки. Я махнула рюмку не задумываясь.

– Что же он так к Степочке прицепился? – простонала я, отдышавшись после алкоголя.

– Понимаешь, Люба, улик у них больше никаких нет, – объяснил Володя. – Ни одна видеочамера в ресторане в момент пропажи книги почему-то не работала. Полковник прямо сейчас допрашивает свидетелей, но толку особого пока нет – шеф-повар вообще бьется в истерике... А у твоего Степы нашли этот чертов медальон с рецептом. Откуда он его взял? – Майор как-то хищно на меня взглянул, и я сразу почувствовала себя тем самым лосем, который имел несчастье оказаться у нас на ржаном хлебе.

– Не знаю, Володенька, клянусь Степочкиным здоровьем, его голубыми глазками и своими леопардовыми тапочками, не знаю! Не его это медальон! – заголосила я.

– Верю, Люба, верю, успокойся. – Володя, старательно игнорируя грозный Ритин взгляд, налил себе еще клюковки. – Я сделал всё что мог.

– Нет, не всё! – с нажимом сказала Рита, отбирая у мужа полную рюмку. – У тебя еще в «Крестах» есть знакомые. Позвони им, попроси, чтобы Степу нашего не обижали и поудобнее устроили.

– Господи, вот туда точно можно завтра позвонить! – воскликнул Володя. – Ничего со Степой за одну ночь не сдела-

ется.

– Сделается, делается! – вновь заголосила я во всю силу своих учительских легких. – Ему должны предоставить самые лучшие условия, и немедленно, он у меня такой изнеженный, как цветочек оранжерейный!

– Мама! Иди сюда! – послышался плач из детской. Похоже, я своими криками разбудила младшую Уточку, второклассницу Леночку.

– Так, муженек. – Рита решительно встала и направилась к выходу из кухни. – Я успокою ребенка, а ты будь любезен прямо сейчас, я подчеркиваю, прямо сейчас, Володя, связаться со своими товарищами в «Крестах» и обеспечить Степе комфорт, а Любочке – душевное спокойствие! Понятно, мой милый? Я не шучу!

– Господи боже мой, закусить не дадут. – Володя, преисполненный недовольства, поднялся вслед за супругой. – Ладно, сейчас найду номер в записной книжке...

– Чтобы завтра же все перенес в телефон! – приказала ему Рита, скрываясь за дверью детской.

– Хорошо, хорошо, господа, разве можно быть такой занудой, – пробурчал Володя, хлопая дверью спальни.

На некоторое время я осталась одна – прижала к лицу Степечкину кепку, вдохнула всей грудью родной запах... Снова чуть не разревелась, но побоялась испачкать косметикой любимый головной убор сына.

Наконец Володя вернулся за стол:

– Знаешь, Люба, Степе страшно повезло – его отправили в новые «Кресты», а не на Арсенальную набережную.

– Да? А чем хороши новые «Кресты»? – с недоверием спросила я.

– Сама подумай – они же новые, – невнятно сказал Володя, жуя бутерброд. – Совсем свежие, их только что построили. Там траволаторы, лифты, церковь, музей, спортзал и госпиталь... Я попросил, нашего парня в отличную камеру перевели.

– Отличную? – обрадовалась я.

Володя кивнул и выпил рюмку наливки.

Меня сразу отпустило. Я всегда свято верила в то, что по знакомству в нашей стране можно организовать практически все: ускоренное оформление документов, операцию вне очереди. А теперь, оказывается, построили такую специальную тюрьму с траволаторами и особыми комфортабельными камерами для тех, кто имеет среди своих знакомых полицейских! Вот это правильно.

На всякий случай я полюбопытствовала:

– А моему малышу дадут свежее постельное белье? И передай персоналу, что полотенца должны быть обязательно накрахмаленные, Степочка любит, когда они хрустят.

Майор перестал жевать и уставился на меня, словно во время охоты вместо ожидаемого лося увидел в лесу инопланетную тарелку, мигающую разноцветными огоньками.

Потом оглянулся на дверь.

Потом снова посмотрел на меня.

– Разумеется, Люба. Разумеется, ему дадут накрахмаленные полотенца, чтобы хрустели как следует, – сказал он после паузы.

– Да, и скажи им, Володенька, пусть его покормят питательным завтраком, – продолжала я наставления. – Степочка привык сытно кушать по утрам.

– Конечно, – кивнул майор с непонятым выражением, – получит свежавыжатый апельсиновый сок на завтрак.

– Нет-нет, Володенька, неужели ты не знаешь, что апельсиновый Степочка не любит! – поправила его я. Вот недотепа! А еще майор! – Ты разве не помнишь, что в детстве у него от цитрусовых был диатез? Лучше пусть ему морковный отождут, он полезнее.

– Ага, я прослежу. – Майор хмурил густые брови, вертя в руках пустую рюмку. – Прослежу, Люба, чтобы ничего другого не отжали – только морковный сок.

Что ж, наконец хоть как-то все устроилось. Теперь я могла лечь спать, зная, что мой зайчонок сейчас укладывается на чистенькое бельишко, а с утра его накормят вкусным витаминным завтраком.

Вернувшись домой, в свою уютную квартиру №27 с видом на спящую Купчинскую улицу, я бережно положила Степочкину кепку с якорем на комод, рядом с нашей фотографией из Турции – оттуда он и привез этот забавный капитанский аксессуар, который, надо признать, ему невероятно

шел. Невольно бросила взгляд на снимок. Мы стояли, обнявшись, в анталийском порту, на фоне островерхих яхт, смеялись – загорелые, счастливые...

«Потерпи, мой малыш», – думала я перед сном, смачивая волосы в пиве и накручивая их на бигуди. «Мамусик тебя спасет».

Глава 6

Андрюшины родители – известные этнографы. Типичные ученые. Такие, знаете, деятели не от мира сего.

Папа рассеянный, вечно на все натывается, постоянно в своих мыслях. Говоришь с ним, предположим, о ценах на овощи, а он вдруг начинает рассказывать про древних индейцев, которые поклонялись картофелю и считали его одушевлённым существом, процитирует какого-то Съеса де Леона на испанском языке, да еще и спляшет для примера шаманский танец Солнца. А я всего-то сказала, что картошка подорожала.

Андрюшина мама тоже хороша. По-моему, я ни разу не видела ее с нормальной прической. Волосы у нее выются мелким бесом, так она их закручивает в небрежную кичку при помощи первого попавшегося под руку карандаша. Ходит постоянно в каких-то балахонах, не красится. Зато книжку из рук не выпускает. Берет ее с собой в гости и, кажется, даже в ванную. Бутерброды с колбасой – ее кулинарный Олимп. Эту женщину разговорами про подорожавшую картошку тоже не заинтересуешь.

Сами теперь понимаете, почему Андрюша все детство провел у меня на кухне. А когда его родители радостно уезжали в многомесячные этнографические экспедиции, он и вовсе оставался у нас жить. Спал в одной комнате со Сте-

почкой.

Теперь-то он, конечно, уже взрослый успешный программист, и ночевать больше не приходится, – но по-прежнему относится ко мне с сыновней нежностью.

Они с Павликом примчались ко мне в семь утра. Я еще щеголяла в бигудях и тигровом халате. Обычно я встаю часов в шесть, но уж очень тяжелым вчера выдался день. Мне даже сны не снились – просто отключилась и всё. Пробудилась с камнем размером с Исаакиевский собор на сердце.

– Мальчики, милые, а вам-то что не спится? – грустно приветствовала их я, приглашая на кухню – как раз собиралась варить кофе по мароккански: в турке, со щепоткой соли.

– Мы, тетя Люба, всё думаем, как Степку выручить, – отозвался Андрюша, садясь на голубой диванчик возле горшка с геранью, недавно раскрывшей новые ярко-красные бутоны «оттенка императорского плаща», как однажды выразился Яков Матвеевич. – Решили с вами посоветоваться... А что у нас на завтрак?

– А что ты, Андрюшенька, хочешь? – умилилась я.

– Я бы от оладушек не отказался! – Андрюша изобразил уморительную рожицу трехлетки-сладкоежки, заметившего в парке тележку с мороженым. – С крыжовенным вареньем с вашей дачи.

– Ну разумеется, мой милый, через пять минут все будет готово! – воскликнула я, радуясь хорошему аппетиту мальчика. – А ты, Павлик?

– Благодарю, Любовь Васильевна, я только кофе. С утра мои способности к поглощению пищи, к сожалению, не производят особого впечатления, – сказал Павлик, поправляя очки на тонкой переносице.

Если с Андрюшей мы были на одной волне, то Павлик всегда казался мне чересчур независимым и строгим. Уж слишком он был рассудительным для своих двадцати пяти лет. Только из пеленок вылез – а уже весь такой высокомерный. Однако, надо отдать ему должное, на Павлика всегда можно было положиться. Надежный, как скала, как гранитная набережная Невы – вот каким был второй лучший друг моего сыночка.

Пока я хлопотала возле плиты, мальчишки поделились со мной своими планами по освобождению Степочки.

Павлик предлагал обратиться к журналистам и раздуть из этого ареста скандал – ну, например, представить Степу борцом за свободу слова, или ярым оппозиционером, или вообще представителем какого-либо гонимого меньшинства, это можно изобразить в два счета: несколько соответствующих постов в соцсетях, свидетельства его ближайших друзей, то есть их с Андреем, и дело в шляпе, пресса на крючке. А там, глядишь, губернатор, если не сам президент, устыдится за представителей правоохранительных органов и распорядится Степу выпустить.

Я ужаснулась и категорически, просто наотрез отказалась. Никто, ни одна живая душа (за исключением тех, кто уже

в курсе, конечно, тут уж ничего не поделаешь), не должен знать о позоре, свалившемся на семью Суматошкиных! Я всегда была образцом для подражания. Мои подруги, мои родственники, вообще все, кто меня знает, считали меня каким-то божеством, идеальным существом. Неужели же я допущу, чтобы все узнали, что мой единственный сыночек сидит в тюрьме? Я с негодованием звякнула кофейной чашкой о блюдце. Нет, этот вариант не годится! Да и надежда на внезапно проснувшуюся совесть губернатора – просто детский лепет.

– Ладно, – вступил в разговор Андрюша, как только прикончил горку пышных оладьев, от души политых терпким крыжовником. – А как вам, тетя Люба, такая идея?

Дальше он перешел на иностранный язык. По крайней мере, мне так показалось. Потому что я не поняла практически ничего из того, что он говорил. Павлик, посмотрев на мою бессмысленную физиономию, сжалился и перевел для меня Андрюшину абракадабру. Программист наш замыслил запустить некий мегавирус, который он согласен создать ради Степы, в компьютерную базу всего министерства внутренних дел. Тогда в полиции по всей стране наступит коллапс, все дела между собой перемешаются, многие данные удалятся, и на фоне такого хаоса мы с легкостью вытащим Степу из «Крестов».

– Ну даже не знаю, – засомневалась я. – Не верю я в эти технологии. Я и билеты-то на самолет до сих пор покупаю

в аэропорту. Езжу в Пулково на маршрутке и оплачиваю в кассе.

На этом идеи у нас кончились. Я молча глядела в пустую кофейную чашку, Павлик без конца протирал очки особой тряпочкой, которую всегда носил в нагрудном кармане, Андрюша грустно жевал одну оладью за другой. За окном гремели трамваи, чирикали наглые купчинские воробьи, грохотал мусоровоз. Жизнь остановилась только здесь, в печальной квартире №27.

– Ну не подкоп же делать, как в «Графе Монте-Кристо», – сказал Андрюша, собирая пальцем с тарелки капли крыжовенного варенья и облизывая его.

– А вот это пока самый реальный выход из положения, – мрачно ответила я. – Лопаты на даче есть. Будем работать посменно. Вы со мной?

– Э-э-э, да, Любовь Васильевна, – сказал Павлик, – конечно; но, насколько я помню, граф в итоге выбрался отнюдь не через подземный ход – он забрался в мешок и его выбросили в море... А вообще – почему вы не верите, что Степу освободят без нашей помощи, убедившись в его невиновности?

– Мальчик мой, – мой голос был полон горечи, – потому что я живу в этой стране уже более полувека и научилась не надеяться на справедливость. Полагаться всегда приходится только на свои силы.

Мы засиделись на кухне до полудня. Андрюша вяло шу-

тил, что с нас можно писать картину «Унылые депресняшки заедают горе оладьями». Я нажарила их не меньше сотни.

В какой-то момент я спохватилась, что ведь сегодня третья июня, среда! Двенадцать часов – а мальчики не на работе. Выяснилось, что Павлик весьма предусмотрительно отпросился на целый день, а Андрюша вот уже неделю вообще в офис не ходит, работает дома над каким-то замысловатым проектом. Он многословно объяснял что-то про изящный код и плавающий баг, но я ничего не поняла. Порядком заскучав, я сбежала в ванную – под предлогом того, что уже первый час дня, а я все еще в бигудях и халате.

Как оказалось, прическу я сделала очень даже вовремя. Потому что через несколько минут в дверь требовательно позвонили.

– Откройте, полиция! – послышался строгий голос с лестничной площадки.

Я дрожащими руками повернула защелку. Знакомая коренастая фигура в потрепанной джинсовой куртке, родинка на правой щеке, ироничный взгляд.

– Обожаю эту фразу – «откройте, полиция!», чувствую себя героем американского боевика, – сообщил незванный гость, решительно проходя в квартиру. – «Милиция» – это как-то несолидно, по-советски, скучно до зевоты, вы не находите?

– Батюшки-светы, – прошептала я, в изнеможении падая на банкетку.

– Не батюшка, а полковник Орлов, мэм, – поправил меня гость, оглядываясь по сторонам и мгновенно фиксируя нашу со Степочкой фотографию из Турции на комод, возле которой ждала своего хозяина кепка с якорем. – А со мной еще мальчики.

«Мальчиками» оказались двое оперативников в штатском, которые ввалились в прихожую не поздоровавшись.

– Мы тут у вас покопаемся немного, окей? – снисходительно сказал полковник Орлов, делая знак своим ребятам. Те, не дожидаясь моего разрешения, взялись за содержимое комода и шкафа. Сам полковник тем временем отделил фотографию от подставки, заглянул внутрь, ничего там, конечно, не нашел, ловко собрал конструкцию и вернул ее на место. – Обещаем все поставить на место. Мои мальчики нежные и аккуратные, как умелые любовники – или опытные карманники, – хохотнул он, попутно заглядывая за картину на стене.

Я ужасно растерялась. Сидела на банкетке и открывала рот, словно галчонок, к которому вместо милой мамы с червячком прилетел орел в джинсовой куртке.

К счастью, тут с кухни подоспело подкрепление. Мои мальчики, может, выглядели и не так внушительно, как полицейские – Павлик в своих хрупких очках и простой рубашечке, похожий на провинциального студента-отличника; пухленький Андрюша в рыжих детсадовских кудряшках и мятой, заляпанной крыжовенным вареньем футболке

с надписью «Виндовс маст дай», – однако их появление подействовало на меня как лошадиная доза корвалола.

В моей маленькой прихожей стало тесновато.

– Тетя Люба, что тут творится? – встревоженно спросил Андрюша. Вместо ответа я разрыдалась. – Господа, а ордер на обыск у вас есть? – старательно скрывая волнение, обратился он к полицейским.

– Андрюха, у нас это называется постановление суда, ордер – в Америке, – поправил его Павлик. – Итак?.. – выжидающе посмотрел он на полковника.

Орлов саркастически хмыкнул и вытащил из-за пазухи сложенную вчетверо бумажку. Он небрежно помахал ей перед носом Павлика и тут же перехватил инициативу:

– Удачно, что вы здесь, молодые люди. Мне вообще сегодня везет, как черту в Африке. Столько свидетелей сразу, и все в одном доме. Певица Ромашкина, вы трое. Купить сегодня лотерейный билет, что ли?.. Может, выиграю нормальный джип-«Фордяру», а то катаюсь на какой-то развалюхе... Ладно, покажите моим мальчикам, где тут комната подозреваемого, а я пока с каждым из вас по отдельности побеседую. Скажем, на кухне. Пить хочу. Умаялся свидетелей всю ночь напролет допрашивать; вы у меня последние на сегодня... Полагаю, вода в этом доме найдется?

В моем доме найдутся напитки на любой вкус; но только не для непрошенных гостей. Налив полковнику стакан воды из кувшина, я кинулась в Степочкину комнату, где уже во-

всю орудовали оперативники. Будто стервятники, они терзали подушки моего сына, трясли книжки, заглядывали в трюмы игрушечных кораблей, не поленились даже плитуса открутить. Я поставила Павлика с Андрюшей следить за ними и, хватаясь за сердце, вернулась на кухню.

– Какой у вас пароль от вай-фая? – неожиданно начал полковник. Он уже успел достать из портфеля ноутбук.

– А? Что? От чего?

– Пароль, от вай-фая. Домашний интернет, – нетерпеливо уточнил он.

– Ой, я не знаю... Степочка у нас этим всегда занимался! – Я вновь разревелась. Так много, как за последние сутки, я никогда не плакала.

– Может, парни знают? – предположил полковник и крикнул в коридор: – Эй, молодые люди! Какой тут пароль от вай-фая?

– Не знаем! – хором отозвались мои мальчишечки.

Умнички. Всё они знали, конечно. Они со Степой сутками резались в какие-то виртуальные танки, разбив лагерь в его комнате. Я, собственно, поэтому и пошла на компьютерные курсы для пенсионеров – хотела к ним присоединиться. Хорошая мать должна быть в курсе всех развлечений своего сыночка!

Полковник недоверчиво покачал головой.

– Ну-ну... Окей, попробую подобрать. У меня все протоколы допросов в облаке хранятся, как мне туда без вай-фая

прикажете попасть?.. – сказал он как бы сам себе, набирая что-то на клавиатуре компьютера.

– На самолете можно в облако попасть, – удивилась я. – На вертолете опять же... Или на воздушном шаре – я как-то летала, очень рекомендую.

Полковник внимательно посмотрел на меня из-за экрана ноутбука.

– Шутите? Напрасно... Назовите дату рождения вашего сына.

Я назвала. Он защелкал клавишами и чертыхнулся.

– Не то... А ваша дата рождения?

Пароль снова не подошел.

Полковник последовательно перебрал: номер нашего городского телефона, номер Степочкиного мобильного, имена всех его девушек... Бесполезно. Система не поддавалась.

Я уже обрадовалась, что раз нет интернета, то и допрашивать меня никто не будет, как вдруг полковник бросил взгляд на Степочкину фотографию на стене, задумчиво погладил свою родинку на щеке и спросил:

– А как вас называет Степан? Мама? Мамочка? Мамуля?

– Мамусик, – смущенно, но в то же время и с гордостью ответила я.

– Мамусик... – повторил он, набирая слово на клавиатуре. – Есть! Наконец-то. Подключились к интернету. Что ж, приступим, пожалуй?

Я снова расплакалась, однако на полковника это не про-

извело должного впечатления. С хладнокровностью хирурга, не обращая никакого внимания на мою истерику, он извлек из меня все нужные ему факты: и с кем Степочка общался в последнее время, и как он проводил досуг, и любит ли он готовить («Не мужское это дело!» – с негодованием воскликнула я), и даже какие оценки у него были в школе по истории.

Мне же, прославленной лисе и хитрюшке, не удалось узнать абсолютно ничего: ни как сейчас себя чувствует Степочка, ни в какой камере он находится, ни получил ли он на завтрак свежесжатый сок. Все мои вопросы полковник попросту игнорировал.

Ладно, у Володи все узнаю, уныло подумала я.

После завершения крайне неприятной процедуры допроса полковник, будто заправский фокусник, достал из портфеля плоскую коробочку, которая оказалась портативным принтером, распечатал протокол нашей с ним (с Орловым, а не с принтером) беседы и дал на подпись. А затем бесцеремонно выставил меня из кухни.

Следующей жертвой стал Павлик, потом вызвали Андрюшу. Я буквально разрывалась: мне безумно хотелось подслушать, что там мальчишки рассказывают про моего сыночка, но в то же время следовало контролировать бурную деятельность оперативников в Степочкиной спальне. В итоге я выбрала последнее: друзьям моего малыша можно было доверять – в отличие от суровых полицейских.

Спустя пару часов страшный сон закончился. Оператив-

ники доложили, что ничего достойного внимания не обнаружено. Полковник разочарованно захлопнул ноутбук, сунул мне на подпись свежееотпечатанный протокол обыска и удалился не прощаясь, прихватив с собой «двоих из ларца» и пробормотав напоследок что-то насчет командировки в Германию.

А мы с мальчиками остались в разгромленной квартире.

Нет, надо отдать должное оперативникам: при обыске они действительно старались сохранить порядок. Но вам не хуже меня известно, что только хозяйка знает, под каким углом к двери должна стоять фотография на комодe и на сколько сантиметров должны быть раздвинуты оконные шторы.

Я совсем уже собралась взяться за уборку, как вдруг Андрюша сказал:

– А зачем ему был нужен пароль от вай-фая?

– Что?

– Вы не знаете, для чего полковник спрашивал пароль от вай-фая?

– Я так поняла, что он хочет купить билеты на самолет, чтобы полететь сквозь какие-то облака, – неуверенно сказала я. – Наверное, в Германию – он же упомянул перед уходом командировку.

– Билеты? Он сказал слово «билеты»? Или слово «самолет»? – прищурился за очками Павлик.

– Да... То есть нет, подождите, – запуталась я. – Про билеты он не говорил, только про самолет... Или это я сказала

про самолет?

Мальчики переглянулись.

– Тетя Люба, это очень важно, – проникновенно сказал Андрюша. – От этого зависит судьба Степы. Помните, пожалуйста, поточнее, что полковник говорил про облако.

– Кажется, он говорил, что собирается читать протоколы допросов, когда будет пролетать сквозь облака на самолете, – твердо сказала я. – Да, так.

– А мог он сказать, например, что хранит протоколы в облаке? – предположил Андрюша.

– Вряд ли, это какая-то бессмыслица, – категорически замотала я головой. – Как можно что-либо хранить в облаке? Оно же состоит воды, мальчики. Вы что, в школе не учились, маленькие глупыши? – Я снисходительно погладила Андрюшу по рыжим кудряшкам. Хорошие ребятки, но иногда говорят такие смешные вещи!

– Нет, Любовь Васильевна, это не такая бессмыслица, как вам кажется, – серьезно сказал Павлик.

– Да, стоит проверить, – кивнул Андрюша.

– Не уверен... – прищурился Павлик за стеклами очков. – Это вообще-то преступление.

– Ради тети Любы и Степы я на все готов, – заверил его товарищ. – Так, мне нужен компьютер. А ты не хочешь, не смотри. Лично я пошел в Степкину комнату?

– Постой, нужно все хорошенько взвесить...

После этого загадочного диалога ребята побежали в Сте-

почкину спальню, а я растерянно смотрела на удаляющиеся спины.

– Мальчишечки, а что вы собираетесь сделать? – вякнула я им вслед.

– Взломать полицейское хранилище! – весело отозвался Андрюша уже из комнаты.

– Батюшки-светы! – ахнула я.

Глава 7

Одно из величайших достижений советской власти, по моему мнению, – формирование уникальной системы ценностей у наших граждан.

Ведь как принято у зашоренных капиталистов? Все, что не мое – чужое. Не заплатил – не имею морального права трогать. Тоскливо!

У тех же, кто родился и вырос в СССР, взгляды гораздо более широкие. Есть моя собственность. Есть чужая частная собственность. Это табу. Это воровство. Но есть еще и очень обширная категория так называемой общественной собственности – то, что считается «ничьим». Казенное, общее – значит, ничье! Значит, можно взять при необходимости, не чувствуя за собой никакой вины. И даже стыдно будет не взять, если представится удобная возможность.

К категории «ничье» относятся полиэтиленовые мешки на кассах в супермаркетах (я каждый раз отматываю штук двадцать, несмотря на укоряющие взгляды кассирш), цветы на городских клумбах (неужели вы думаете, что я купила в своей жизни хоть один нарцисс или, скажем, барбарис?), пакетики с сахаром в кафе, салфетки на заправках, шариковые ручки из сберкассы, туалетная бумага из школы...

Да, друзья мои, школа – это золотое дно! Два года подряд мне довелось совмещать должность учителя с должностью

куратора столовой. Мы с заведующий Ангелиной Ивановной сразу почувствовали друг в друге родственные души. Чтобы не утомлять вас подробностями, просто сообщу один факт: за эти два года я ни разу, подчеркиваю, ни разу не сходила в магазин за продуктами. Холодильник у нас всегда был забит под завязку.

Степочка, весь в своего отца, кислого петербуржца, стыдится моей предприимчивости. Ругает меня, когда я после заправки сажусь в машину с карманами, набитыми салфетками. Я же всегда с достоинством отвечаю: копейка, сыночек, рубль бережет, к тому же это все равно ничье...

Поэтому когда Андрюша, подсев к Степочкиному компьютеру, объявил, слегка стесняясь: «Сейчас мы будем добывать протоколы допросов из полицейского хранилища, взломаем систему... Нет ли у вас, тетя Люба, предубеждения против такого, э-э-э, небольшого нарушения закона? Потому что у Павлухи, кажется, есть», – я решительно ответила: «Ломай!»

И тут же с любопытством спросила:

– Так я не поняла, а что ломать-то будем?

– Облако, – вздохнул Павлик, потому что Андрюша весь уже погрузился в общение с компьютером и кажется, даже позабыл о нашем существовании. Он что-то тихо бормотал касательно идиотизма государственных сисадминов, установивших такую смехотворную защиту на такую важную систему. «Денежки-то небось попилили, а потом за пять копе-

ек наняли десятиклассника, чтобы он их от хакерских атак спас», – ворчал он себе под нос. «Ну я вам сейчас покажу, как бюджетные средства разбазаривать, коррупционеры бездумные, биллы гейтсы самозваные... Я сейчас вскрою вашу системку своей программкой, как ржавую консервную банку – швейцарским карманным ножом...»

– Не поняла, зачем вскрывать облако? Это же просто скопление капель... И как это можно сделать при помощи компьютера? – Я уже начала раздражаться. Не люблю быть в отстающих – я всегда должна быть лидером, в любой ситуации!

– Смотрите, Любовь Васильевна. – Павлик взял со Степочкиного стола лист бумаги и изобразил на нем схематичную тучку. – Вы правы, что облако состоит из миллионов, миллиардов мельчайших капель. – Он принялся быстро тыкать в тучку фломастером, оставляя внутри рисунка многочисленные точки. – А теперь представьте, что каждая капля – это сейф, принадлежащий одному человеку. В этом виртуальном сейфе можно хранить огромное количество всевозможной информации. И самое главное – заглянуть в него можно откуда угодно, хоть из офиса, хоть из дома, хоть из аэропорта, да даже из леса, лишь бы только компьютер был подключен к интернету...

– Дикость какая-то, – не поверила я. – По-моему, обычный несгораемый шкаф с кодовым замком гораздо удобнее. Павлик дипломатично пожал плечами.

– Кому как, Любовь Васильевна... Очевидно, полковник – сторонник современных технологий. И в этом – его роковая ошибка. Из ваших слов (хоть и несколько туманных, откровенно говоря) мы с Андрюхой сделали вывод, что господин Орлов предпочитает хранить имеющиеся отношение к делу документы как раз в таком облаке, в виртуальном, так сказать, сейфе.

– Ну и где это ваше хваленое облако находится? На небесах? – ехидно предположила я.

– Почти. На огромном сервере где-нибудь за границей, скорее всего.

– Заграница – понятие растяжимое, Павлик. – Я была настроена весьма критично. – Как Андрюша узнает точный адрес? Прежде чем сейф, пусть даже и виртуальный, можно будет взломать – его ведь нужно найти, верно?

– Совершенно верно, – подтвердил Павлик, поправляя очки. Андрюша тем временем удовлетворенно заворчал – видимо, успешно провернул какую-то недоступную моему пониманию компьютерную операцию. – Полковник ведь подключился к вашему вай-фаю, так?

– Так, – неуверенно согласилась я. Я ни в чем не могла быть уверена.

– А откуда вообще в вашей квартире вай-фай?

– Ты бы еще спросил, как расшифровывается «ДНК» или «ЗИЛ», – буркнула я. – Понятия не имею. Из облака?

Павлик глубоко вздохнул, тщательно протер очки, прогу-

лялся туда-сюда по комнате, видно, чтобы собраться с мыслями, и терпеливо начал сначала:

– Нет, Любовь Васильевна, вай-фай не имеет отношения ни к каким облакам, ни виртуальным, ни физическим... Позвольте пригласить вас в коридор.

Я вышла в прихожую следом за ним. Павлик подвел меня к черной коробочке, которую Степочка давным-давно прикрутил над комодом. Коробочка мигала красными и зелеными огоньками.

– Вы знаете, что это, Любовь Васильевна?

Я хотела было сказать «облако», но потом передумала:

– Это, Павлик, черная коробочка, – снисходительно ответила я. – Неужели ты думаешь, что перед тобой последняя дурочка, которая скажет, что это обезьянка или космический корабль? Нет, мой милый, уж я-то знаю, что это просто-напросто мигающая черная коробочка.

Павлик помолчал, снова протер очки, педантично сложил свою тряпочку в идеальный квадратик, убрал его в карман, потом сообщил:

– Эта «коробочка», Любовь Васильевна, называется роутер. К ней по проводу подается интернет. А она раздает этот интернет по всей квартире. Вай-фай – это способ подключения к этой коробочке без проводов. Понимаете?

Я надменно фыркнула.

– Чего уж тут непонятного! Вай-фай – это тебе не тамбурный шов, ерунда на постном масле. Все ясно – коробочка без

проводов, и все дела!

Павлик с сомнением посмотрел на меня, вероятно, чувствуя, что я бравирую, однако продолжил:

– Роутер, то есть ваша «черная коробочка», автоматически записывает все адреса, куда заходил пользователь, подключенный к вашему вай-фаю. Так что опытному программисту, каковым у нас является Андрюха, не составит никакого труда отследить – где именно располагается облако полковника, а затем взломать его... Вообще-то я как юрист обязан вас предупредить, что тут имеет место уголовная ответственность. Вплоть до тюремного заключения. Мы с вами – соучастники, между прочим. Классическое современное преступление в сфере ай-ти технологий... И вместе с тем – операция элементарная, как для вас – яичницу пожарить. Это должно занять у Андрюхи не больше...

– Готово! – радостно заорал Андрюша из комнаты.

Мы с Павликом бросились к нему. Я была рада, что утомительная и, честно говоря, ужасно нудная лекция про какие-то дурацкие коробочки и облака окончена. Жили как-то люди тысячелетиями без мигающих роутеров, и еще столько же проживут!

– Поверить не могу, что полковник взял себе логин «Eagle», то есть «орел» в переводе, а пароль – семь семерок! – возбужденно тараторил Андрюша, ероша свои рыжие кудряшки. – Это же просто смешно, детский сад, штаны на лямках!

– Да, полковник удивительно неосторожен, – признал Павлик, с интересом глядя в экран, где показались какие-то мини-документы.

Мне было приятно узнать, что не я одна плетусь в хвосте этой гонки технологий. Оказывается, к «облачным» навыкам Орлова у ребят тоже были претензии.

– Он все-таки человек моего поколения, куда ему против вас – вы-то практически родились с гаджетами в рту, – неожиданно для себя самой вступилась я за полковника. Почему-то мне захотелось его защитить.

Это невозможно было объяснить – ведь он арестовал моего единственного сыночка, бросил Степochку за решетку, – но ироничный, самоуверенный Орлов вызывал у меня симпатию. Эта его родинка на щеке, доложу я вам... Встреться мы с ним при других обстоятельствах – все могло сложиться совершенно иначе. Я ведь теперь свободная, одинокая женщина. Конечно, я всегда буду любить милого Петеньку, он был чудесным мужем и отцом, но жизнь продолжается, я еще молода, фигуриста и, без всякого сомнения, красива...

– И – печать! – торжествующе воскликнул Андрюша, вернув меня на грешную землю. – Все протоколы от третьего июня, то есть сегодняшние – горяченькие, только что из печки... Не желаете ли взглянуть, тетя Люба?

– Батюшки-светы, что ты спрашиваешь, родной! Конечно! – воскликнула я. – Но сначала – запоздалый, но плотный обед.

– Вот в чем-чем, а в этом вам, Любовь Васильевна, равных нет, – с искренним уважением сказал Павлик.

– Да, друг мой, это тебе не какие-то мифические облака с мигающими коробочками! – подвела я итог и повела мальчишечек на кухню.

Думаю, что вам поскорее хотелось бы узнать, что интересного мы обнаружили в протоколах, но сначала я все же расскажу, что интересного мы обнаружили в толстостенной кастрюльке, которая с самого утра стояла у меня на плите. Еще во время завтрака я между делом приготовила ароматный плов, рисинка к рисинке. Секрет – в кисленьком барбарисе, который я собираю ежегодно на своем дачном участке и засушиваю. Плов без барбариса – это всего лишь рисовая каша с мясом. Уж в специях я разбираюсь как никто, поверьте!

Мальчики – даже Павлик – попросили добавку. В какой-то момент я снова разревелась, потому что Степочка так любит мой плов, но потом успокоилась, подумав, что он сможет заказать что-нибудь похожее у тюремного повара. Володя же мне гарантировал, что обслуживать моего сыночка будут по высшему разряду. Я тут же позвонила майору Уточке, чтобы он предупредил тюремного шефа – к плову необходимо подать салат из свежих помидоров и перцев. Володя поперхнулся, но сказал, что вот теперь-то ему все стало окончательно ясно.

– Любовь Васильевна, может, выпьем для бодрости по чашечке вашего знаменитого марокканского эспresso? – пред-

ложил Павлик, перебирая многочисленные протоколы.

– Конечно, милый, только ты опять ошибся, глупыш. Правильно говорить «экспрессо», – поправила его я. – Ведь это экспресс-вариант обычного кофе.

Мальчишки дружно вздохнули.

Остаток вечера мы провели на кухне за странным, но необыкновенно захватывающим занятием. От чтения протоколов допроса невозможно было оторваться. Особую пикантность процессу придавал тот факт, что ответа на главный вопрос – кто же все-таки украл дурацкую кулинарную книгу? – в этой стопке не нашлось. Нам словно показали впечатляющий детективный сериал с открытым финалом.

В первую очередь я, естественно, бросилась читать стенограмму допроса Степочки. Малыш мой доказал свою полную невиновность. Медальона он прежде в глаза не видел; как проклятая безделушка оказалась у него на шее, он не знал; в ювелирном бизнесе знакомых у него нет; готовит он только шашлыки, а все прочее – не мужское дело; по биологии в школе у него была троечка, аналогичный балл – и по истории; про Екатерину Вторую он знает только то, что она была женщиной темпераментной, имела много фаворитов и вроде бы именно она придумала Медного Всадника; в Германии никогда не был, но очень хотел бы туда отправиться, и не только туда, а попутешествовать по всему свету, причем обязательно на корабле...

Казалось бы, полковник был просто обязан отпустить

моего зайчонка и искать подозреваемых где-нибудь еще. Но не тут-то было. Похоже, за десятилетия работы в правоохранительных органах Орлов разучился верить в существование таких ангелочков, как мой Степочка. Ну ничего, я ему еще покажу, как он ошибается...

– Мальчики, а зачем он все это спрашивает? – сморщив лицо от умственного напряжения, обратилась я к Андрюше с Павликом. Они отложили в сторону следственные бумаги. – Про биологию, увлечение кулинарией, ювелирные знакомства...

– Определенная логика в этом есть, – объяснил Павлик, протирая очки. – У Степы нашли уникальный золотой медальон – в массовую продажу подобные изделия не поступают, их делают на заказ истинные мастера своего дела, значит, нужно выяснить – есть ли у подозреваемого знакомые, способные на изготовление такого шедевра. Ну а раз на медальоне изображена змея – становится понятен вопрос про биологию.

– Про умение готовить тоже все ясно, – присоединился Андрюша. – Пропала-то все-таки кулинарная книга, а не руководство по программированию на «Яве» для чайников или, скажем, сборник советов «Бросай курить немедленно».

– Вот вам все ясно и понятно, дорогие мои холмсы и ватсоны, – недовольно сказала я. – А тогда объясните-ка, почему полковника интересуют Степочкины оценки по истории? Екатерину Вторую зачем-то приплел сюда... Германию

опять же..

– Это же просто, тетя Люба, – сказал Андрюша. – Ресторан-то как называется?

Я посмотрела на Степочкину записку с адресом заведения, прищипленную магнитом к холодильнику. Сыночек оставил мне ее вчера – а кажется, целая вечность прошла!

– «Туфелька Екатерины», – со вздохом сказала я.

– Ну вот. Историческая кухня. А Екатерина Вторая, если мне не изменяет память и я еще не совсем отупел после общения со Степиным виндовсом, была немкой. Кроме того, насколько я понял из допроса шеф-повара, изначально книжку привезли из Германии.

– Между прочим, Любовь Васильевна, вы заметили, насколько умело и каверзно проводит допросы полковник? – В голосе Павлика слышалось профессиональное восхищение. – Искусство в чистом виде. Десяток свидетелей – и к каждому нашел свой подход. Хорошо, что мне нечего скрывать, иначе я бы всерьез забеспокоился... Орлову бы родиться в другое время и в другом месте – стал бы богатейшим золотоискателем Калифорнии. Промывает тонны речного песка – но находит-таки в них россыпи блестящих самородков...

– Да, я бы тоже хотела, чтобы он родился в другое время и в другом месте, желательно подальше отсюда – пили бы сейчас сладкий вечерний кефир со Степочкой и горя бы не знали... – согласилась я. – Так что за самородки ему уда-

лось выудить?

Андрюша тут же вскочил с кухонного уголка и предложил сбегать в Степину комнату, чтобы составить на компьютере аналитическую таблицу по итогам допроса. Мы с Павликом имели глупость согласиться. Андрюша радостно бросился к клавиатуре и принялся ее терзать, одновременно выражая бурное недовольство «идиотством» компании «Майкрософт» в целом и умственными способностями ее основателя Билла Гейтса в частности. В конце концов компьютер не выдержал потока безосновательных обвинений, экран внезапно вспыхнул всеми цветами радугами, по нему побежали недобрые полосы, после чего он полностью потух.

Пухлые Андрюшины щеки слегка обвисли. Он сказал «погодите, я что-то не понял» и начал откручивать заднюю крышку системного блока, поливая грязью теперь уже не только несчастный «Майкрософт», но и неведомую мне фирму «Интел», а также «бездарных» китайских детей, собиравших материнскую плату данного компьютера.

Мы с Павликом переглянулись и решили расписать все вручную, в обычной тетрадке, коих у меня за годы работы в школе скопилось великое множество. Надеюсь, вы понимаете, что я их не покупала?

Итак, вот что у нас получилось:

– посетительница ресторана Кристина Вагнер (похожая на фитнес-инструктора) после некоторого давления со стороны полковника призналась, что тайком от мужа, когда того

нет дома, готовит вредные калорийные блюда, стараясь воспроизвести ресторанные рецепты, и съедает их целиком;

– ее супруг Юрий Вагнер тайком от жены заказал потрясающие красоты кольца на годовщину свадьбы, о чем свидетельствовал чек на астрономическую сумму, приложенный к делу;

– один из пафосных бизнесменов, некий Леонид Ивашкин, состоял в школьном кружке юннатов, а дядя его владел знаменитой ювелирной лавкой на Невском, в которой, по странному совпадению, и заказал обручальные кольца Юрий Вагнер; последний утверждал, что никаких Ивашкиных он знать не знает, а лавку нашел по интернету – понравился сайт;

– другой бизнесмен, выпускник исторического факультета государственного университета Юрий Счастливец, в прошлом году ездил в Италию исключительно для того, чтобы научиться правильно готовить томатный соус для пиццы, а его дипломная работа называлась «Отголоски просвещенного абсолютизма Екатерины II в постперестроечных российских реформах и их сходство с Конституцией США, послужившей основой Конституции РФ»;

– один из азиатских туристов по имени Лянь Шен, ныне пенсионер, в молодости возглавлял сеть ресторанов экзотической кухни в Гонконге («это уже пахивает международным скандалом», покачал головой Павлик, «в Гонконге блюда нашей императрицы вполне тянут на экзотические»);

– азиатская туристка Су Куифен в возрасте девятнадцати лет была укушена черной китайской коброй при купании в реке Хонгха, доказательством чему служили шрамы чуть повыше лодыжки, продемонстрированные полковнику;

– шеф-повар ресторана Порфирий Петухов сразу после девятого класса пошел учиться на ювелира в художественно-профессиональный лицей имени Карла Фаберже; его оттуда выгнали за неуспеваемость, и только тогда Порфирий поступил в колледж кулинарного мастерства; в рамках подготовки к работе в ресторане «Туфелька Екатерины» Петухов провел несколько месяцев в публичной библиотеке, роясь в архивах царских времен, чтобы «проникнуться духом императрицы»; также Порфирий держал дома в аквариуме зеленую игуану Люську, которая хоть и не змея, но тоже рептилия. По словам Порфирия, кулинарную книжку привез из Германии директор ресторана. Вот почему полковник Орлов бормотал что-то про немецкую командировку...

Протокол допроса Пантеры я чуть ли не наизусть выучила – но ничего подозрительного в нем не обнаружила. Никаких связей с ювелирным миром – она предпочитала кожаные браслеты и прочие «крутяки»; никаких связей с миром животных – в детстве был хомячок, после трагической смерти которого от старости она и начала писать песни; никакого интереса к высокой кухне. Нахалка даже посмела слегка наехать на полковника за то, что тот со своим ОМОНОм прервал ее «жутко классное» выступление в ресторане.

Протоколы допроса Павлика с Андрюшей я читать не стала – про них я и так все знала.

– Батюшки-светы! Ты посмотри, Павлик, сколько тут кандидатов в подозреваемые! – воскликнула я, массируя затекшую руку. – Я даже писать устала.

– Да, мотивов и возможностей для совершения преступления – хоть ложкой ешь... – В нашу тетрадку заглянул Андрюша, устало взлохмачивая свои рыжие вихры – стрелка уже перевалила за одиннадцать вечера, хотя яркое солнце за окном нахально спорило с часами. – Все, тетя Люба, починил компьютер.

– Молодец... – рассеянно похвалила я. – Вот только я не понимаю, раз уж весь Петербург буквально наводнен возможными подозреваемыми – почему полковник не выпускает Степочку?

– Именно поэтому и не выпускает, – вздохнул Павлик. – Слишком много подозреваемых – тоже плохо. Мотивы у всех расплывчатые, требуют долгой тщательной проверки... А у Степы – единственная реальная улика. Медальон.

– А знаете что? – вдруг воодушевился Андрюша. – Я мог бы составить небольшую программку для вычисления преступника. Заложу в нее известные нам факты, она выстроит потенциальных подозреваемых по степени вероятности совершения кражи...

– И сколько времени это займет? – спросила я с подозрением.

– Не больше недели, – заверил меня Андрюша.

– Нетушки, спасибо! Обойдусь без твоей программки. Я своего сыночка вытащу раньше, могу поспорить на свои леопардовые тапочки!

Андрюша хмыкнул:

– А мне что поставить на кон?

– Это должно быть нечто не менее ценное, чем мои таптуски. – Я горделиво покрутила своей очаровательной ножкой, обутой в пятнистую домашнюю «завлекушку».

Андрюша достал из заднего кармана плоский, широкий и гладкий, как морская галька, смартфон:

– Последняя модель айфона. В нем – вся моя душа. Я без него и секунды не проживу. Годится для ставки?

Я кивнула:

– Значит, поспорили. Не позже, чем через неделю, Степочка вернется домой, иначе прощай мои тапочки! Верно?

– Вы сказали – раньше, чем через неделю, Любовь Васильевна, – влез въедливый юрист Павлик.

– Ну хорошо, хорошо, – сварливо сказала я. – Значит, через шесть дней, в следующий вторник, увидите со своим другом в домашней обстановке. Так?

– По рукам! – жизнерадостно подтвердил Андрюша. – Мне ради Степки и с айфоном расстаться не жалко!

– Как же вы планируете вытащить Степу из «Крестов»? – поинтересовался Павлик. – Будете следить за каждым свидетелем из нашего списка? Опросите их родных и знакомых?

На это уйдет несколько месяцев, даже с нашей помощью... И я уже не говорю о том, что ни одного из нас просто нет полномочий, какими обладает тот же полковник Орлов...

– Материнское сердце – лучший проводник, оно подскажет, с чего начать, – не слишком уверенно отозвалась я. – А вместо полномочий у меня хорошо подвешенный язык, я кого хочешь уговорю пропустить меня куда хочешь...

– И что подсказывает вам сердце? – не без некоторого скепсиса спросил Павлик. – С кого из свидетелей начнете?

Я промычала что-то невразумительное, прислушиваясь к голосу сердца. Оно, как назло, молчало. Точнее, выстукивало на ребрах единственную фразу: «Слишком много кофе, слишком много кофе».

– Позвольте, Любовь Васильевна, я выскажу вам свои соображения, – предложил Павлик, снимая очки и в сотый за сегодня раз протирая их тряпочкой. – Во-первых, каждый из отмеченных нами свидетелей хотя бы один раз за вечер выходил в туалет – а значит, имел отличную возможность похитить пресловутую книгу. Во-вторых, книга хранилась в кабинете повара. Следовательно, у него была не просто отличная, и идеальная возможность ее украсть и списать все на неких мифических преступников.

– Зачем ему красть книгу, если она и так была у него в сейфе? – не поняла я.

– Возможно, книга являлась собственностью директора ресторана, а шеф-повар желал получить ее в личное распо-

ряжение... Да мало ли какие цели преследовал господин Петухов. Вы посмотрите в нашу таблицу – Порфирий скомпрометирован целиком и полностью!

– А как же он подsunул медальон Степочке? – Я все еще сомневалась. – И зачем?

– Зачем – понятно, чтобы отвести от себя подозрения. А вот как – еще нужно выяснить, – кивнул Павлик. – Seriously, уж больно подозрительной мне кажется фигура шеф-повара... Начинать нужно с него. Что говорит в данном случае ваше сердце?

– Поддерживает, – твердо сказала я, хотя на самом деле сердце по-прежнему не хотело участвовать в нашей беседе. – Завтра же отправлюсь к Порфирию.

– Помощь нужна, тетя Люба? – Андрюша был переполнен тревогой, и это приятно грело душу. Павлик водрузил на переносицу очки – его глаза, слегка увеличенные диоптриями, глядели на меня печально.

– Да ладно, мальчишечки мои, не трусьте! – подбодрила я. – Люба Суматошкина нигде не пропадет!

Затем я отправила сонных ребятшек по домам, а сама взяла в руки тряпку и чистящее средство: полночь там или не полночь, а продезинфицировать квартиру после нашего варваров-оперативников я обязана!

Глава 8

Уж не знаю, что за мать воспитала Порфирия Петухова, но хорошим манерам она его точно забыла обучить. Шеф-повар «Туфельки Екатерины» стоял передо мной с ужасно кислым видом и всячески давал мне понять, что мое присутствие на его кухне совершенно неуместно.

И нет ему никакого дела до того, что, несмотря на долгую уборку, я сегодня вскочила с рассветом – а четвертого июня, доложу я вам, петербургское солнце встает не позже четырех утра. Я едва дотерпела до открытия метро и сразу стремглав бросилась сюда, к ресторану.

Ну уж и настоялась я под серой дверью с латунной табличкой! Ленивцы открыли свое заведение только в десять часов. К тому моменту, как к «Туфельке Екатерины» неторопливо подошла давешняя блондиночка-администратор, ноги у меня горели, словно в мои черные ортопедические туфли на толстой подошве от души насыпали красного острого перца.

Девушка меня узнала: «А, вы мамочка супергероя в наручниках!». Выяснилось, что шеф-повар уже здесь (и как он только сумел мимо меня проскользнуть?), но пообщаться с ним никак нельзя, он очень занят. Слезные мольбы не помогали – блондинка вежливо улыбалась и стояла насмерть. Тогда пришлось применить мое секретное оружие: пирожки

с яблоками и лимоном.

А вы думали, я с четырех до шести утра просто так по квартире слонялась? Конечно же, пекла пирожки! Раскатывание теста – лучшее успокоительное на свете. Валерьянка и корвалол не сравнятся с этим монотонным и в то же время приятным занятием. Я глубоко уверена, что работу со скалкой нужно включить в какие-нибудь курсы антистрессовой терапии. Пожалуй, посвящу рассуждениям на эту тему вторую главу своей будущей «Энциклопедии мудрости».

Я достала ароматный сверток из сиреневой, с зеленой каймой сумочки, и худенькое личико администраторши сразу просветлело. Серые глаза засверкали голодным блеском. В обмен на два пирожка мне разрешили «на одну секундочку» отвлечь великого и прекрасного Порфирия от его дурацких дел.

Кстати говоря, гражданину Петухову моя «Энциклопедия мудрости» была просто необходима. Не мешало бы ему узнать, что приличные молодые люди гелем волосы не мажут и шелковые косыночки на лоб не повязывают, даже если косыночка подчеркивает небесный оттенок глаз.

Правда, сейчас голубые глаза гражданина Петухова покраснели, а под ними темнели круги.

– Дамочка, ну куда вы лезете? Неужели так сложно понять, что человек не спал уже двое суток? – застонал он, бросая блестящий, профессионального вида венчик в крутую миску, где он взбивал оливковое масло с уксусом и ка-

кими-то травами. – Некогда мне тут с вами болты болтать! Сначала меня бьют по голове, потом крадут жизненно важную книгу, потом всю ночь терзают допросом, потом не дают выходной, а потом еще заставляют к утру сочинить новое меню, словно я какая-то кулинарная Золушка! А теперь у меня осталось буквально несколько часов, чтобы откатать новые блюда до совершенства, иначе злая мачеха в лице директора меня вышвырнет отсюда на улицу, и мы с Люськой будем плакать и голодать, голодать и плакать!

Он устало вытер лоб рукавом розовой поварской куртки. Похоже, шеф действительно самоотверженно работал последние тридцать шесть часов – и это объясняет, почему я не заметила, как он заходил в ресторан. Он просто из него не выходил.

– А зачем вам новое меню? – любопытствовала я, хотя волновали меня совершенно другие вопросы. – Люди небось жалуются? Цены хотите снизить?

– Господь с вами, дамочка! – сморщился Порфирий, схватил венчик и вновь принялся ожесточенно взбивать соус. – Мы ресторан премиум-класса, о понижении цен не может быть и речи.

Я огляделась по сторонам. В отличие от полутемного зала, кухня «Туфельки Екатерины» была залита ослепительным, хирургическим светом. Повсюду сверкали стальные поверхности и мигали разноцветными лампочками непонятные аппараты, похожие на космические капсулы. Подозреваю, что

часть из них была предназначена для мытья посуды, а некоторые служили печками – но свою янтарную брошь в виде бабочки я бы на это не поставила.

Нет, моя кухня – с красными шкафчиками и белой эмалированной плитой, старой подругой, которую я категорически отказалась выбрасывать при замене кухонной мебели; с ярко-желтыми шторами и голубым мягким уголком; с геранью на подоконнике и детской фотографией Степочки над столом, – моя милая кухонька, конечно, была намного лучше этой обезличенной, равнодушной операционной.

Блестящие сковородки и кастрюли, словно маленькие солдатики, выстроились на полках, готовясь к жестокой битве с голодом, которая начнется здесь через пару часов. Но пока на кухне никого не было, кроме нас с Порфирием.

– Зачем тогда вам новое меню, если дело не в ценах? – пристала я к шеф-повару.

– Затем, что после пропажи нашей кулинарной книги репутация «Туфельки Екатерины» оказалась под угрозой! – Порфирий снова швырнул венчик в миску, да так, что жирные брызги полетели во все стороны. – Мы потеряли свою главную фишку, понимаете вы это или нет? Народ шел сюда, желая отведать блюда прославленной кухни императрицы. А теперь «Книги Пряностей» нет, и нужно срочно придумать новую фишку! Вот, делаю новое меню, чтобы завлечь посетителей. Назову его «Черноморский отпуск Екатерины» – введу блюда кавказской кухни. Гриль все любят. К мясу я

сочинил легкие салаты – а вы мне, дамочка, мешаете экспериментировать с заправкой!

– Вы бы лучше майонеза в свои салаты добавили, – посоветовала я.

– Какой майонез, дамочка? Господь с вами! – Порфирий закатил глаза. – У нас здесь кухня екатерининских времен!

– Ну и что? – не поняла я.

– А то, что Екатерина скончалась за два года до изобретения майонеза!

Шеф-повар оттолкнул миску с соусом, схватил пучок крапивы, обжегся, заорал, выронил крапиву на стол и зло посмотрел на меня.

– Еще ваших советов мне тут не хватало! Все мои страдания – вообще-то из-за вашего драгоценного сыночка! На что ему сдалась наша «Книга Пряностей»? Он что, повар? Может, он из «Флёра»?

– Что еще за «Флёр»? – не поняла я.

– Конкурирующее заведение, – пояснил Порфирий ревниво. – Тоже на старинной кухне специализируются. Там шеф-повар – очень мутный тип, с двойным дном, я бы ему и приготовление яичницы не доверил... Небось подослал ко мне своего казачка.

– Мой сыночек не виноват! – вскричала я, да так, что ближайшая стопка тарелок затряслась да зазвенела. – Степочка ангел! Он ничего никогда не крал! Ну, разве что в детстве конфеты из банки, но это не считается... Я и пришла-то сю-

да, чтобы выяснить, кто виноват в пропаже вашей кулинарной книги с дурацким названием.

– Сами вы дурацкая, – буркнул Порфирий, надевая одноразовые перчатки и повторно берясь за крапиву. Он окатил пучок кипятком, затем промыл в холодной воде и только после этого стал его быстро-быстро крошить огромным ножом с иероглифами на блестящем лезвии.

– А разве не глупо звучит – «Книга Пряностей»? – фыркнула я.

– Вовсе нет, потому что именно в пряностях таились главные секреты императорской кухни! – Порфирий снова театрално закатил глаза, очевидно, поражаясь моему невежеству. – В этой книге, милая дамочка, содержались точно выверенные инструкции по приготовлению не просто какой-то там еды, – он сделал презрительный жест рукой, как бы стряхивая с пальцев грязную воду, – а истинных шедевров кулинарного искусства!

– Лично я все на глазок кладу, – сообщила я, поправляя свободную сиреневую безрукавку, элегантно наброшенную на изумительную трикотажную кофточку «под зебру». – И получаются очень даже вкусные шедевры. Хоть у своей администраторши спросите.

– Ага, вкусные шедевры – такие вкусные, что ваш сыночек пришел ужинать к нам, – подпустил шпильку Порфирий, одним молниеносным движением сбрасывая тонкие крапивные полоски в стеклянную миску и принимаясь за нарезку

вареных яиц. Я еле стерпела, чтобы не поставить нахального шефа на место. – Ориентируясь «на глазок», дамочка, нельзя создать блюдо, достойное императрицы!

– Нет, ну перец там, или, скажем, корица, конечно, важны – но не настолько же! – не верилось мне. Хотя совсем недавно я сама рассуждала о значимости барбариса в плове – но тут приправы возводились в какой-то нездоровый культ. – Уж совершенно точно они не заслуживают того, чтобы называть в их честь целую книгу. Ерунда какая-то.

– Ха! – воскликнул Порфирий, яростно шинкуя зеленый лук. – Ерунда! Не заслуживают! Ну, знаете ли, дамочка! А известно ли вам, что обыкновенный, привычный вам перец, который вы «на глазок» кидаете в свой банальный борщ, пару-тройку веков назад ценился на одном уровне с золотыми слитками? И богатого человека называли «мешок с перцем»? Специи до недавних пор были непозволительной роскошью. Ради пряностей, о которых вы так снисходительно отзывались, Колумб затеял свое историческое путешествие, а Магеллан отправился в кругосветное плавание! Вокруг специй кипели страсти, они возбуждали не только аппетит, но и имперские амбиции! А для чего, милая дамочка, вы думаете, Англия колонизировала Индию, как не для контроля над основным рынком приправ?

Ошеломленная таким потоком информации, я вякнула что-то невразумительное.

– А корица! – вещал Порфирий, сердито дробя грецкие

орехи. – Корицу преподносили в качестве дорогого подарка Римским Папам, королям и императорам. Подумать только – ерунда! Вот брошка ваша – и правда ерунда. Янтарь уже сто лет как вышел из моды!

Я уже открыла рот, чтобы осадить наглеца, но тут он высыпал измельченные грецкие орехи в стеклянную миску – к крапиве, яйцам и зеленому луку – и совсем другим, торжественным тоном объявил:

– Смотрите: сейчас в этой миске – всего лишь набор нарезанных ингредиентов, и ничего больше. – Порфирий залил их смесью масла с уксусом. – А теперь это произведение искусства. И исключительно благодаря уникальному сочетанию пряностей, который превращают соус в магический эликсир.

Кажется, несмотря на всю свою манерность, Порфирий был истинным мастером своего дела.

– И что там за травки? – поинтересовалась я, состроив скучающую физиономию, поскольку уж мне-то было прекрасно известно, что лучше майонеза заправки не существует.

– Ну уж нет, и не надейтесь, – покачал он головой. – Еще есть вопросы? А то я должен срочно отправить рецепт салата директору на утверждение.

– Да-да-да, – засуетилась я. – Во-первых, как выглядела эта ваша «Книга Пряностей»?

– Как и любая старая книга – ветхая, с пожелтевшими

страницами. Текст внутри рукописный. Обложка из матовой темно-красной кожи. На ней – стершаяся золотая надпись «Книга Пряностей», а в нижнем правом углу – неприятная такая змея в короне, не знаю уж зачем.

Снова змея. Странно.

– Откуда вообще такой антиквариат взялся в ресторане? – спросила я. – Кому книжка принадлежала раньше?

– Директор привез ее из Кельна лет пять назад – купил на местной барахолке за бесценок... Кому в Германии нужны русские рецепты? Да еще и написанные отвратительным почерком, можете мне поверить! Но мы их все же сумели разобрать. А потом директор, – причем исключительно в целях пиара, он вообще классный маркетолог, политиков натаскивает к выборам, – окутал книгу таким ореолом секретности и тайны, что все питерские снобы тут же прибежали в ресторан попробовать эксклюзивные блюда Екатерины Второй... Ну и сами понимаете, ради поддержания имиджа нужно было хранить ее в огнестойком, взломостойком сейфе, такой есть в моем кабинете. Никому нельзя было брать книжку в руки, и уж тем более – раскрывать рецепты, потому что якобы шеф-повар Екатерины дал клятву императрице, что эти удивительные блюда сможет готовить только владелец «Книги Пряностей», и они никогда не станут пищей простого народа... Придумали мы всю эту петрушку, конечно, но клиенты верили в нашу легенду, как дети! Мы считали, что успешно водим их за нос... А потом оказалось, что

за нос ущипнули нас самих – кто-то все-таки украл проклятую грошовую книжку, поставив ресторан на грань разорения.

– Если книжка грошовая, зачем же вы сказали полковнику, что она бесценная? – разозлилась я.

– Для поддержания имиджа, – упрямо повторил шеф-повар.

– Я смотрю, врать вы горазды со своим директором, вам лишь бы только всех обмануть... – сказала я с укором. – И как вы обнаружили пропажу?

– Черт меня дернул полезть в тот вечер в сейф! – с отчаянием воскликнул Порфирий, срывая одноразовые перчатки. – Код от него знаю только я...

– Так зачем вы туда полезли?

– Ну забыл я один рецепт, – сварливо отозвался Петухов. – Хотел уточнить.

– Нужно было заранее сделать электронные копии всех страниц, – уверенно заявила я, вспомнив, чему меня учили на курсах компьютерной грамотности для пенсионеров, которые я недавно посещала. – Не пришлось бы тогда лезть в сейф.

– Говорят же вам – мы специально не делали копий, никаких! И не только из-за придуманной нами легенды. Просто в последнее время книгой всерьез заинтересовались наши конкуренты, они тоже поверили в уникальность рецептов, или просто захотели переманить наших клиентов... Они

могли пойти на что угодно, чтобы ее похитить! Вы что, никогда не слышали про хакеров и компьютерные вирусы?

– Вообще-то слышала... – Я вспомнила вчерашние Андриюшины проделки. И тут же добавила, просто на всякий случай: – Нам на курсах для пенсионеров про них рассказывали.

– Ну так что тогда спрашиваете, – раздраженно отмахнулся Порфирий.

Следующий вопрос я сформулировала тщательно:

– А вот этот золотой медальон... Сложно было его делать?

– Что? – Петухов резко повернулся ко мне.

– Я говорю, сколько времени у вас заняло изготовление медальона?

– Не понял. Вы что же это, дамочка, думаете, я сам его сделал? – возмутился Порфирий. – Я вообще ума не приложу, откуда в этой истории вдруг взялся какой-то медальон.

Эх, не получилось подловить красавца исподтишка. Не выйдет из меня гуру перекрестного допроса.

– Да нет, нет. – Я поспешно отступила на прежние позиции. – Просто я подумала, что раз вы учились на ювелира...

– А вы откуда знаете, что я учился на ювелира? – Ой. Ой-ой-ой. Плюхнулась в лужу. Вот Порфирию-то как раз удалось меня подловить.

– Просто у вас такие тонкие ловкие пальцы... На музыканта вы не похожи, я подумала, раньше вы были ювелиром... – выкрутилась я. Наверное, если бы шеф чуть боль-

ше спал в последние дни и чуть меньше работал, он не поверил бы этому жалкому оправданию; но, по всей видимости, его уставший мозг с облегчением принял мое объяснение. Поэтому я смело двинулась вперед: – Хорошо, открыли вы сейф, а дальше?

– А дальше не помню, – пожал плечами шеф-повар. – Только протянул руку за книгой – в затылке вспыхнула яркая боль, в глазах потемнело, я потерял сознание. Шандарахнули меня чем-то сзади. – Он пригладил и без того напояженные волосы и поморщился. – До сих пор голова трещит... Очнулся – сейф пустой, книги нет. Разорванный ежедневник на полу валяется... Я и давай звонить директору и в полицию.

– А может, сам директор эту вашу книжку и украл? – вдруг осенило меня.

– Зачем? – с недоумением сказал Порфирий. – Разве что ради страховки... Но денег у него и так хватает, он уже лет пятнадцать живет в собственном роскошном особняке в Испании. К тому же в день кражи он давал званый обед для членов королевской семьи, его видели не меньше сотни человек... Нет, исключено.

– А как же видеонаблюдение? – сообразила я.

– Камеры почему-то были отключены, и даже все предыдущие записи оказались стерты с сервера, – вздохнул Порфирий, а я вспомнила, что и Володя вчера говорил что-то подобное. – Хакеры не дремлют. Понимаете теперь, почему

полиция так зацепилась за вашего сына, у которого оказалась единственная улика, имеющая отношение к делу?

– Хотела бы я вам ответить, что понимаю, – призналась я, – но не могу – у Степочки же такое честное, открытое лицо! Неужели полицейские сразу не распознали, кто перед ними? Никакой не преступник – а невинный, добрый, порядочный мальчик!

А вот про Порфирия Петухова такого не скажешь, думала я, выходя из ресторана на свежий воздух. Эксцентричный шеф-повар, честно говоря, показался мне довольно подозрительным.

И история эта про неожиданный удар по голове какая-то глупая.

И рецепт был накарябан на листке из его ежедневника, то есть ежедневника.

Кто знает – может, Порфирий решил продать «Книгу Пряностей» тем самым конкурентам, о которых он все время твердил? А что, он вполне мог пойти на такой шаг ради сертификата в известный салон красоты или, например, путевки в итальянскую распродажную деревню. Или его подговорил директор – «для поддержания имиджа», чтобы пробудить новую волну интереса к своему ресторану?

А может, шеф-повар и вовсе сжег книженцию на гриле, чтобы вынудить директора ввести новое меню, имени императора петербургской кулинарии Петухова. Глядишь, вскоре ресторан переименуют в «Туфельку Порфирия». Это он

сейчас притворяется, что ужасно недоволен, а может, хитрец всю жизнь ждал такого шанса!

Я отыскала в сумке мобильный и набрала Володин номер. Пусть немедленно раздобудет мне телефон Орлова, нужно срочно рассказать ему все мои версии, а то сам полковник до таких замысловатых махинаций вряд ли додумается.

Если поспешить, то Степочка уже к обеду может быть дома.

Приготовлю ему что-нибудь с майонезом.

Глава 9

Нет, ну какой же бесстыдник этот полковник Орлов! Нашел время таскаться по командировкам! В тот самый момент, когда мой сыночек за решеткой!

Володя с сожалением в голосе сообщил мне по телефону, что полковник вернется через неделю, а то и две. А пока он недоступен.

В общем, зря я наготовила целый противень мяса по-французски, укрытого толстенным одеялом из лука, сыра, помидоров и, конечно, майонеза.

Степочка по-прежнему оставался в «Крестах».

– Представляете, Яков Матвеевич, – жаловалась я соседу, которому вкратце уже рассказала про свою сегодняшнюю поездку в «Туфельку Екатерины». – Какие все-таки равнодушные чурбаны эти полицейские! Им и дела нет, что мать изводится, места себе не находит, ведет за них, бездельников, расследование... Да вы кушайте, Яков Матвеевич, кушайте, пока мясо горячее... – Я занесла соседу угощение, не пропадать же добру. – Хорош гусь этот Орлов! Небось прохлаждается сейчас в своей командировочке, пьет пиво литрами в немецких забегаловках. А мой малыш страдает среди отвратительных, гадких, грязных преступников... Проводит свой отпуск в тюрьме... Хорошо хоть в отдельной камере. Надо будет Володе сказать, чтобы Степочкину кро-

вать развернули изголовьем на север, так спится лучше.

– Любовь Васильевна, полагаю, Владимир уже сделал всё что мог, – предположил Яков Матвеевич, аккуратно складывая вилку и нож крест-накрест на пустую тарелку. – Благодарю, мясо просто восхитительное, как всегда... Может быть, не стоит снова беспокоить майора?

– Но я же ничего особенного не прошу, всего лишь немного подвинуть кровать! – Я в недоумении распахнула глаза. – Разве это беспокойство? Нет, Яков Матвеевич, я всегда говорила: не понять вам материнское сердце!

Я тут же набрала Володю и дала ему подробные инструкции по поводу расположения кровати, заодно попросила предоставить Степочке приличную туалетную бумагу, непременно трехслойную, она сама нежная.

Майор Уточка односложно соглашался. Когда я начала говорить про бумагу, мне показалось, что он фыркнул в трубку, однако Володя сказал, что он просто чихнул.

– Вот, а вы говорили, что он уже сделал всё что мог! – торжествующе объявила я. – А ведь если бы я сейчас не позвонила, они бы там в «Крестах» и не додумались положить Степочке трехслойную туалетную бумагу!

Яков Матвеевич посмотрел на меня с сомнением, поправил очки на переносице, как бы готовясь что-то сказать, но так ничего и не сказал.

– Может, чайку попьем? – предложила я на радостях.

– Я для вас уже заварил «клубнику со сливками», – цере-

монно наклонил голову Яков Матвеевич. Дневное облачение его представляло собой, как всегда, образец высокого стиля: светло-серый в мельчайшую клетку костюм, такая же рубашка и белый галстук с золотым вензелем Эрмитажа. Ноги, обутые в начищенные деловые туфли, покоились на подставке инвалидного кресла – давненько эти подошвы не ступали на землю...

Мы сидели на его холостяцкой кухне, больше похожей на библиотеку. Где-то в глубине квартиры тихонько играла классическая музыка. Какого цвета здесь обои – понять было невозможно, стены пестрели бесчисленными репродукциями импрессионистов. Повсюду высились стопки книг – на обеденном столе, в ящиках, где вообще-то положено хранить кастрюли, на подоконнике, на белой столешнице, даже в холодильнике. Электрическая плита больше напоминала библиотечный стеллаж. Сиделка периодически освобождала от книг одну конфорку, на которой варила Якову Матвеевичу неаппетитную тюрю. А вообще на этой кухне сложно было найти какую-то еду, кроме нескольких сортов изысканного (на мог взгляд – слишком пахучего) сыра, всевозможных пакетиков с элегантным чаем и шоколадных конфет, покупавшихся, как я подозреваю, специально для меня.

Разливая дурмящий напиток по тонким фарфоровым чашкам, Яков Матвеевич уточнил:

– Любовь Васильевна, а вы случайно не знаете, как называется пропавшая кулинарная книга?

– Как же, конечно, знаю! Неужели я не сказала? «Книга Приправ». Нет, погодите. – Я сунула в рот шоколадную конфету и задумалась. – «Книга Специй»?.. Батюшки-светы, с этой кутерьмой всё из головы повывлетало. Книга... Книга... «Книга Перца»? Ой, нет-нет-нет. Или «Книга Корицы»? Порфирий что-то болтал такое про корицу... – Я уже ни в чем не была уверена.

– А могла это быть «Книга Пряностей»? – Яков Матвеевич почему-то слегка прищурился, как его кот Ренуар, учувший запах сметаны. Рыжий котяра болтался у меня под ногами – он всегда прибегал на шум электрического чайника в отчаянной надежде на вкусняшку с хозяйского стола.

– Точно! «Книга Пряностей», ну конечно!

– Вы не ошибаетесь, Любовь Васильевна? – переспросил Яков Матвеевич. – Это очень важно.

– Нет-нет, теперь вспомнила наверняка. «Книга Пряностей».

Обнаглевший Ренуар с размаху взгромоздился на колени хозяина, подбираясь поближе к столу, но Яков Матвеевич, кажется, даже не заметил хулигана.

– В таком случае поздравляю: мы с вами столкнулись с редчайшим и опаснейшим артефактом екатерининских времен, – торжественно объявил Яков Матвеевич.

– Ой, – так и обмерла я. – А Порфирий говорил – книжка грошовая...

Сосед залпом допил чай и воздел руки вверх, словно в мо-

литве.

– Любовь Васильевна! Вы даже не представляете, на что случайно наткнулись! Если мои предположения верны – в Петербурге вскоре начнут твориться страшные дела.

Никогда я не видела своего интеллигентного соседа таким взволнованным. И в то же время – заинтригованным.

Но я пока не очень-то понимала, о чем он говорит.

– Что за страшные дела, Яков Матвеевич? Кому-то салат переперчат? Или в десерт насыпят табачную крошку вместо корицы? О чем вообще речь?

Серые глаза Якова Матвеевича лихорадочно горели, бледные щеки покрылись нервными пятнами. Вензель на его галстук – буква «Э», словно перерезанная кинжалом – тускло поблескивал в лучах неестественно яркого солнца. Это в восемь-то часов вечера!

Ренуар, почуяв странное настроение хозяина, прекратил самозабвенно вылизывать его тарелку из-под мяса по-французски и на всякий случай спрятался под табуретку в прихожей.

– А что вы скажете, Любовь Васильевна, – звенящим голосом спросил Яков Матвеевич, – если я вам раскрою главную столичную тайну восемнадцатого века?

– Ну, в принципе, я не против, – с сомнением промямлила я, запихав сразу две конфеты в рот, по одной за щеку, – хотя восемнадцатый век – это как-то скучно. Посвежее тайн у вас не найдется?

– Полагаю, что найдется – буквально через считанные дни, – зловеще отозвался Яков Матвеевич. – Так вот, Любовь Васильевна. Я почти на сто процентов уверен, что пропавшая кулинарная книга – эта та самая «Книга Пряностей», в которой зашифрованы рецепты старинных ядов: мгновенно действующих, не оставляющих следов. Ядов, сравнимых по своей силе со змеиными. Ядов быстрых и коварных, как кобры. Вот вам и грошовая книжка...

Я поперхнулась шоколадом. Кажется, сладкие крошки попали в легкие, поскольку я не могла откашляться минут семь, не меньше. Еще чуть-чуть, и отдала бы богу душу без всякого яда.

– Яков Матвеевич, так ведь на книжке змея была нарисована! Мне шеф-повар рассказывал! – воскликнула я, отдышавшись и утерев глаза.

– Разумеется, – кивнул Яков Матвеевич. – Поскольку автор «Книги Пряностей» – не кто иной, как Великий Магистр «Ордена Королевской Кобры» – и по совместительству придворный повар Екатерины Второй – Фридрих Август Брауншвейг-Вольфенбюттельский.

– Как-как его звали? – поразилась я столь пышному имени.

– Фридрих Август Брауншвейг-Вольфенбюттельский, – повторил Яков Матвеевич, театрально взмахнув рукой, как заправский конферансье, и сбив при этом пустую тарелку со стола – что было особенно обидно, поскольку тарелка бы-

ла из моего любимого сервиза, я притащила ее из дома. «Вот и со мной так же, – подумала я, собирая осколки с пола, – никому не мешала, наслаждалась солнышком и теплым июнем, и на тебе – бах, неожиданный удар, сыночек попадает за решетку, а вокруг заваривается какая-то нехорошая антикварная каша с ядовитыми приправами».

Яков Матвеевич рассыпался в миллионе изящнейших и изысканнейших извинений. Пока я подметала пол, он бестолково колесил вокруг на своем кресле и без конца поправлял эрмитажный галстук. Разыгравшийся Ренуар, считавший веник своим заклятым врагом и затеявший с супостатом бой ради жизни на земле, уборке тоже не способствовал.

Наконец осколки заняли свое место в ведре, Ренуар – на коленях у хозяина, а я – у блюда с шоколадными конфетами, – и мы смогли вернуться к обсуждению мистической «Книги Пряностей» и ее автора.

– А этот ваш Фридрих – он что, был большим любителем колбасы? – спросила я, пока сосед вновь наполнял мою чашку. Сам хозяин не разобрался еще даже с первой порцией претенциозного напитка.

– Почему? – опешил Яков Матвеевич, предусмотрительно поставив чайник подальше от края стола.

– Так вы же сами сказали, что его называли в честь брауншвейгской колбасы, – заметила я.

– О, ну что вы, Любовь Васильевна. – Яков Матвеевич ед-

ва заметно усмехнулся уголком рта, отчего я почувствовала себя глупее некуда. – Брауншвейг-Вольфенбюттельский – это аристократическая фамилия, знаменитая в Германии. История этой семьи уходит корнями в тринадцатый век. Герцоги, носившие эту фамилию, на протяжении сотен лет правили процветающим немецким княжеством.

– А как же колбаса? Она же тоже брауншвейгская?

– О, это всего лишь малозначительный эпизод в истории города Брауншвейга. – Яков Матвеевич пренебрежительно тряхнул головой. Серебристые виски смотрелись благородно, словно он сам был наследником герцогского титула. – Ее действительно придумали в Германии в середине восемнадцатого века, но на протяжении последних ста лет этот мясной деликатес производят только в России... Ну что, с колбасой разобрались? Можем продолжать?

– Можем, – разрешила я. – А еще конфеты у вас есть?

– Разумеется, несравненная Любовь Васильевна. – Откуда-то из-за книг Яков Матвеевич достал новую коробку. Ага, с обсыпкой из кокосовой стружки! Это я люблю. – Итак, герр Фридрих был сыном очередного брауншвейгского герцога. Младшим, так что на княжеский трон он мог не рассчитывать. Однако его ждало блестящее академическое будущее – он был талантливым ученым, с детства увлекался химией и биологией, его звали преподавать естественные науки в Кёльнский университет. И он готов был принять приглашение.

– Что же его остановило? – без особого интереса спросила я. Без особого – потому что, во-первых, я сильно увлеклась новой партией конфет, а во-вторых – подобные истории мне не очень-то по душе. Где, спрашивается, несчастная любовь? Где ревность обманутого мужа? Где подмена невест в последний момент? Где все те драматичные повороты сюжета, коими так богат мой сериал про марокканских принцесс?

– Его остановила смерть его племянника – Иоанна Антоновича, известного также как Иван Шестой, Император и Самодержец Всероссийский, – провозгласил Яков Матвеевич, выскребая ложкой остатки варенья из блюдечка.

Ага, мелькнула у меня мысль, а вот, кажется, и тот самый драматичный поворот.

– Да, сын брата Фридриха, Антона Ульриха, был заколот в Шлиссельбургской крепости в возрасте двадцати трех лет, – продолжил Яков Матвеевич. – У Ивана Шестого вообще была несчастливая судьба. Он стал российским императором в младенчестве, правил чуть больше года, после чего его свергла дочь Петра Великого, Елизавета, и навсегда заточила его в тюрьму.

– Батюшки-светы! Кошмар какой! – охнула я. Вот это я понимаю, драма! Очень даже похоже на злоключения марокканских принцесс. – Представляю, как недовольны были немецкие родственники Ивана!

– Не просто недовольны – в ярости, – подтвердил Яков

Матвеевич. – Они полагали, что у Ивана было больше прав на российский престол, чем у Елизаветы Петровны.

– Почему?

Знанием истории я никогда не отличалась. У меня другие сильные стороны. Мудрость, например. Или, скажем, способность приготовить вкусное блюдо из любых продуктов. Или умение подобрать эффектный наряд.

– Не буду углубляться в сложные родственные связи российских монархов, но известно ли вам, что у Петра Первого был соправитель – так называемый «старший царь» Иван Пятый? Специально для них был построен особый трон с двумя сиденьями.

– Конечно, все это мне известно! – уверенно заявила я, хотя об этом старшем царе слышала впервые в жизни. Что за нелепица – трон с двумя сиденьями! Они бы еще зубную щетку с двумя головками соорудили.

– Словом, Иван Шестой по материнской линии был потомком старшего царя, а Елизавета – потомком младшего царя. Рассудительные немцы сделали из этого факта закономерный вывод: Иван главнее Елизаветы.

– Да, логика железная, – задумчиво согласилась я, допивая вторую чашку чая.

– Тем не менее, брауншвейгцы повели себя благоразумно и не стали вмешиваться в выяснения отношений между амбициозными русскими. Однако терпение их лопнуло, когда они узнали про гибель юного Ивана в тюрьме. Ходили слу-

ли, что его смерть была делом рук – не напрямую, конечно – Екатерины Второй, воцарившейся на тот момент на троне.

– С двумя сиденьями? – не упустила я случая блеснуть новообретенными познаниями.

– Нет, с одним, – снова усмехнулся Яков Матвеевич.

– Значит, этот колбасный Фридрих приехал в Россию мстить Екатерине? – трепеща от сладостного ужаса, спросила я.

– Именно, – кивнул сосед.

– Но зачем же она взяла его на работу? С такой-то фамилией? – поразила я.

– А она и не брала. Он скрывал свое истинное имя. При дворе русской императрицы его знали как Фридриха Карловича Вайсе. Что иронично, поскольку «weiЯе» в переводе с немецкого – «белый», а наш герр Фридрих был обуреваем исключительно черными мыслями.

– И все равно, как же ему удалось стать ее личным поваром? Это как если бы я вот так с улицы заявила к президенту и попросила назначить меня главным в Кремле специалистом по пирожкам.

– О, если бы только господин президент попробовал ваши изумительные пирожки, Любовь Васильевна, он бы взял вас не раздумывая, – галантно сказал Яков Матвеевич. – И у Фридриха особых проблем не возникло: во-первых, он был немцем, а Екатерина, урожденная София Ангальт-Цербстская, всегда благоволила сородичам; во-вто-

рых, он был хорошо воспитан – еще бы, сын князя; и в-третьих, только он умел варить именно такой кофе, какой она любила.

– Батюшки-светы! Она тоже любила кофе? – удивилась я, внезапно почувствовав в императрице родственную душу.

– Еще как! С утра выпивала две чашки, а потом еще в течение дня – несколько. Напиток был настолько крепким, что мог свалить с ног слабого здоровьем человека. Половины килограмма кофейных зерен хватало ей всего лишь на пять чашек.

– Как расточительно, – неодобрительно покачала я головой.

– Так или иначе, герр Фридрих стал мундкохом – придворным поваром Екатерины Великой. И начал планировать свое главное блюдо, которое всегда подают холодным.

– Студень, что ли? – догадалась я.

– Ну что вы, Любовь Васильевна, какой студень, – покачал головой Яков Матвеевич. – Мечь!

– Ой.

– Фридрих выжидал, как умеет выжидать змея, перед тем, как сделать молниеносный, смертельный бросок. Ненависть его к Екатерине росла – из-за того, что она сослала остальных представителей брауншвейгской ветви, живущих в России, сначала в далекие Холмогоры, где они оказались в поистине унижительных условиях, а затем и в глухую датскую деревню... – Яков Матвеевич отпил глоток чая. – Фридрих

тем временем готовил идеальное убийство – не оставляющее следов. Он задумал отравить императрицу и всех ее наследников. А для этого ему нужны были союзники. Противников действующей власти всегда много, и за несколько лет Фридрих собрал целое тайное общество единомышленников, которое получило название «Орден Королевской Кобры». Великим Магистром Ордена стал, разумеется, Фридрих, а священной книгой, библией – та самая «Книга Пряностей», в которой они записали рецепты лучших ядов, чтобы однажды уничтожить всю семью Романовых и остаться безнаказанными.

– Но там же нет ни слова про яды! – воскликнула я. – Травки только какие-то безобидные!

– Это всего лишь код, – пожал плечами Яков Матвеевич. – И рыцари Ордена знали, как его расшифровать. Базилик нужно было заменить белладонной, петрушку – болиголовом, шафран – авраном и так далее. А пропорции и остальные ингредиенты оставить такими же.

– Ну и чем все закончилось? – с замиранием сердца спросила я. – Удалось Фридриху отравить Екатерину?

– А вот этого как раз никто не знает, – развел руками Яков Матвеевич. – Она умерла в шестьдесят семь лет. От чего? Вроде бы из-за естественных причин. Но яды Ордена и не должны были оставлять следов! Так что вполне вероятно, что Фридриху удалось выполнить свою страшную миссию. Тем более что сразу после смерти императрицы он ис-

чез. Вместе с «Книгой Пряностей».

– А с его товарищами что случилось?

– Как ни странно, таинственное исчезновение Великого Магистра еще больше сплотило Орден. Рыцари тайного общества разрабатывали собственные рецепты ядов, но ни один из них не мог сравниться с произведениями Фридриха... Все это время Кобры – так они себя называли – усердно искали пропавшую «Книгу Пряностей». И вот, кажется, нашли. В «Туфельке Екатерины».

Меня вдруг осенила ужасная мысль.

– Яков Матвеевич! Но откуда вы все это знаете? Неужели вы тоже... Кобра?

– Любовь Васильевна! – с укором сказал Яков Матвеевич. – Ну как вы могли такое подумать? Я ученый, исследователь, история – это моя работа и мое хобби.

– А я думала, всякая старая живопись – ваша работа.

Вообще-то я имела довольно смутное представление о том, чем именно занимается Яков Матвеевич в своем Эрмитаже.

– Старая, как вы говорите, живопись, неразрывно связана с историей, – нравоучительно сообщил мне Яков Матвеевич. – А у меня, как у ведущего научного сотрудника крупнейшего российского музея, есть доступ к самым разным закрытым архивам. Моя профессия – консультировать кураторов эрмитажных выставок по поводу атмосферы, сопровождавшей написание того или иного шедевра...

– Послушайте, вот вы сами говорите – архивы, история. Все это было чуть ли не три века назад! Зачем сейчас Ордону эта пресловутая книга? Романовых давным-давно нет!

– Вот это и предстоит нам с вами выяснить, несравненная Любовь Васильевна! – радостно сказал Яков Матвеевич, со звоном ставя пустую фарфоровую чашку в блюдце. – Перед нами любопытнейшая историческая загадка. Мы с вами войдем в анналы!

– Не хочу я в ваши анналы, – капризно отозвалась я. – Хочу сидеть дома, пить кофе и печь пирожки для президента моего сердца – милого Степочки.

Глава 10

Бам-бам! Трам-па-ра-рам! О-о-у йэ-э-э! Бабах!

Четверг, четвертое июня, заканчивался хуже некуда. Не успела я упасть на кровать под свой роскошный балдахин и устало прикрыть глаза, как тишина в доме разлетелась на ошметки. Тайфун по имени Пантера смел мой едва наступивший сон.

Вся наша парадная ходила ходуном. Кисти балдахина пустились в сумасшедшую пляску. Перекатывалась косметика в тумбочке. На кухне вместе с тарелкой подпрыгивали яблочно-лимонные пирожки. Содрогался массивный холодильник. В буфете звенели банки с домашними солеными огурчиками.

Пантера репетировала свой новый хит.

Ну всё, сил моих больше нет, застонала я, выбираясь из-под уютного одеяла и хватая со спинки стула тигровый халат.

Это из-за нее, этой бесстыдной девицы, мой сыночек оказался за решеткой, распалаясь я, пытаюсь отыскать под кроватью леопардовые тапочки. Если бы только она не позвала его на свое выступление – спал бы он сейчас в своей постельке, в соседней комнате... Ну хорошо, на часах всего десять вечера – значит, не спал бы, а дышал свежим воздухом во дворе, копался бы в железных внутренностях нашей «Нивы», перебирал там мотор, или прокачивал тормоза, или еще

как-нибудь игрался; а я бы ему носила блинчики с курицей и сыром, чтобы он подкреплял угасающие силы...

Бам-тарарам!

Ужасный грохот не давал думать.

Я просто не могла больше выносить эту кошмарную девушку. Пойду-ка выскажу ей всё, что она заслуживает!

Остановить меня было некому – Яков Матвеевич был занят, к нему пришла сиделка, чтобы искупать своего подопечного и переодеть его в пижаму. Какое несчастье для стеснительного, замкнутого человека – полностью зависеть от посторонней няньки! Он просто не выносил все эти бытовые нюансы. Однажды, с год назад, назвал себя «жалким инвалидом, недостойным семейной жизни», и я тут же принялась с ним горячо спорить, убеждая его в том, что сильная женщина, такая как я, например, вполне способна справиться с любой болезнью мужа. «Нет-нет, я огромная обуза... Если любишь женщину – не делай ее несчастливой, взваливая на ее хрупкие плечи такую немислимую ношу, пожертвуй собой и своими чувствами», – не согласился со мной Яков Матвеевич...

Ну, сегодня мы с ним таких значительных разговор не вели, говорили о другом – как бы нам теперь подобраться к Ордену поближе. Честно говоря, не придумали ничего лучшего, чем пристать к измотанному шеф-повару Порфирию с вопросом: «Что вы знаете об Ордене Королевской Кобры?», который наверняка останется без ответа.

Нужно было еще пройтись по остальным свидетелям, разнюхать как и что – может, замечу где-нибудь следы коварной Кобры.

Но сначала нужно навести порядок в собственной парадной, королевой которой я себя считала. Эту девицу следует поставить на место!

По дороге вниз, на пятый этаж, где жила Пантера, я позвонила в 21-ю квартиру.

– Володя! Володенька! Открывай! – голосила я, стоя на лестничной площадке. Мне не терпелось поделиться с майором Уточкой новой, мистической информацией про украденную книгу. Пусть расскажет полковнику Орлову, во что тот ввязался!

Володю я оторвала от ужина. В одной руке он держал холодную котлету (мы с Ритой придумали чудный рецепт из оленины с можжевельными ягодами), в другой – кусок ржаного хлеба с солью. Майка была щедро обсыпана крошками.

– Люба, не беспокойся, я уже проинструктировал своих приятелей в «Крестах» насчет трехслойной бумаги, – терпеливо произнес он, дожевывая котлету.

– А про то, что кровать нужно повернуть изголовьем на север, не забыл им сказать? – строго спросила я.

Володя глубоко вздохнул:

– Не забыл, Люба, не забыл.

– Хорошо, Володенька, молодец! – похвалила его я, пере-

криктивная Пантерину музыку. – Но я к тебе не по этому поводу.

– Ну что там еще? – утомленно спросил Володя. Видно, устал после работы.

– Понимаешь, мы с Яковом Матвеевичем Вальтером из двадцать восьмой квартиры тут кое-что выяснили про пропавшую кулинарную книгу, – заговорщески прошептала я.

– А? Чего? – Из-за грохочущих басов Володя ничего не расслышал.

– Я говорю, кулинарная книга из ресторана была суперсекретной! – заорала я во всю силу своих легких.

– И что в ней такого суперсекретного? – поинтересовался Володя, недоверчиво поднимая густые собачьи брови.

– Яды там были всякие зашифрованы! – заторопилась я, чувствуя, что внимательность собеседника убывает со скоростью вакуумного поезда «Москва-Петербург».

Откуда я вообще знаю про поезд будущего? Как-то раз смотрела необычайно интересное дневное ток-шоу про брошенных детей знаменитых артистов (поучились бы у меня, как надо воспитывать сыновей! а то только дрыгать ножками-ручками под музыку горазды), ну и прямо посередине программы запустили короткий новостной блок про подготовку к международному экономическому форуму в Стрельне и про контракты, которые там собираются заключить на высочайшем уровне, в том числе на строительство сверх-

скоростной вакуумной линии между Петербургом и европейскими столицами.

– Какие еще яды? – невнятно пробурчал Володя, отхватив полкотлеты разом, от чего его сходство со скотчтерьером усилилось еще больше.

– Ну какие-какие – обыкновенные яды. Смертельные, – неуверенно сказала я. – То есть они выглядят как нормальные рецепты, но если заменить какие-то ингредиенты на опасные для человека травы, то получится смертельная дрянь.

– Чепуха какая-то, честно тебе скажу, – вынес свой вердикт майор Уточка, запихивая в рот остатки котлеты и хлеба.

– Вообще-то у Якова Матвеевича как-то более зловеще получалось. – Я в отчаянии стиснула руки. – Там еще Иван Шестой – или Пятый? – был замешан, и немецкий герцог, и Екатерина Вторая...

– Екатерина Вторая? – скептически хмыкнул Володя. – Так, может, это она и украла эту книжку?

Я обиделась.

– Знаешь, Володенька, это уже некрасиво! Вам с полковником дают шикарную подсказку – так пользуйтесь, а не насмехайтесь!

– Пардон, пардон! – Володя поднял вверх руки, отблескивающие котлетным жиром. – Ты, Люба, совершенно права. Вторая гипотеза за день – такое даже мне не под силу, а я в правоохранительных органах уже двадцать пять лет.

Я слегка оттаяла.

– Так ты передашь всё полковнику?

– Конечно, передам, как только он вернется из командировки, – заверил меня Володя и закрыл дверь. Это было грубовато, но мужчин нельзя беспокоить во время еды, сама виновата. Ладно, потом еще к нему попристаю, чтобы он связался с полковником пораньше, пусть тот поймет, что нужен здесь, а не в какой-то там Германии.

– Аревуар, – сказала я двери и спустилась на один этаж ниже.

Если бы я не знала, где живет Пантера, то догадалась бы по оглушительным звукам, доносящимся из квартиры №19. Повезло девице с соседями по лестничной площадке: кто-то уехал на дачу, кто-то на ПМЖ за границу. Рядом оставалась только девятилетняя бабушка, но возле нее хоть из пушки Петропавловской крепости пали – все равно не услышит.

Я принялась ломиться в квартиру, давить на звонок, колотить руками и ногами по двери, и спустя несколько минут громыхание недомузыки за стеной прекратилось.

Наступившая тишина была великолепна. Она бальзамом растеклась по моей израненной душе.

За дверью послышались быстрые шаги. Я воинственно поджала губы, затянула пояс халата потуже и приготовилась к бою не на жизнь, а на смерть, на уровне недавней битвы Ренуара с веником.

Однако вместо разъяренной Пантеры дверь открыла заре-

ванная Катя Ромашкина.

Зрелище было поистине жалким: сине-черные дреды всклокочены, топорщатся в разные стороны, словно моя чудо-швабра; нос-картошка, красный, хлопает; распухшие веки, глазки-щелочки, кажется, зелененькие – впервые я их видела без огромного количества теней и подводки.

– Ёлки... Я так и знала, что это вы, – дрожащим голосом произнесла Пантера. Губы у нее затряслись, подбородок уехал вниз. – Вы догадались, да?

– Естественно, милочка! – Несложно было догадаться, что источник отвратительного шума находится в этой квартире.

– Зайдите, плиз! Нам нельзя тут это обсуждать! Могут услышать! – зашептала Пантера и буквально втащила меня в квартиру.

Раньше я никогда не бывала у нее в гостях (а что мне тут было делать? мы с ней, слава богу, не подружки), поэтому сейчас я с превеликим любопытством стала осматриваться по сторонам.

– Батюшки-светы! – изумленно выдохнула я, заглянув на кухню. У девицы на кухне не было ничего! Ну вот буквально – ничего! Кроме табуретки, раковины, соснового стола (вообразите, даже без скатерти! даже без клееночки!) и одноконфорочной электроплитки на нем. И эта беспечная, бездумная, легкомысленная кикимора на моего Степochку позарилась! Чем она собиралась его кормить, хотелось бы мне знать?

Остальные помещения этой однушки выглядели не лучше. Сквозь открытую дверь я увидела грязноватую ванну без занавески; пол в коридоре не мылся так давно, что мои нарядные леопардовые тапочки с помпонами тут же покрылись пылью и уличной грязью; а уж когда я зашла в комнату...

Батюшки мои прабабушки-светы! Матрас прямо на полу! Да еще и без покрывала! Постельное белье всем напозор! Интересно, оно изначально было серым или стало таким в процессе бесстирочного использования? Повсюду промасленные упаковки из-под фастфуда, фантики от шоколадных батончиков. Одежда – джинсы и всякое другое рваньё – была грудой свалена на подоконнике. Стены частично обшиты толстыми пенопластовыми плитами, но большая часть самодельной звукоизоляции белой пирамидой громоздилась в дальнем углу.

Зато музыкальные инструменты – две гитары, микрофон, ударная установка, синтезатор – были натерты до блеска и занимали центральное место убогой комнатенки.

– Садитесь, плиз, – пригласила Пантера, указывая на противный матрас, однако я предпочла постоять.

Сама же хозяйка (если ее вообще можно назвать столь почетным словом!) пристроилась на маленькой вертящейся табуретке подле микрофона и опустила плечи.

– Я знаю, из-за чего вы здесь, – всхлипнула она.

Я, конечно, была здесь из-за громоподобной, ушераздирающей музыки, но решила промолчать и поглядеть, что бу-

дет дальше.

– Вот, видите, – Пантера кивнула на инструменты, – пытаюсь забыть, и ни на микрон не получается...

– И видим, и слышим, милочка, – не удержалась я, но тут же остановила себя от дальнейших комментариев. А то ведь если разойдусь – ух, разнесу здесь все! Пантера забьется под табуретку, как испуганный котенок! Нет, пока нужно держать себя в руках. Кажется, наклеывается нечто занимательное.

– Любовь Васильевна, ну простите меня, а? Ну сорьки! – вдруг взмолилась она и молитвенно сложила руки на груди, смяв противную футболку с какими-то черепашками. А на ногтях-то – черный лак, пф! Зеленые глаза ее лихорадочно и тревожно блестели. – Правда, сорьки-пресорьки!

Я сделала неопределенное выражение лица, поскольку не имела ни малейшего представления, за что эта девица просит прощения – за сор в квартире, что ли?

– Это был импульс, экспромт! Просто, понимаете, мне никак нельзя связываться с полицией – в юности у меня уже были проблемы с законом... Андестенд? Так, ерунда, всего лишь травка, ничего особенного, но больше попадаться нельзя... А когда я открыла чертов медальон, сразу врубилась – тут дело нечисто...

– Так это твой медальон?! – заорала я так, что, наверное, спугнула чаек на другом конце города, в Приморском районе.

– Ёлки, ну не мой, Любовь Васильевна, в том-то то и дело, что не мой! – подскочила на своей табуретке Пантера. – Мне его в тот вечер подарил мой бывший, якобы на память... Я его бросила как раз накануне, но разошлись с чуваком вроде нормально, он и прощальный подарок мне на следующий день перед концертом преподнес, тот самый медальончик. Благородно, даже не похоже на него. По крайней мере, мне так казалось поначалу – пока я между песнями не открыла его подлый подарочек... Стоп, – ее воспаленные глаза вдруг распахнулись и полоснули меня зеленой молнией, – вы удивились... Получается, вы не знали, что это я подбросила медальон Степе?

– Ах ты... Ах ты, дрянная девчонка! – У меня не было слов. – Да как ты только посмела?! Бессовестная! Кикимора!.. Значит, мой сыночек и вправду из-за тебя за решеткой оказался, – обомлела я, дивясь своей правоте. Скорее Якову Матвеевичу рассказать! И Андрюше с Павликом! И Володе! И полковнику Орлову!

– Ёлки... Ёлки-ёлки-ёлки! Если вы ничего не знали – зачем же вы сюда притащились? – слабым голосом спросила Пантера.

– Материнское сердце привело! – отрезала я. – А теперь материнское сердце возьмет тебя, милочка, под белы ручки и отведет к майору Уточке из двадцать первой квартиры, которому ты тут же во всем сознаешься. Наконец-то мой малыш вернется домой! – Я едва сдерживала счастливые слезы.

– Ха! Осадите назад, Любовь Васильевна, – неожиданно твердо заявила девица. Похоже, Пантера решила показать зубки. Она выпрямилась на своей табуретке и скрестила руки на тощей груди. – Я вам уже сказала, что мне никак нельзя к копам в лапы. А если вы меня сдадите – буду отпираться.

– А отпечатки? Отпечатки твоих пальчиков на медальоне? – торжествующе крикнула я. – Думаешь, по ним тебя не вычислят?

– Щаз! – не менее торжествующе отозвалась Пантера. – Я же не дура. Протерла медальон как следует, потом держала его только за цепочку, а со звеньев снять отпечатки нереально.

– Я все равно, все равно пойду к майору Уточке! – из последних сил пискнула я. – С тобой или без тебя!

– Да на здоровье, хэв фан, как говорится, – заявила нахалка. – Скажу, что вам всё привиделось на фоне материнского психоза. Думаете, ваш майор Гусь мне не поверит? Ясень пень, вы и так его замучили, как только Степу задержали! Иметь связи в полиции и не воспользоваться ими – это не ваш стиль. Я права?

Я беспомощно открывала и закрывала рот. Счастье стремительно ускользало из рук, уплывало, не успев согреть меня своим теплом. Не может быть! Степочкина свобода была так близко! Мой сыночек почти вернулся ко мне. Я уже чувствовала сладкий запах его белокурого затылочка...

Не расклеиваться! Держись, Люба, ты сильная! – прика-

зала я себе. Ты нужна Степочке в полной боевой готовности, а не в виде растаявшего желе.

Если упал – не забудь подняться, напомнила я себе.

Ладно, разберусь с этой кикиморой позже. Пока что мне нужно вытрясти из нее как можно больше подробностей. Полковнику Орлову это не удалось – но он-то просто выполнял свой долг, а я за свою кровинушку бьюсь.

Поэтому я титаническим усилием воли соорудила на лице некое подобие улыбки и, – вместо того, чтобы вцепиться в бледное горло мерзкой девицы, вместо того, чтобы выдрать ее дреды с корнем, вместо того, чтобы выцарапать ее зеленые глаза, – максимально спокойно спросила:

– Катенька, а кто тебе, ты говоришь, подарил медальон?

– Экс-бойфренд, – настороженно отозвалась Пантера. Не исключено, что она все же ощутила мою с трудом сдерживаемую ярость – ну не могу я контролировать степень расширенности своих зрачков.

– А как его зовут, милочка? – стараясь сохранить хорошую мину при плохой игре, продолжала я. – Имя, фамилия, род занятий, домашний адрес?

– Черный Пес, байкер, – вздохнула девица. – Это все, что мне известно. Дома у него никогда не была, он ко мне приходил.

– Понятно, понятно, – вежливо покивала я. – Сколько ты с ним встречалась?

– Месяца три, – пожала плечами Пантера.

– И за три месяца ты не выяснила даже его имени? – крикнула я, сорвавшись. – Да за три месяца можно обогнуть земной шар на вёсельной лодке!

– Что же я, по-вашему, паспорт должна спрашивать у каждого чувака, с которым целуюсь? – презрительно скривилась девица.

– Батюшки-светы! – оторопела я. – Ну конечно, милочка! Чему тебя мама-то учила? И паспорт, и медицинскую карту, и рекомендации должна спрашивать! Ай-яй-яй!

Пантера лишь сердито фыркнула и закатила глаза, как давешний шеф-повар.

Я попробовала зайти с другой стороны.

– Хорошо, почему тогда ты сказала, что как только открыла медальон, почувствовала: дело нечисто?

– Ёлки, да этот Псина проклятый знал, что я ненавижу готовить! – воскликнула девица. – У меня даже сковородки нет, только ковшик с отбитой эмалью. Зачем дарить мне рецепт блюда из говядины? Ясень пень, он хотел меня как-то подставить – правда, я еще не знала, как... Но на всякий случай, джаст ин кейс, как говорится, незаметно повесила кулон вашему Степе, когда во время выступления села к нему на колени и обняла его за шею...

Я снова ужасно разозлилась, когда вспомнила Пантерины выкрутасы в ресторане, но промолчала – и правильно сделала, поскольку дальше девица сказала кое-что ценное:

– Кроме того, меня всерьез напугала эта змея на медальо-

не – видели? Точно такая же набита на шее Черного Пса. А я змей ну просто ненавижу! Я из-за этой уродской татуировки с ним, по большому счету, и рассталась. Смотреть на эту кобру не могла!

– Кобру? – уточнила я, не веря своим ушам. Таких совпадений просто не бывает.

– Ага, татуировка-кобра, с раздутым воротником, огромная такая, в короне, – подтвердила Пантера.

Королевская кобра на медальоне. Королевская кобра на «Книге Пряностей». Королевская кобра на шее бывшего парня Пантеры.

Которого, я кажется, видела в ресторане. И не просто видела, а получила от него здоровенную порцию отборного мата. Он скрылся до появления полиции. Поэтому о нем нет ни слова в протоколах.

Кобра. Вот она, зацепка.

Я просто обязана найти этого байкера. И сдать его полковнику Орлову тепленьким, словно змею, перегревшуюся на солнце.

В голове постепенно созрел план. Не прощаясь, я повернулась и вышла из комнаты.

Пантера догнала меня в коридоре.

– Любовь Васильевна, правда, простите меня, – искренне попросила она. Зеленые глаза смотрели на меня устало и грустно. – Сорри фром зе боттом оф май харт, как говорил один безграмотный министр... Я подбросила Степе ме-

дальон только из-за вас.

– Что? – поразились я нахальству.

– Стоп, вы меня неправильно поняли, – зачастила девица. – Просто я знала, какая у него кайфовая мама. Мама, которая вытащит его из любой заварушки. Я офигенно обрадовалась, когда увидела вас тем вечером в ресторане. Подумала: ёлки, ну теперь Степке ничего не грозит. Выкрутится.

Я человек отходчивый и долго злиться не могу. Поэтому я глубоко вздохнула и спросила:

– Травку по-прежнему куришь?

– Что вы, Любовь Васильевна! Ошибки молодости. Давно завязала... Ну, сорьки?

– Ладно. Дам я тебе одну маленькую сорьку. Поверю, но предварительно. В общем, если тебе, милочка, действительно нужно мое прощение, давай договоримся: пока я вытаскиваю своего сыночка из заварушки, в которую ты его втянула, ты, Катерина, возьмешь тряпку и дважды, с порошком, вымоешь пол в коридоре! А то я заснуть не смогу, зная, что в моей парадной вырос такой оазис грязи. Аревуар!

А теперь угадайте, что я сделала, как только пришла домой?

Конечно же, выстирала мои леопардовые тапочки с помпонами.

Глава 11

Пятого июня, в пятницу, в пять пятьдесят пять утра я позвонила Володе.

Ночью я решила, что расскажу ему все, что узнала от Пантеры. В конце концов, я должна отстаивать интересы своего сына, а не этой безмозглой девицы.

Однако майор Уточка довольно холодно выслушал мою сбивчивую историю про певичку, подкинувшую Степе злополучный медальон и уничтожившую свои отпечатки, а также про таинственного Черного Пса без имени и адреса, подкинувшего медальон певичке. Как ни горько мне было это признать, но, похоже, Пантера оказалась права насчет доверия полиции к отчаявшейся матери. Единственное обещание, которое мне удалось выцепить из Володи, – что он все передаст полковнику Орлову, как только тот вернется из командировки, и ни днем раньше. Не в его привычках беспокоить по пустякам занятых людей, сказал он с намеком.

Как я ни плакала, как ни упрашивала – Володя даже не смог организовать мне свидание со Степochкой! Якобы для этого нужно опять же разрешение дурацкого полковника, засидевшегося в Германии.

Но я уже начала подозревать, что майор Уточка просто-напросто занимается любимым делом – ленится. Не хочет помогать страдающей женщине, с которой вырос в одном

дворе.

Что ж, ладно, Володька, я тебе это припомню! Вот притащишь пятикилограммовую щуку с рыбалки – я готовить ее тысяча и одним способом не стану! Рита, конечно, кое-что смyslит в кулинарии, но до моих высот ей далеко.

Сама-то я лениться не умею. Энергии моей хватило бы на бесперебойное отопление всей нашей парадной.

Так что после неудачных переговоров с Володей я не пала духом. Напротив – позвонила Павлику с Андрюшей, разбудила обоих (хватит валяться в постели! солнце уже давно встало!) и созвала на экстренное совещание, совмещенное с сытным завтраком.

Услышав про мой фирменный омлет (вареная колбаса, сыр, красный болгарский перец, много-много яиц) и сырники со сгущенкой, Андрюша тут же прилетел как миленький. Павлик же примчался исключительно из чувства ответственности. Ну, может еще ради свежего кофе по-мароккански. От омлета он отказался.

– Любовь Васильевна, я все-таки настоятельно рекомендую вам обратиться к адвокату, – говорил Павлик, беззвучно размешивая сахар в чашке. Несмотря на ранний час – половину седьмого утра – он выглядел собранным и деловитым. Глаза за стеклами очков были ясными, рубашка – свежей, а о стрелки брюк можно было порезаться. – Мы и так уже упустили много времени. К тому же вам удалось раздобыть столько новой информации! Черный Пес сейчас представля-

ется мне наиболее интересной для следствия фигурой, как из-за медальона, так и из-за предполагаемой связи с Орденом Королевской Кобры. Полагаю, всех остальных свидетелей можно пока оставить в покое, даже шеф-повара Порфирия... – Он отпил глоток кофе. – Любовь Васильевна, пора передать дело в руки профессионала, чтобы он правильно распорядился этими сведениями! Умелый юрист, воспользовавшись вновь открывшимися доказательствами, наверняка сумеет перевести Степу из тюрьмы под домашний арест.

– Меня это не устраивает! – воскликнула я, наливая себе вторую чашку кофе. – Это полумера. Я не готова к компромиссам, когда речь идет о моем сыночке! Он будет полностью оправдан, а не помещен под домашний арест. Это божественный мальчишечка, и все вокруг должны это понять.

Я благоговейно посмотрела на Степочкину фотографию формата А4, украшавшую стену над столом. На снимке он был запечатлен в возрасте пяти лет, в кепочке и коротеньких шортиках, с игрушечным внедорожником в руках. Зайчонок мой весело улыбался, хотя на его носике-кнопочке, как всегда, красовалась здоровенная царапина – в детстве он постоянно падал и разбивал нос...

– Я сама доведу дело до конца. Собственноручно приволоку противному полковнику Орлову истинного преступника, даже если для этого мне придется голыми руками остановить мотоцикл Черного Пса, мчащийся со скоростью полторы тысячи километров в час.

Мальчики переглянулись.

– Знаешь, Павлуха, а ведь тете Любе, исключительно своими силами, удалось за два дня мощно продвинуть расследование вперед, – заметил мой любимчик-колобок Андрюшенька, щедро поливая румяные сырники сгущенным молоком. С омлетом он уже успешно разделался, одни желто-красные крошки остались. В отличие от Павлика, Андрюша не удосужился причесать волосы, рыжие пряди торчали во все стороны, как солнечные лучики; футболка была изрядно помята, и все это время он отчаянно зевал. – Реально, ни один адвокат не будет так самоотверженно заниматься этим делом. И в чем я стопудово уверен – ни один адвокат не будет угощать нас такими восхитительными деликатесами.

Я умильно улыбнулась и положила Андрюше в тарелку еще парочку горяченьких, только со сковородки, сырников.

– Да, но... – Павлик все еще сомневался. – Ставки слишком высоки.

– Вот что, мальчики, к адвокату я обращаться не собираюсь, это вопрос уже решенный. – Я залпом допила кофе, попутно пожалев, что из-за стресса съела вчера на ночь все оставшиеся пирожки с яблоками и лимоном, а также потом, не удержавшись, слопала огромный кусок мяса по-французски, и со звоном поставила чашку обратно на блюдце. – Я вас вызвала для другого.

– Выполним любую вашу просьбу, тетя Люба! – объявил

Андрюша, взмахнув рукой в опасной близости от герани. – Даже если вы предложите нам всем поголовно принести клятву верности злодейскому Роскомнадзору, да обрушатся все его серверы, да проникнет неуловимый баг во все его блокировочные программы... А больше сырников не осталось?

– Как же не осталось, дорогой ты мой! – всполошилась я. – Сейчас напеку! Ах ты радость моя! Павлик, на тебя сделать?

– Спасибо, Любовь Васильевна, я сыт. Но от чашечки вашего замечательного кофе не откажусь.

Я бросилась к плите.

Готовка помогла сосредоточиться и сформулировать вопрос.

– А вот скажите мне, мальчики, – начала я, поставив перед Андрюшей горку свежих сырников, а перед Павликом – дымящуюся чашку. – В этом вашем интернете – в нем всё есть?

Мальчики переглянулись.

– В принципе, там много чего есть, – осторожно сказал Андрюша. – А что вам нужно?

– Ну, нам на компьютерных курсах для пенсионеров рассказывали, что в интернете можно найти всё что угодно, – сообщила я. – Но лекцию про поисковые системы я пропустила, стояла в очереди за семенами, и теперь я почему-то в вашем интернете не могу найти ничего. Хотя, казалось бы, так интеллигентно пишу: «Добрый день, уважаемый интернет! Скажите, пожалуйста, не могли бы вы мне помочь в поисках

того-то и сего-то?» В общем, проявляю посильную вежливость. А в ответ галиматья какая-то вываливается.

Павлик на секунду закрыл глаза за стеклами очков, а Андрюша, не сдержавшись, захохотал.

– Ничего смешного, – обиделась я. – Пусть все знают: наше Купчино, что бы про него не говорили злые языки, – мировой законодатель любезности и средоточие учтивости высшей пробы... Словом, подумываю написать жалобу в Министерство связи. Распустили своих интернетчиков.

– Боюсь, тетя Люба, Министерство связи вам не поможет, – отсмеявшись, сказал Андрюша. – С такими-то запросами...

– А что запросы? Обычные у меня запросы. Я ничего особенного не прошу. Всего лишь хотела составить список всех байкерских обществ Петербурга и обзвонить их, чтобы найти Черного Пса.

– Никуда звонить не надо, – вступил в разговор Павлик и протер очки особой мягкой тряпочкой, которую всегда носил в нагрудном кармане рубашки. – Мы с вами все сделаем онлайн. Верно, Андрюха?

– Проще Бейсика, – снисходительно махнул рукой Андрюша.

Ребята начали синхронно тыкать в экраны своих смартфонов, но я потребовала, чтобы меня тоже включили в процесс, поэтому в итоге мы всей компанией переместились в Степochкину комнату, к единственному в доме компьютеру.

В свое время мы со Степой крупно поругались из-за оформления его спальни – чуть ли не единственный раз в жизни. Он настаивал, что будет выбирать обои и обстановку самостоятельно, а я сильно сомневалась, что мой малыш на это способен. Нет, конечно, он у меня самый-самый умный и самый-самый талантливый; но дизайн – все же исключительно женское занятие. Петенька, светлая ему память, никогда не вмешивался во всю эту мишуру.

Степочка же заявил, что отказывается сажать на даче картошку, раз ему не дают отремонтировать его «берлогу» в соответствии с его собственным, мужским вкусом. В конце концов я уступила; иногда приходится жертвовать мелочами, чтобы сохранить доверительные отношения с сыном – и урожай овощей.

Что ж, конечно, все мои сомнения тогда полностью подтвердились. Три стены Степа поклеил темно-бордовыми обоями, а одну целиком залепил громадной фотографией какой-то спортивной машины устрашающего вида. Тут и там развесил черно-белые плакаты голливудских актеров – возле компьютера усмехался уголком рта тот самый Роберт де Ниро, с дьяволятами в глазах. И что мне особенно не нравилось – прямо над кроватью Степочка вывесил постер с рекламой фильма, в котором снялась его бывшая, та самая актриса с золотой косой до пояса, которая ныне уступила место короткой растрепанной прическе.

Мебель Степочка подобрал всю сплошь черную, вывез

на дачу все свои детские игрушки, кроме пластмассового кораблика, который он сослал в ванную. Заказал мне темно-серое покрывало на кровать и такие же шторы. Я шила, обливая мрачную ткань горячими слезами.

Единственным украшением комнаты стала полка с его коллекцией игрушечных парусников. Он с детства любил ходить в порт, смотреть на корабли, любые: пассажирские лайнеры «Санкт-Петербург-Хельсинки-Стокгольм», приземистые баржи с песком, морские рефрижераторы, громадные контейнеровозы, изящные частные яхты...

Но в целом угрюмая Степочкина спальня совсем не подходила такому чудесному, милому, открытому мальчику, каким являлся мой невинный сыночек.

Сколько потом я не пыталась тайком подкинуть ему в комнату то веселую подушечку, то милый цветочек в расписном керамическом горшочке, то плюшевого мишку – он все это безжалостно выставлял за дверь. А плакатик с актриской, который я снимала и прятала в комод, наоборот, отыскивал и вывешивал обратно.

Зато после ремонта комнаты на радостях Степа так вспахал мне участок, что картошка в тот год была размером со страусиное яйцо!

Эх, вдруг разволновалась я, как же там мои посадки-то на даче? Лето проходит, а мы с ребеночком моим в городе сидим! Ведь заехали-то в квартиру буквально на день, помыться в ванной – и как все неудачно сложилось... Если бы

только он не пошел в тот вечер в дурацкий ресторан...

Надо позвонить сестре, решила я. Должен же быть и от Глафиры какой-то прок, а то хорошо устроилась: целыми днями сидит на скамеечке под яблоней, читает книжки в скучных однотонных обложках, вся такая воздушная и неземная в своих длинных юбках и шالях. Пора ей спуститься с небес на землю, взять в руки мокрый грязный шланг и полить все мои растения.

Ох, скорее бы все это закончилось!

Андрюша тем временем включил компьютер. Тот послушно загудел, завелся, монитор засветился – и что бы, вы думали, я увидела на экране? Фотографию нашей милой соседки! С «рабочего стола» моего сына на меня нагло смотрела Пантера: в полный рост, с микрофоном, дредами, кожаными браслетами и серебряными кольцами в виде злобных физиономий каких-то горгулий.

– Батюшки-светы! – ахнула я и в изнеможении плюхнулась на кровать.

– Спокойно, тетя Люба, не отвлекайтесь! – невозмутимо отреагировал Андрюша и открыл в компьютере страницу поиска. Гадкая Пантера пропала из поля видимости. Павлик, стоявший рядом, сочувственно похлопал меня по плечу.

Андрюша набрал в строке поиска всего два слова: «байкеры спб», – и откинулся на спинку компьютерного стула.

– Как-то это грубо, Андрюшенька, – с укором сказала я. – Где твоя учтивость, мальчик мой?.. Ой, смотри сколько всего

вывалилось!

Оказалось, что интернет, если обращаться с ним без излишней деликатности, может выдать массу всевозможных сведений о байкерском Петербурге – нужных и ненужных.

Мотоклубов в нашем городе оказалось с десятков, больших и маленьких. У больших были собственные сайты, у маленьких – странички в социальных сетях.

И знаете, что я вам скажу? Все-таки Степочка сообразительностью в меня пошел. Какая я все-таки умная, что догадалась позвать ребят на помощь! Ведь даже если бы мне и удалось составить список всех байкерских обществ, то дальше мое расследование точно забуксовало бы.

Потому что неожиданно выяснилось, что Черных Псов в Петербурге – как собак нерезаных.

И простые телефонные звонки тут были бессильны.

Андрюша с Павликом мастерски лавировали в этом виртуальном мотоморе, переполненном мощными байками, нечесаными бородами, кожаными косухами, стальными заклепками, грязными хвостами, татуировками, цепочками и банданами. С ловкостью фокусника мальчики выводили на экран фотографию очередного Черного Пса и с надеждой спрашивали: «Он?».

Не он... Снова не он... Кажется, это тоже не он... Батюшки-светы, да они все на одно лицо... Нет, не он... Это ж надо такую бородищу отрастить да еще и в красный цвет ее покрасить! Нет-нет, это точно не он... Не он...

– Постой-ка! Погоди! – воскликнула я, вдруг разглядев смутно знакомую физиономию на каком-то общем снимке. Видела я этого типа всего один раз, к тому же в ресторане было темновато... – Можешь увеличить его шею? – попросила я Андрюшу.

Он укрупнил снимок.

С немойшей шеи байкера на нас хищно скалилась кобра. В короне.

– Это он, мальчики! Мы нашли его! – выдохнула я, схватившись за сердце. – Это тот самый Черный Пес, пес его раздери!

Мальчишки радостно заулюкали.

– Я должна с ним встретиться, – безапелляционно заявила я. – Пристану к нему, как банный лист, и не отлипну, пока не расскажет мне всю правду про медальон.

– Это может быть опасно, Любовь Васильевна, – озабоченно сказал Павлик. – Давайте лучше мы с Андрюхой с ним поговорим.

– Нет, ребята, – категорически отказалась я. – Вы еще маленькие. Я сама.

– Ну тогда мы с вами пойдем, а то крыша уже едет от этого монитора, нужно развеяться... Да и для самообразования полезно. – Андрюша взъерошил рыжие вихры и пристально посмотрел на Павлика. – Верно, Павлуха? Поучимся у опытного человека умению вести расследование?

– Точно, – кивнул Павлик, поправляя очки. – Возьмете

нас, желторотых птенцов, с собой, Любовь Васильевна?

– Ладно, так и быть, – смилостивилась я. – Только во всем слушаться меня и не лезть поперек мамки в пекло!

– Договорились, – хором сказали ребята.

– Теперь вот вопрос: как бы мне с ним увидеться? – задумалась я. – Под каким предлогом?

– Нам повезло, тетя Люба. – Андрюша пощелкал мышкой и вывел на экран какую-то табличку. – Клуб «Невские Отморозки», в котором состоит наш Черный Пес, проводит сегодня вечером мотосходку. Съезд участников назначен на девять вечера. И вы не поверите где – в Купчино, в двух шагах от вашего дома! В конце Бухарестской улицы, которую они называют «Бухарик». «Побухаем на Бухарике» – учтиво приглашают организаторы.

– Шикарно, Андрюша, просто здорово! – захлопала я в ладоши. – Погоди, а побухаем – это значит «напьемся»? Они что там, будут пить? Они же за рулем! – ужаснулась я.

– Так, Любовь Васильевна, – сказал Павлик строгим тоном. – Вы же не собираетесь сегодня вечером читать этим «Отморозкам» морали?

– Да, тетя Люба, самое главное – не привлекать к себе излишнего внимания, – поддержал товарища Андрюша. – А то нам всем точно не поздоровится.

Павлик снял очки и принялся их протирать.

– Хорошо, хорошо, мальчики, я постараюсь, – пообещала я. – Постараюсь не выделяться из толпы любителей моти-

КОВ-КОТИКОВ.

Ребята снова переглянулись.

– Знаете, тетя Люба, я бы вам настоятельно не рекомендовал называть байки этих парней «мотиками-котиками», – проронил Андрюша. – Это почти то же самое, что прийти на презентацию нового айфона в футболке с надписью «Ай лав Андроид» – растерзают... Вот что – я вам сейчас распечатаю словарь байкерского сленга. Потрудитесь выучить к вечеру хотя бы основные моменты.

– Да не волнуйтесь вы так, дурачишки! – рассмеялась я. – Можно подумать, эти байкеры переедут нас своими мотиками, если я им скажу, что им всем не мешало бы хорошенько помыться. Наоборот, они будут только рады доброму совету!

– О боже, – вздохнул Павлик и снял очки.

Глава 12

Пантера, конечно, дрыхла до обеда.

Это в пятницу-то, в рабочий день.

Я постучалась к ней в квартиру в восемь часов – сразу, как ушли ребята. Потом бегала вниз и стучала еще каждые тридцать минут, пока наконец в половину второго наша заспанная принцесса джунглей, в майке и мятых пижамных шортах с надписью «Girl Gone Wild», не соизволила открыть дверь.

В первую очередь я посмотрела на пол в коридоре. Грязный! Пыли по-прежнему не меньше, чем на поверхности Луны.

– Ах вот ты как! – негодуяюще возопила я. – Мы же договаривались!

Пантера широко зевнула, показав белые зубы и (батушки-светы!) пирсинг в языке (мало ей гвоздика в носу!), и хладнокровно парировала:

– Ясень пень, договаривались. – Похоже, она совершенно оправилась от недавнего расстройства. – А дайте-ка мне честное слово, что не звонили своему майору Гусю и не пытались меня сдать со всеми потрохами.

– К тебе приходили полицейские? – обрадовалась я.

А зря.

– Неа. Просто я по вашим глазам вижу, что вы это сделали. И что вас послали подальше, как я и говорила.

Я прищурилась. Похоже, эта девица не так проста, как кажется.

– Ладно, милочка, ничья, один-один. Позволишь зайти?

– Да не вопрос, заваливайтесь. Хватит мне уже дримушек на сегодня...

– Дримушек? – не поняла я. – Это дрема, что ли?

– Ну типа.

В гадкой квартирке со вчерашнего дня ничего не изменилось. Разве что в комнате на полу прибавилось банок из-под энергетических напитков, да упаковок из-под разводного пюре с кусочками чего-то безвкусного, больше напоминающего мышиный помет, чем курицу.

Пантера утомленно шлепнулась на свой матрас, указав мне на высокую табуретку рядом с микрофоном – других посадочных мест в комнате не было, – но я сюда не расслаиваться пришла.

– Я к тебе, милочка, по делу, – начала я, бочком подбираясь к подоконнику, который использовался тут вместо шкафа. – У меня сегодня, видишь ли, одно деловое мероприятие, и ты мне можешь помочь с гардеробом.

– Я? С гардеробом? – фыркнула Пантера. – Разве что ваше деловое мероприятие – это хард-рок фестиваль, а вы – его фронтмен.

– Почти. – Не всё ее слова я поняла, но главный смысл уловила. – Я вечером иду на байкерский праздник.

– Байк-пати? – изумленно переспросила Пантера. –

Неужто уже отыскивали Черного Пса?

– Пф, тоже мне проблема! – небрежно отозвалась я. – В интернете я свой человек. Мы с ним, с интернетом, на «ты», можно сказать. Вот он, интернет, мне и поведал, что «Невские Отморозки», в том числе и твой Черный Пес, сегодня устраивают алкогольный праздник на Бухарестской. Хочу поучаствовать.

– «Невские Отморозки»? – повторила Пантера. – Да, как раз про моего бывшего. Вы бы, тетя Люба, не ходили туда, серьезно.

– Во-первых, для тебя я не тетя Люба, а Любовь Васильевна, – нравоучительно заметила я. – Во-вторых, ради своего сыночка я полезу хоть в пасть к огнедышащему дракону. Твое же дело маленькое – выдать мне подходящую одежду, чтобы я не выделялась в толпе этих любителей мотиков-котиков.

– Кого-кого? – не поверила своим ушам Пантерам. – Мотиков-котиков? Нет, правда, сидите лучше дома.

– Так, милочка, дашь мне наряд или нет? – Надоели мне эти пустые пререкания. Вишь ты, какая заботливая! Сама же моего малыша подставила, а теперь якобы беспокоится за мою безопасность!

Я бы вообще к ней не обратилась, но у меня в арсенале ничего подходящего не было, равно как и у моей сестры Глафиры, поклонницы длинных юбок и глухих блузок мрачных расцветок.

– Берите что хотите. – Пантера сделала широкий приглашающий жест в сторону одежной кучи на подоконнике.

Я брезгливо, двумя пальчиками, потянула за какой-то многообещающий кончик, торчавший из кучи – и в моих руках оказалась клетчатая мужская рубашка.

– Это чья? – воинственно спросила я, ожидая услышать в ответ историю про очередного бывшего.

– Моя, моя, – примирительно сказала Пантера. – Точнее, папина, но он мне ее отдал. Она суперуютная.

Перебрав несколько совершенно неприемлемых вещей, большинство из которых были грязными и абсолютно все – мятыми, я остановилась на безразмерной черной футболке с надписью «Грандзабухатор? Йес, плиз!» (чем вызвала у девицы припадок истерического смеха; выяснилось, что «грандзабухатор» – это грандиозный байкерский праздник с немыслимым количеством спиртного) и коричневой кожаной жилетке, в которую еле втиснула свою солидную грудь (не в пример сушеной Пантериной).

– Думаешь, Черный Пес не узнает одежду своей бывшей девушки? – спросила я, рассматривая свое искаженное отражение в медных тарелках ударной установки.

– Парни жутко тупые! – расширила зеленые глаза Пантера. – Тряпки он не вспомнит, точняк. Умишка не хватит. К тому же он меня в основном вообще без одежды видел.

Не дай бог кому такую невестку! – вздохнула я про себя, а сама спросила:

– И почему ты решила его бросить, Катерина? По-моему, вы были просто созданы друг для друга. Как я и эта лихая банданка! – Я приложила ко лбу треугольник ткани со злобенькими ящерицами-хамелеонами.

– Ну, он не оставил мне уэй-аута.

– Чего?

– Выхода не оставил, – пояснила Пантера. – Оскорбил мою музыку.

– Да? – внезапно заинтересовалась я. – И как именно?

– Она, видите ли, недостаточно бунтарская для него, – с обидой сказала Пантера. – Ему чего-то поядренее хотелось. Чтобы был взрыв мозга и все такое.

– По-моему, у твоих слушателей и так мозг вылетает; куда уж ядренее, – пожалала я плечами, любуясь на себя в выпуклой тарелочке. – Что, теперь небось накинешься на меня, раз мне твоя так называемая музыка не по душе?

– Неа. – Против ожидания, Пантера выглядела довольной. – Я жутко рада, что вам не нравится мое творчество. Это же бест комплимент.

Я была уязвлена.

– Знаешь, милочка, мой вкус вполне можно назвать универсальным. Если мне не нравится – значит, и другим, нормальным людям, не понравится тоже, клянусь своими леопардовыми тапочками!

– Крутяк! – развеселилась Пантера. – А президента нашего вы считаете нормальным человеком? – поинтересовалась

она, хитро щурясь со своего матраса.

– Я? Да я за него первая проголосовала! Ждала у избирательного участка с шести утра!

– Тогда вам будет приятно узнать, что его помощник лично пригласил меня выступить на камерном концерте, специально для участников международного экономического форума, – победоносно объявила Пантера. – Суперсейшн в Стрельне, сразу после торжественного обеда.

– Батюшки-светы... Не может быть! – ахнула я.

– Вау, да у вас прямо мозг взорвался, – хмыкнула Пантера. – Я иду четвертым номером, сразу после Шнура, перед Гергиевым. Помощник сказал, в моих песнях «органично сочетаются бунтарство и классика».

– Ну-ну. – Я пришла в себя. Врет она все, наверное!

Пантерины драные джинсы я даже и не мерила. Размер у нас с ней разный, да и мои черные брючки – и в пир и в мир годятся. От предложенных Пантерой кожаных ботинок на шнуровке я тоже отказалась – на ноги никто никогда не смотрит, а удобнее моих ортопедических туфель ничего быть не может.

Итак, я была готова слиться с толпой любителей мотиков-котиков.

– Послушайте, тетя Люба... Любовь Васильевна. – Пантера остановила меня в коридоре. Из-под маски самоуверенной рокерши вновь выглянул робкий котенок. Она переминаясь с ноги на ногу и неловко теребила свои пижамные

шпорты. Ножи у нее были тоненькие, худенькие. Хищная кошка смотрелась на этой детской щиколотке неуместно. – Хочу навестить Степу в изоляторе... Можно?

Сначала я хотела честно признаться, что даже родную мать к сыночку в «Кресты» не пускают, и вообще, нечего к моему зайчонку лезть, но потом мне в голову пришла другая мысль:

– Вымой сперва пол в коридоре, а потом я подумаю, – строго сказала я и попрощалась: – Аревуар, милочка!

Без десяти девять я вышла из своей парадной в полной боевой экипировке: свежезавитые на пиво волосы задорно топорщатся из-под банданки; грубая кожаная жилетка, надетая поверх отутюженной футболки, украшена шикарной брошью в виде стрекозы, купленной мной на рынке за смешную сумму.

– Хай, чуваки! – крикнула я Павлику с Андрюшей, подждавшим меня возле «Нивы». – Ну что, готовы набубениться?

Мальчишки замерли, разинув рты.

– Лю-Любовь Ва-Ва-Васильевна, – заикаясь, наконец вымолвил Павлик. – Это... Это что?... Это как?...

– Это байкерский прикид, – красивым жестом указала я на жилетку. – А что?

– Ни-ничего, – промычал Павлик.

– А вы, тетя Люба, как я погляжу, поднаторели за день в байкерском сленге, – заметила Андрюша, галантно подсаживая меня на заднее сиденье «Нивы».

– Да, подучила кое-что, – скромно отозвалась я, поправляя банданку. – Думаю произвести фурор на этом грандзабухаторе!

– О боже, – хором сказали мальчики.

Дорога от моего дома номер один по Купчинской улице до пустыря в конце Бухарестской заняла минут пять.

Уже издалека мы услышали рев двигателей, оглушительный гогот и визг тормозов. В гигантских колонках билась непонятная музыка. Ощущение было таким, словно мы оказались на цирковом шоу в аду – с чертями-артистами и inferнальным пламенем вместо декораций. Филипп Киркоров обзавидовался бы.

– Батюшки-светы! – пролепетала я чуть слышно.

На асфальтированном пустыре – бывшей парковке разорившегося магазина – куролесили байкеры. Наивные солнечные «зайчики» испуганно отскакивали от страшных металлических машин и бесследно тонули в черных косухах.

Павлик остановил нашу белую «Ниву», казавшуюся на фоне этих сверкающих мотоциклов старомодной тележкой, возле поребрика.

– Так, мальчики, – решительно сказала я, посмотрев на строгий костюм Павлика и оранжевую детсадовскую Андрюшину футболку. – Вам туда нельзя. Даже в целях самообучения.

– Но, тетя Люба! Любовь Васильевна! – запротестовали ребята.

– И обсуждать не стану! – отрезала я. – Сидите в «Ниве» и ждите моего возвращения. А чтобы вы не скучали – вот вам сырны палочки, перекусите пока. – Я вытащила несколько палочек из своей объемной сумки «под зебру». – Испекла сегодня днем, еще теплые.

Не слушая возражений, я выбралась из салона, подтянула черные брюки, поправила бандану с ящерицами – и отправилась навстречу приключениям. Терять мне было нечего.

Глава 13

Степочку и Петеньку я всегда стригла сама. Усаживала их по очереди на табуретку в коридоре – и вжик-вжик кухонными ножницами! Ничего сложного. Конечно, в мировом чемпионате по парикмахерскому искусству я бы не рискнула принять участие, но вот в городском, и уж тем более районном соревновании – вполне могла бы выступить. По крайней мере, ни один из двух моих клиентов не жаловался на качество оказываемой им услуги. Оба моих мальчика всегда ходили чистенькими и аккуратненькими.

А вот куда смотрели матери участников мотосходки – я не представляю. Такого количества жирных волос, кудлатых бород и мышинных хвостов я в жизни не видела. Если бы все нуждающиеся в стрижке «Невские Отморозки» выстроились по порядку к моей табуретке, очередь растянулась бы на всю лестничную площадку, спустилась по лестнице, выплеснулась на улицу и завершилась только у трамвайной остановки посреди Купчинской улицы.

Брезгливо морща нос и прижимая к груди свою зебровую сумку, я ввинтилась в толпу зрителей, наблюдавших за байкерскими развлечениями в центре пустыря. Как я поняла из выкриков собравшихся, нынешняя забава называлась «бычина» и состояла в перетягивании ремня, концы которого два здоровых мотоциклиста намотали себе на запя-

стью. Для усложнения процесса оба участника одновременно управляли своими мотиками, катаясь по кругу на малой скорости, как козлы на привязи. Целью игры было сдергивание противника наземь с целью дальнейшего насмехания над ним. Однако силы соревнующихся были примерно равны, и потому забава изрядно затянулась – с каждой минутой ставки в толпе росли и атмосфера накалялась.

Пользуясь тем, что зрители были безмерно поглощены происходящим на арене (хотя на мой взгляд, ничего глупее и придумать было невозможно), я начала искать среди них знакомую физиономию. Протискивалась, проталкивалась, наступала на ноги, бормоча «расставил тут свои лапы» – но никак не могла найти Черного Пса в этом кожаном-заклепочном аду. Некоторые участники сходки были в черных очках, называемых, если верить моей распечатке, «консервами» (тоже мне, пионеры экспериментальной авиации); но ни у кого из них не было татуировки-кобры на шее.

Вдруг зрители враз заорали: кто-то огорченно, а кто-то победно. Я будто бы попала в джунгли на слет взбесившихся бабуинов.

Я оглянулась: один из перетягивальщиков валялся на асфальте, грязно ругаясь, а другой торжествующе тряс выигранным ремнем и почему-то тоже при этом грязно ругался – вероятно, от счастья. Никогда раньше не слышала, чтобы одними и теми же словами выражались такие разные эмоции.

Рядом со мной ликующе вопил беззубый байкер с жидким

седым хвостиком. Грубое, обветренное лицо венчала изящнейшая бандана бело-голубой расцветки. Эти же оттенки были здесь повсюду: на флагах, на нашивках, на наклейках, украшавших гладкие бока мотоциклетных кофров. «Они же „Невские Отморозки“, – осенило меня. – Нева голубая; мороз же цвета не имеет, но если выбирать, то, наверное, белый. Вот в чем дело».

– Хай, брателла! – крикнула я беззубому, пытаясь привлечь его внимание, устремленное исключительно на арену. – Есть вопрос!

– Чо? – ошарашенно уставился на меня беззубый. – Ты ваще кто, кошелка?

– Я ищу Черного Пса!

– Чо?

– Пса Черного, говорю, ищу! – заорала я изо всех, перекрывая гул толпы. – Вы совсем из-за своего байка оглохли, что ли?

Кажется, я совершенно неожиданно угадала некий байкерский пароль. Вместо того, чтобы обидеться на ничем не прикрытое оскорбление, беззубый расплылся в щербатой улыбке и гордо заявил:

– Ага, мой агрегат самый мощный! И двигало у него ревет громче всех! Четырехсотка, не левак какой-нибудь!

– Поздравляю, – сказала я, не поняв ни слова из сказанного беззубым, но уловив его дружелюбный тон. – Так где я могу найти Черного Пса, чувачок? – перешла я на доступ-

ный ему язык.

– Да вон же Псина! В адской маске, – махнул рукой байкер куда-то вбок. – Козлит!

В стороне от толпы молодой байкер бесстрашно катался на заднем колесе мотоцикла, проделывая при этом в воздухе всякие кренделя. Лицо его было закрыто черной банданой наподобие паранджи марокканской принцессы из «Цветка миндаля». Вот только принцессы никогда, никогда, ни при каких обстоятельствах, не будут затягиваться с ног до головы в кожаный комбинезон с миллионом молний. Если бы не беззубый – в жизни бы не этого Черного Пса не узнала.

Ладно, теперь главное – чтобы он и сам меня не узнал. Иначе не смогу втереться к нему в доверие. Вряд ли Черный Пес станет раскрывать свои секреты матери парня, на коленях которого танцевала его девушка, пусть и бывшая, и которого арестовали по его вине.

Я подобралась к Черному Псу поближе и громко заплодировала его «козлиным» подвигам.

– Bravo! Респект, чувачок! – заголосила я с деланным восторгом, напряженно вспоминая подходящие выражения из своей распечатки. – Вы прямо понтомёт!

От неожиданности байкер покачнулся, потерял равновесие – и грузно, как мешок с картошкой, свалился на асфальт вместе со своим мотоциклом.

После серии отборнейших ругательств Черный Пес с трудом вылез из-под мотоцикла, стянул с лица бандану и зло

уоставился на меня.

– Тебе чего, мамзелька?

В пронзительных черных глазах плескалась ярость, но ни капли узнавания. А ведь и правда, с какой стати ему запоминать глупую пенсионерку, устроившую скандал в ресторане? Я же не Пантера, в конце концов.

К счастью, одежду своей бывшей девушки он тоже не вспомнил. Ну, я так думаю. Опасения мои были напрасны. Умом Псина, судя по всему, и правда не блистал.

Так что я слегка расслабилась и затараторила:

– Ах, вы знаете, мистер Черный Пес, я просто фанатею от байкеров и всего, что с ними связано! Давно мечтаю вступить в ваш чудесный клуб и стать одним из великолепных «Невских Отморозков». – О том, что у меня нет водительских прав, я, разумеется, благоразумно умолчала. – Вот, специально приехала посмотреть на одного из величайших байкеров современности – я про вас, молодой человек, говорю! И знаете, после вашего чудесного козления я убедилась: вы просто понтомёт!

По агрессивному лицу байкера я поняла, что сморозила что-то не то.

– Значит, так, мамзелька. – Черный Пес нехорошо прищурился. – Во-первых, я не козлил, а делал свечку. Козлят козлы. Во-вторых, какого чёрта ты меня обзываешь?! «Понтомёт» – это реальный наезд! Да я из-за тебя с асфальтом обнялся! – Он энергично стряхнул пыль с кожаного комби-

незона, как это делают собаки, выскочившие из воды, и окинул меня презрительным взглядом. – И в-третьих, кандидатов за шестьдесят и с брошками-стрекозами мы в наш клуб не принимаем.

Я обиделась.

– Мне, молодой человек, всего-то сорок семь лет в мае исполнилось. Это раз. – Вранье, пятьдесят семь, но выгляжу-то я на десять лет моложе, так что можно и приукрасить свои паспортные данные. – И потом, ничего вы не понимаете в красоте и хорошем вкусе! – Я любовно погладила свою брошку. – Стрекозка очень мила и просто спасает дурацкую кожаную жилетку. А как еще украсить эту грубую одежду?

– Макаронами, – буркнул Черный Пес, внимательно осматривая мотоцикл на предмет повреждений, полученных в результате падения.

– Макаронами?! – воскликнула я, не поверив своим ушам. – Да вы представьте, молодой человек, как это будет выглядеть! Макароны нужно есть, а не вешать их на одежду.

Байкер, ругнувшись сквозь зубы, уточнил:

– Лапшу я имел в виду, мамзелька. – И принялся полировать блестящие части своего аппарата мягкой тряпочкой вроде той, что всегда носил с собой Павлик для протирки очков.

– Лапша тоже не годится, – уверенно отозвалась я. – Лапшу можно, скажем, в супчик куриный положить. Как ее к жилетке-то приделаешь?

Черный Пес выпрямился и испепелил меня взглядом:

– Знаешь, мамзелька, на фанатку ты не очень-то тянешь.

Иди-ка ты лучше домой, пока тебя саму в лапшу не превратили. Как на моем комбезе.

Тут я присмотрелась к его кожаному скафандру – разнованному молниями, блещущему всевозможными значками – и запоздало вспомнила, что означает на байкерском сленге «макароны» и «лапша». Эта же кожаная бахрама – такая, как болтается у него на груди!

Да уж, села в лужу. С огромным плеском, который, наверное, слышали и в Кронштадте.

План мой проваливался на глазах. Мало того что не удалось расположить Черного Пса к себе, так еще и рассердила его до невозможности.

Я лихорадочно думала, что мне теперь делать, как вдруг сзади раздалось громогласное:

– Слышь, Псина, в бочку будешь играть?

Похоже, парням надоело забавляться унылым перетягиванием ремня и они решили заняться чем-то позабористее. А именно: выпить на двоих десятилитровый бочонок пива и гонять его туда-сюда передним колесом мотоцикла, играя в некое подобие футбола. Роль ворот с каждой стороны арены исполняли двое наиболее безмозглых байкеров, державшихся за руки. Среди них, конечно, был и мой беззубый приятель.

Черный Пес, переместившийся на арену вместе с мото-

циклом, выдул свои пять литров буквально за несколько минут. Икнув на все Купчино, он передал бочку товарищу, собрался было оседлать своего блестящего чернущего зверя – и тут лицо его перекопилось: он снова увидел в толпе мое лицо.

От меня, дорогие мои, не так-то просто отделаться! Уж если я что задумала – советским трактором меня не сдвинешь с намеченного курса! А тем более каким-то хлипким японским мотоциклом.

– Что пьем, чуваки? – как ни в чем не бывало спросила я, просачиваясь в первый ряд. – Пиво? А какое?

Второй байкер, восседавший на алом мотике, на секунду оторвался от своего бочонка, чтобы смерить меня изумленным взглядом:

– Самое лучшее, тетка, не парься, – расхохотался он и воссоединился с бочкой.

– Как называется-то? – не отлипала я.

– Да ты, мамзелька, и слов таких не знаешь, – отрезал Черный Пес. – Давай уже врубай пятую скорость и шуруй домой, сказали тебе.

Я пропустила грубость мимо ушей и стала рассуждать вслух:

– Ну раз самое лучшее – значит, «Чешское разбойничье». Я права?

Второй байкер чуть не уронил бочку. Черный Пес разинул рот. Толпа зрителей зашумела.

– Оно, оно самое, – растерянно сказал Черный Пес. – Ты что, в пиве разбираешься?

– А то! – Я гордо задрала подбородок и взбила свои желтые твердые кудри. – На «Чешское разбойничье» волосы лучше всего завиваются. Крепкие, здоровые волны – и лака никакого не надо!

Байкеры слушали меня с совершенно ошеломленным видом. Лица у них были такие, словно они увидели, как комнатная болонка с розовыми бантиками соскочила со своей милой, в оборочках и цветочках, подушечки – и сыграла на бас-гитаре три последних хита «Металлики» подряд.

– Да, – продолжала я, пользуясь наступившей тишиной. – Я все марки и сорта пива перепробовала. Хуже всех – «Золотистое с пузырьками». Локоны после него чуть не отвалились. Висели противными сосульками весь день.

– Да, «Золотистое с пузырьками» – дрянь порядочная, – подтвердил товарищ Черного Пса, вытирая пену с усов и тяжело отдуваясь. – Ну что, Псина, к бою?

– Поехали! – рывкнул тот – и необыкновенно бережно, словно имел дело со стеклом, повернул ключ в замке зажигания.

Рыцари асфальтовой дороги схлестнулись в бескомпромиссном поединке.

Алый мотик был поменьше и пошустрее. Он жужжал вокруг солидного черного байка, крутился, вертелся, закладывал крутые повороты и то и дело перехватывал бочку.

Черный же мотоцикл сначала снисходительно наблюдал за ужимками и прыжками соперника; а затем собрался, выпустил огромное сизое облако из выхлопной трубы, взревел и мгновенно загнал бочку в ворота, задев при этом зеркалом беззубого – думаю, что специально. Черный Пес торжествующе заулюкал.

«Подожди же, дружок, это будет твоя последняя победа – дай мне только закончить расследование», – мстительно подумала я. Мне уже было ясно, что это именно он украл дурацкую книжку и отключил шефа. Осталось только это доказать. А затем Черный Пес сменит моего невинного сыночка в тюрьме. Только ему-то, конечно, не видать комфортабельной камеры с круглосуточным обслуживанием и трехслойной туалетной бумагой.

Толпа восторженно завопила – мало кто ставил на выигрыш алого, – после чего был объявлен перерыв в соревнованиях: «для пивного оттяга». Радостнее всех эту новость приветствовали Черный Пес с товарищем, и без того уничтожившие на поле боя по пять литров хмельного каждый.

Народ рассредоточился по пустырю. Черный Пес подсел к компании одноклубников, устроившихся на ступенях заброшенного магазина с целой коллекцией пузатых бочонков – но совершенно без закуски. Ага, попались! – подумала я.

Я подошла поближе. Парни обсуждали, судя по всему, модели байков, которые они как только не обзывали: и Африка,

и Ватрушка, и Стыд, и Ведро с болтами, и Селедка, и Громокот, – постоянно поминая какой-то «джап». Поднатужившись, я вспомнила расшифровку дурацкого слова – «японский мотоцикл». Но причем здесь типично русская еда: ватрушка и селедка? И уж тем более – Африка. Япония же вроде на другом континенте. Или?.. География никогда не была моей сильной стороной.

Меня заметили. Парни смотрели настороженно, но без враждебности. Мое «пивное выступление» не прошло даром.

– Чувачки, а кто хочет к пивасику сырных палочек? – Я интригующе похлопала по своей зебровой сумке, источающей соблазнительный аромат.

– О-о! Молодчина, тетка! Угощение в кассу! – загомонили байкеры.

Огромный сверток с сырными палочками распотрошили за считанные мгновения. Ребята были ужасно довольны своевременно подоспевшей закуской. Меня хлопали по плечу и называли «чувихой».

А значит, ничто не мешало мне присоединиться к их компании. Я бесцеремонно плюхнулась на ступеньку рядом с Черным Псом. Тот скривился, но стерпел мое присутствие. Он уже наелся, напился и теперь блаженствовал на солнышке с сигаретой в зубах.

– Мистер Черный Пес, а что такое ватрушка и селедка? – завела я непринужденную светскую беседу. – Это в честь на-

ших знаменитых национальных блюд японцы назвали свои мотики?

– Черт возьми, вот неугомонная мамзелька, – пробормотал Черный Пес, но уже без давешней злобы. Он лениво затынулся. – Ты только о еде, что ли, можешь думать? Ватрушка – это байк «Хонда» ВиТиАр. А Селедка – «Ямаха» ЭсЭрИкс. Понятно теперь?

– Ну да, ну да, – с готовностью закивала я. – А то уж я подумала, что эти азиатские капиталисты совсем обнаглели.

Черный Пес удивленно поднял запыленные брови.

– Хм. Ты что, мамзель, тоже против проклятых капиталистов?

– Ха! Да я их просто ненавижу! – искренне заявила я. Комсомольское прошлое так просто не забудешь! Лучшее время в жизни. «Руку, товарищ подросток!», «Имя героя на флаге нашем» и так далее. Святые времена, благородные идеалы – не то что сейчас.

– Да ну! – поразился Черный Пес и аж поперхнулся табачным дымом. – Анархистка, как я?

– Комсорг средней школы №911 Фрунзенского района! – отозвалась я.

– Также годится. Коммуняки наши друзья. – Черный Пес помолчал и потушил сигарету о бетонную ступеньку. – А дети у тебя, мамзелька, есть?

Всегда, миллионы раз, в паспортном столе, на рынке, в очереди к врачу, услышав подобный вопрос, я громоглас-

но объявляла: «О да, батюшки-светы, да!», – и следующие полчаса разливалась соловьем, расписывая многочисленные достоинства моего потрясающего сыночка.

Но тут, взглянув на угрожающую татуировку байкера, я вдруг поняла: он ждет от меня слова «нет». Меня явно прощупывают. А мне ох как необходимо было завязаться с Орденом Королевской Кобры. Черный Пес был моей единственной ниточкой.

Поэтому, мысленно взмолившись: «Степочка, милый мой зайчишка, прости, это только из безграничной любви к тебе», – я высокомерно хмыкнула:

– Вот еще! Кому нужны эти дети!

– Дай пять, мамзелька! – обрадовался байкер. Похоже, я попала в десятку. – Спиногрызы – это высшая форма порабощения человека. Хуже любого правительства. Принуждение в чистом виде... И вообще, семейные люди не могут никому делу отдаться целиком... Теперь назови мне свое имя.

Ну, если вы думаете, что я так глупа, чтобы тут же выдать фамилию «Суматошкина», значит, вы меня совсем не знаете. Иногда я соображаю удивительно быстро!

– Любовь Васильевна... Вальтер, – непринужденно сказала я. В конце концов, это была почти правда. Уверена, что если бы не травма Якова Матвеевича и не его излишняя скромность, мы бы уже давно поженились, несмотря на наши разные музыкальные пристрастия и прочие несущественные несостыковки.

Черный Пес неторопливо вытащил из пачки новую сигарету. Вспыхнула зажигалка: змея, у которой из пасти вырывалось пламя.

Я хотела было заполнить паузу рассуждениями на тему скидок в ближайшей химчистке, где за смешную плату можно привести в порядок кожаные костюмчики, а также на тему распродажи в магазине косметики, буквально даром отдающем литровые бутылки с мужским шампунем, – но что-то меня удержало.

Мы молчали, пока дымилась сигарета.

Потом байкер щелчком отбросил ее в сторону и вновь повернулся ко мне:

– Покажи-ка мне, мамзелька, свой телефон, – неожиданно сказал он.

Я опешила, однако торопливо вытащила свою кнопочную звонилку из зебровой сумки.

– Диктофон выключен. Добро. А то я уж вдруг подумал, тебя подослали записать наш разговор. Нет, все чисто. – Он вернул мне аппарат. – Значит, ты, мамзелька, ненавидишь капиталистов. И любишь готовить. – Он кивнул на пустую обертку из-под сырных палочек. – Так?

Я кивнула, чувствуя, что вот-вот выйду на финишную прямую своего расследования. Запахло жареным. Хотя, возможно, это был всего лишь аромат моей выпечки.

– Нам нужны такие, – медленно сказал Черный Пес, глядя мне прямо в глаза. Поразительно, но взгляд у него был

совсем не хмельной: пронзительный и жесткий.

– Кому это нам? – пискнула я. – Анархистам? «Невским Отморозкам»?

– Ордену Королевской Кобры, – отчеканил Черный Пес и провел ладонью по татуировке на шее.

– Батюшки-светы! – пролепетала я.

Глава 14

А знаете, эти байкеры оказались очень даже компанейскими мальчишками.

Не успели мы с Черным Псом договориться о времени и месте следующей встречи, как раздухарившиеся парни взяли меня в оборот. Угостили пивом – «Чешским разбойничьим», разумеется – и предложили поиграть в сосиску.

Меня поставили на пустой бочонок и дали мне в руки сырую сосиску. Пьяные байкеры должны были на ходу откусить кусок этой сосиски – и при этом не шмякнуться вместе со своим мотиком на асфальт.

Эта задача мало кому была по плечу, даже Черный Пес едва не оттяпал мне пальцы, переоценив длину сосиски.

Тем не менее, мы отлично колбасились, или, точнее, сосисились, пока за мной, боязливо оглядываясь по сторонам и пригибаясь, как при артобстреле, не явились Павлик с Андрюшей. Павлик был без очков – видно, снял, чтобы не разбили при возможной потасовке.

Ребята протиснулись сквозь толпу и подошли ко мне.

– Любовь Васильевна, – увещевали они, пытаясь снять меня с бочонка и игнорируя гневный ропот байкеров, которым помешали проводить интересный конкурс, – поехали домой. Уже поздно, вам пора ложиться.

– Ничего не поздно, тра-ля-ля! – Я пританцовывала

на своем бочонке, дирижируя сосиской. Мне было очень весело. – Посмотрите, где солнце! На небе! Солнце не спит, значит, и мне можно не спать!

Байкеры одобрительно загудели. Я милостиво, как королева на троне-бочонке, поприветствовала их сосиской.

– Представьте, что вас сейчас увидел бы Степа! – коварно прищурился Павлик. – Что бы он сказал?

– Ладно, зануды, – рассердилась я. – Отдохнуть душой не даете. Я в таком стрессе!

Я махнула байкерам на прощание сосиской и позволила Павлику с Андрюшей посадить себя в машину. Сосиску я жадно съела, не успели мы отчалить от поребрика.

– Ой, как я набубенилась! – немелодично распевала я по дороге домой, пытаясь положить эти слова на мотив душевраздирающей песни Филиппа Киркорова «Жестокая любовь».

– Ой, как я набубенилась, – застонала я на следующее утро, в субботу шестого июня, проснувшись с чугунной головой. – Какая ты жестокая, Любовь! – сказала я себе с укором. – Совсем себя не бережешь! Тебе уже пятьдесят семь лет!.. Ладно, пока еще можно считать, что пятьдесят шесть, день рождения был совсем недавно.

Я с трудом повернулась на другой бок и тут же зажмурилась от ослепительного света. Семь тридцать, а ненормальное солнце уже всю карабкается к зениту. На небе опять ни облачка – какой дискомфорт для петербуржца! Где при-

вычное, успокаивающее серенькое небо, создающее ощущение уюта?

И до чего же непривычно просыпаться одной в квартире. Как-то там мой сыночек? Меняют ли ему постельное белье каждый день? Не забывают ли пылесосить ковровин в камере?

Я кое-как подняла себя с кровати, поплелась к зеркалу в спальне, украшенному восточными бусами из драгоценных камней (по правде сказать, пластмассовая бижутерия, купленная на рынке) и ужаснулась: выглядела я сейчас не на пятьдесят шесть, и даже не на пятьдесят семь – а на все семьдесят пять.

Я ахнула и бросилась к своей волшебной тумбочке, где держала всевозможную косметику.

Неказистая коричневая тумбочка сохранилась с советских времен, однако я ее разрисовала нарядной, желтенькой арабской вязью. Откуда я знаю арабский язык? Очень просто. Скопировала состав ингредиентов с коробки томатного сока – замечали, что на упаковках пишут всякие скучные данные на разных языках? Ну вот вам и арабская вязь.

В общем, если в мою спальню попадет знаток арабского языка, он подумает, что в тумбочке лежит пюре из помидоров, сахар, соль и вода. На деле же в ящиках валялись тюбики с розовой помадой – четырнадцать оттенков; румяна двух видов, тональный крем, тушь для ресниц особенной, мало кому известной марки «Стреляю наповал», краска для волос

«Колосящаяся рожь» и прочий женский хлам, который сейчас был совершенно бесполезен. Лицо мое мало чем отличалось от подушки, на которой я спала. Нужно было срочно избавляться от отеков.

Был у меня один проверенный рецепт, которым пользовались еще мои предки на Урале.

Я со всех ног кинулась на кухню. Натерла сырую картофелину, бросила туда столовую ложку ржаной муки. Согрела в ковшике молоко, две ложки добавила в свою смесь, остальное выпила. Вчерашняя сосиска колом стояла в желудке.

Перемешав получившуюся тюрю, я нанесла маску на лицо и обессиленно откинулась на мягкую спинку кухонного диванчика. Двадцать минут пролетели незаметно: все это время я смотрела на любимый снимок, с которого мне улыбалось милое детское личико моего Степочки, и вспоминала, как мы с ним тогда ходили фотографироваться и как он упал прямо перед входом в фотостудию. Сначала малыш разревелся, но быстро успокоился, как только я ему спела песенку про капитана. Он тогда загорелся идеей стать капитаном большого-пребольшого корабля, когда вырастет, и покорить все моря планеты, увидеть самые дальние страны... Как же так получилось, что он выучился только на простого автомеханика? Это Петя виноват, потянул его по своим стопам – сам всю жизнь просидел в автосервисе, и сына туда загнал.

Но, может, и хорошо, что Степочка не стал капитаном дальнего плавания! Сидела бы сейчас совсем одна.

А так – вытащу его из «Крестов», и снова будем целыми днями вместе!

В дверь позвонили.

Восьми еще нет! Кто бы это так рано?

Я торопливо смыла маску, набросила поверх ночной рубашки тигровый халатик, сунула ноги в леопардовые тапочки с помпонами и побежала в прихожую.

– Доброе утро, несравненная Любовь Васильевна! – церемонно склонил серебристую голову Яков Матвеевич. – Не разбудил? Заглянул пригласить вас на утренний чай.

Из-под его шелкового халата выглядывала свежая голубая рубашка, и, как всегда, ни единой рыжей шерстинки на одежде. Не представляю, как ему это удастся. Насколько мне известно, Ренуар обожает залезать к своему хозяину в шкаф и дрыхнуть там без задних ног. Равно как и на хозяйских коленях. С точки зрения кота, Яков Матвеевич, наверное, идеальный хозяин – всегда дома и всегда готов предоставить свои колени для беспробудного кошачьего спанья.

– Чай? – задумалась я. – Что ж, после вчерашнего – самое то. Вот только я в халате...

– Вы прекрасны в любом одеянии, – галантно заметил Яков Матвеевич. – Да и я тоже, как видите, не для парада одет... Посидим с вами по-соседски, непринужденно... Я очень волновался, как вы вчера сходили на встречу с этим пресловутым Черным Псом.

Я накануне успела изложить ему свои планы, пока пек-

ла сырные палочки. Должен же был кто-то их попробовать. Яков Матвеевич в таких случаях просто незаменим – у него очень тонкий вкус, в том числе и в еде.

– Вы невероятно смелая женщина, Любовь Васильевна! – воскликнул он, разливая нам чай с бергамотом и раскрывая коробку шоколадных конфет с миндалем, на которые я, по правде сказать, пока и смотреть-то не могла. – И простите мою дерзость – невероятно смелая женщина с прекрасным цветом лица... Вы словно свежая утренняя роза, которая раскрыла свои нежные лепестки, усыпанные бриллиантами росы, навстречу солнцу – но при этом приготовившая острые шипы для своих врагов...

Его изысканные комплименты рассеяли туман в моей голове и вновь вернули меня в мои пятьдесят шесть, нет, даже, пожалуй, в мои сорок семь.

– Шикарно вы умеете выразиться, Яков Матвеевич, – с уважением сказала я, невольно протягивая руку к конфетке. Пока я жива, буду бороться за своего сына и поглощать шоколад!

– Не томите, Любовь Васильевна, расскажите скорее, как все прошло, – попросил сосед, поглаживая Ренуара, бродившего между стопками книг по пыльному подоконнику (сиделка просто бездельница). Из комнаты еле слышно доносился какой-то скрипичный концерт. Атмосфера была самая умиротворяющая – то, что нужно для такого гиперактивного человека, как я. В гостях у Якова Матвеевича уровень моего

стресса всегда падал до минимальной отметки.

– Ну что вам рассказать, – неспешно начала я, приглядывая себе еще одну конфетку. – Поглядела я вчера, как байкеры набубениваются пивом и тошнят...

– Тошнят? – Яков Матвеевич был фраппирован. Он пораженно вскинул тонкие брови и даже отставил в сторону чашку с чаем. Ренуар грузно шмякнулся на пол с подоконника, словно Черный Пес – с мотоцикла.

– Ах да, вы же не читали мою распечатку! – вспомнила я и снисходительно объяснила: – Протошнить – это медленно проехать по луже или грязи, постаравшись при этом не забрызгать свои ботинки и зрителей. Очень поучительное зрелище, надо сказать.

– Вот как, – неопределенно отозвался Яков Матвеевич. – Вижу, вы глубоко проникли в тему, Любовь Васильевна... А как насчет Ордена? Удалось что-нибудь узнать у мсье Черного Пса?

Я самодовольно кивнула:

– Меня ждут сегодня в полночь на заседании Ордена Королевской Кобры! Вот так-то! Черный Пес – мой новый лучший друг – предложил пройти мне вступительные испытания и обряд посвящения в рыцари Ордена.

– Святые небеса, это поразительный результат! – Яков Матвеевич взволнованно сжал поручни кресла. – Поверить не могу, что вы побываете на заседании самого закрытого, самого мифического ордена Петербурга – о существовании

которого знают единицы... Это как оказаться на Тайной Вечере! Или заглянуть в спальню Зевса и его супруги Геры, где они перед сном обсуждают судьбы смертных... Или подслушать сербских заговорщиков, планирующих убийство наследника австро-венгерского престола Франца Фердинанда...

Яков Матвеевич, весь переполненный эмоциями, откатился назад, потом снова придвинулся к столу.

– О, если бы только мои коллеги узнали... Я бы мог написать научную работу об эволюции Ордена Королевской Кобры! Первый том: «Мечь императрице». Второй том: «Мстители XXI века» – нам с вами еще только предстоит узнать, чего они добиваются в наше время, какую гнусную цель перед собой ставят... – Он взмахнул рукой, сбив по пути несколько книг из стопки на подоконнике и, кажется, даже не заметив этого. – Как жаль, Любовь Васильевна, что я не могу пойти с вами – чтобы лично поучаствовать в невероятном событии... И чтобы защитить вас, конечно... Никогда еще моя немощь так не мешала мне!

– Не расстраивайтесь, Яков Матвеевич, – успокоила его я. – Я собиралась записать все происходящее на диктофон. Черный Пес навел меня на отличную мысль. Включу телефон на запись – для Володи, чтобы у него была неопровержимая улика, которую он мог бы передать полковнику Орлову. Могу и вам эту запись дать послушать.

– Да, Любовь Васильевна, это было бы замечательно! – Он

схватил пустую чашку и попытался отпить из нее глоток. Потом непонимающе уставился на дно чашки и затем отставил ее в сторону. – Вам, моя несравненная, цены нет!.. А где же будет заседание?

– На Гороховой улице, в ресторане «Флёр».

– Да-да, конечно, где же еще, как не на Гороховой – одно из самых мистических мест в городе... – задумчиво сказал Яков Матвеевич, вновь хватая пустую чашку.

Потом мы еще немного поболтали о глупости и вредности Пантеры (болтала я, Ренуар изредка мяукал, поддерживая беседу, а Яков Матвеевич, кажется, пребывал где-то в своих мыслях), после чего я ушла домой пить кофе, потому что без кофе я просто не человек. Оказавшись у себя на кухне, я начала нервничать.

Если сегодня все пройдет удачно – Степочка уже завтра будет дома. По воскресеньям, конечно, огромные пробки на пригородных направлениях; но как только он пообедает, все равно сразу поедем на дачу. Не доверяю я бестолковой Глафире – перельет или, наоборот, засушит все мои растения, загубит посадки на корню. Того и гляди, останемся в этом году без урожая. А за моими солеными огурчиками вся парадная в очередь выстраивается. С молодой картошечкой и укропчиком – как хорошо...

Теперь все зависит от этого заседания – я должна узнать как можно больше.

Чтобы не доводить себя до безумия, я включила телевизор

на кухне.

Шел повтор последних эпизодов «Цветка миндаля», которые я пропустила, и я полностью погрузилась в дворцовые интриги с арабским колоритом. И, скажу я вам, моим марокканским девочкам тоже приходилась нелегко. Жениху одной из них подсыпали какую-то дрянь в кальян, и он скончался в страшных мучениях.

Потом начались новости, и я по инерции посмотрела и их тоже. Эта расфуфыренная ведущая с длинным носом занудно вещала что-то про закрытый аэропорт Пулково, в котором каждую минуту приземлялись самолеты первых лиц иностранных государств, прилетевших на Петербургский форум; про реставрацию Константиновского дворца, в котором седьмого июня, в воскресенье, соберутся восемнадцать президентов и шесть премьер-министров, в том числе четыре женщины, для обсуждения экономических связей между странами; про предстоящий концерт для участников форума и прочую скучную дребедень, не имеющую к реальной жизни никакого отношения.

Потом я сбегала на рынок за свежими продуктами – а чем же я буду завтра кормить Степочку? – и решила позвонить Володе, узнать, как там мой малыш и не вернулся ли полковник Орлов из командировки.

Майор Уточка заверил меня, что с малышом все в порядке, ковролин ему пылесосят дважды в день. Сам он, Володя, собирается на охоту, а полковник вернется из командировки

неизвестно когда, поэтому не стоит портить себе и окружающим выходные излишним беспокойством.

«Ничего, вот запишу сегодня шокирующие признания рыцарей Ордена, так вы с полковником запрыгаете до потолка от радости, что я вас все-таки побеспокоила на выходных», подумала я.

Володя довольно бесцеремонно повесил трубку, сказав, что у него звонок на второй линии. Я посмотрела на часы и поняла, что пора собираться. Павлик с Андрюшей настойчиво предлагали отвезти меня в центр на машине, но я, памятуя об окончании своего вчерашнего приключения, отказалась: не хватало еще, чтобы мальчишки ворвались на заседание Ордена в самый неподходящий момент.

Итак, какой наряд подойдет для тайного, зловещего, можно сказать, дьявольского заседания?

Вы сказали бы – черная кофточка, но черный меня старит, поэтому от этого варианта пришлось отказаться сразу. В итоге я решила на дерзкое сочетание (должна же я подтвердить звание невероятно смелой женщины): ярко-красная блузка, мои неизменные черные брючки и легкий розовый шарф в оранжевый горошек, дважды обмотанный вокруг шеи. Что касается макияжа, то я не стала накладывать тени и ограничилась черной подводкой для глаз – а то получилось бы уже вызывающе, верно?

Я как раз подкрашивала губы цикламеновой помадой, когда в дверь позвонили. Одиннадцать вечера – поздновато для

незванных гостей. Тем более, мне уже пора было выходить. Гороховая улица – не ближний свет.

За дверью вновь оказался Яков Матвеевич. Лицо взволнованное, на коленях – маленькая коробочка для ювелирных украшений.

У меня дико заколотилось сердце. Неужели в коробочке обручальное кольцо? Нет, это невозможно... Именно сейчас я совершенно не готова вновь выходить замуж... Хотя...

– Прошу прощения за неуместный визит, я знаю, вы уже убегаете, – учтиво начал сосед. – Просто хотел пожелать вам удачи – и кое-что вручить в знак своей благодарности за вашу неоценимую помощь в моем научном расследовании...

Да уж, в знак благодарности обручальные кольца не дарят. Так что же в коробочке?

Яков Матвеевич открыл крышку.

– Батюшки-светы! – пролепетала я.

На бархатной подушечке переливалась разноцветными огнями, искрилась и завораживала своей немислимой красотой чудесная брошь в виде павлина, раскинувшего хвост. Зеленые, красные, фиолетовые, синие осколки камней таинственно мерцали даже в простом люминесцентном свете лестничных ламп.

Я взвизгнула, нацепила брошку на грудь с проворством туземца, приметившего в густых тропических зарослях блестящую консервную банку, глянула на себя в зеркале в прихожей и удовлетворенно вздохнула. Приветствуйте новую

Хозяйку Медной горы! Уральские крови разыгрались во мне не на шутку.

Жаль, что Степочка не видит, какой у него красивый мамусик. Надо обязательно надеть брошку, когда буду встречать его из «Крестов».

Яков Матвеевич с легкой улыбкой наблюдал за мной.

– Нравится, осмелюсь предположить?

– Ох, Яков Матвеевич! Шикарно! Просто шикарно! – Я не могла подобрать слова, чтобы выразить свой восторг. – Спасибо!

– Эту брошь изготовили в честь знаменитых эрмитажных Часов с павлином. Я подумал, несравненная Любовь Васильевна, она вполне в вашем стиле.

Мы нежно распрощались с Яковом Матвеевичем («Аревуар, соседка!» – «Оревуар, Любовь Васильевна, оревуар, вы же знаете, как правильно... Хотя коверканье у вас выходит очень мило!»), и я со всех ног понеслась на трамвайную остановку, размышляя на ходу о том, что потрясающая брошка гораздо лучше предполагаемого скучного обручального кольца.

После неприменной свары с противными, слишком много о себе возомнившими тетками в метро (предметом спора стали драматичные события в последней серии «Цветка миндаля»; мы орали на весь вагон, высказывая свои предположения о том, кто же отравил жениха принцессы), я выскочила на станции «Адмиралтейская» и кинулась искать нуж-

ный мне дом.

Не любила я этот микрорайон, честно говоря. Мрачное, депрессивное местечко. Наше Купчино куда как приятнее: широкие проспекты, большие здания, торговые комплексы, рынки на каждом шагу, простор, свет, почти не загазованный фурами воздух. А тут – приземистые трехэтажные домики с жестяными крышами, боязливо прижимающиеся друг к другу; сомнительные полуподвальные лавки с окнами, забранными решетками; темные двory, которым и белые ночи не помогут избавиться от навязчивого привкуса Достоевского.

Ресторан «Флёр», в котором мы договорились встретиться с Черным Псом, располагался в старом здании, вполне соответствующем общей угнетающей атмосфере Гороховой улицы. Коричневый фасад, темные шторы на утопленных в асфальт окнах, небольшая черная вывеска над входом. Чтобы попасть в ресторан, следовало спуститься на три ступеньки ниже уровня земли.

Золотые часики, которые Петенька, светлая ему память, подарил мне на рождение Степочки, показывали без одной минуты полночь.

Я толкнула тяжелую дверь и вошла внутрь.

Глава 15

Голливудское кино я терпеть не могу. Не понимаю, что нравится людям в этих ярких и бессмысленных поделках? Наши советские фильмы куда глубже и мощнее.

Однако когда я очутилась в ресторане, мне сразу пришла на ум сцена из фильма «В джазе только девушки», который мы с Петенькой однажды смотрели в кинотеатре «Победа». Помните, как под тоскливой вывеской похоронного бюро скрывался развеселый ночной клуб – с выпивкой, оголенными девицами и прочими запретными развлечениями?

«Флёр» ошарашил меня ярким светом, сверкающим хрусталем, роскошным интерьером и танцовщицами в перьях, пляшущих канкан на сцене в глубине большого зала.

– Батюшки-светы! – ахнула я. Как удачно, что я надела брошку!

– Чего изволите, мадмуазель? – подлетел ко мне метрдотель – эдакий фронт в мышинном фраке, с белой накрахмаленной манишкой и бараньими кудряшками.

Я взбила свои роскошные локоны, завитые сегодня днем на «Чешское разбойничье», и надменно ответила:

– Ничего не изволю, хотя за мадмуазель спасибо. Я жду своего знакомого... А вот и он!

Черный Пес вырос как из-под земли, я даже не заметила, откуда он взялся. Уже знакомый мне кожаный комбинезон

с молниями, значками и «макаронами»; и еще более грязные волосы. Он так и не помыл голову с того памятного вечера в «Туфельке Екатерины».

Байкер ослабилась: «Хай, чувиха!», – и по-дружески взял меня под локоток. Ячменным суслом от него несло похлеще, чем от моей прически. Видимо, вчерашнему десятку литров «Чешского разбойничьего» стало одиноко в бездонном желудке мотоциклиста и сегодня к ним присоединились еще несколько бутылочек любимого напитка.

Черный Пес подмигнул метрдотелю, тот услужливо поклонился и испарился вместе со своей манишкой и кудряшками.

Мой пропитанный пивом проводник повел меня вглубь ресторана – мимо нарядных, застеленных белоснежными скатертями столиков, мимо светящихся витражных перегородок, разделяющих помещение на уютные зоны, мимо гипсовых скульптур и роскошных цветочных композиций в высоких напольных вазах. Мои ортопедические туфли скользили по гладкому наборному паркету – такой я видела разве что в Эрмитаже. Занавески, казавшиеся с улицы кулисами загробного мира, на деле оказались бархатными темно-малиновыми шторами, подвязанными витыми золотыми шнурами с кисточками на концах.

За столиками слышался смех, тосты, звенели бокалы. Повсюду – оживленные лица, блеск драгоценностей и сияние ухоженной кожи. Не знаю, может, все эти посетительницы

сегодня с утра натерли несколько килограммов сырой картошки и обмазались ей с ног до головы, но выглядели они превосходно. В воздухе носились ароматы высокой кухни и дорогих духов.

Все это было не слишком похоже на штаб-квартиру зловещего Ордена Королевской Кобры, и я уже засомневалась в правоте Якова Матвеевича – неужели я сейчас попаду на обыкновенное веселое застолье, с водкой и селедкой, а не на дьявольское заседание коварных мстителей?

– А я смотрю, кафешка-то ваша переполнена процветающими капиталистами, – заметила я, следуя за Черным Псом, который целеустремленно двигался вперед, лишь изредка натываясь на антикварные полукресла ручной работы.

– Не парься, мамзелька, это всего лишь прикрытие, – отмахнулся он. – Никто не заподозрит, что за фасадом пафосного ресторана скрывается могучая тайная организация. Кроме того, Ордену нужен источник постоянного дохода. Ценничек-то здесь будь здоров.

– А что здесь подают? – поинтересовалась я, заглядывая в чужие тарелки, на которых красовались какие-то странные и сложные композиции, предположительно съедобные.

– Блюда старинной европейской кухни. Супы из потрохов, запеченные бараньи мозги и прочая дрянь. Не советую.

Миновав бесстыдных танцовщиц, задиравших ноги в сетчатых чулках выше головы, мы обогнули сцену и, толкнув витражную дверь, полностью искажавшую реальность, за-

шли на кухню.

– Батюшки-светы, – прошептала я второй раз за несколько минут. Только на этот раз – от ужаса.

Наверное, именно на такой кухне граф Дракула, напевая последние хиты Средневековья, готовил вечерний питательный коктейльчик из крови своих жертв. Обстановка здесь разительно отличалась от беззаботной светской суеты обеденного зала.

Осыпающиеся кирпичные стены переходили в низкие сводчатые потолки. В помещении не было ни единого окна. На стенах я с изумлением заметила гнутые жестяные канделябры с горящими свечами. Других источников освещения – если не считать витражную дверь, через которую сновали одетое во все серое официанты – здесь не наблюдалось.

– Как они тут готовят? Ничего же не видно, – шепотом обратилась я к Черному Псу. На кухне стояла почти абсолютная тишина – был слышен только стук ножей и шипение жира в чугунных котелках. Да еще из-за витражной двери доносились разухабистые звуки французского шансона. Повара в мышинных куртках работали молча.

– Говорю же, мамзелька, что столоваться тут нельзя, дрянь они готовят, – бросил мне через плечо Черный Пес, несколько не стесняясь кухонного персонала. Впрочем, на нас никто и не обращал внимания, словно мы были какими-то призраками. – Клиенты «Флёра», черт их раздери, хотят аутентичности – чтобы старую еду им готовили по старым же тех-

нологиям. Типа такой. – И он кивнул на закопченный камин, в котором на вертеле крутился окорок. – Поварам даже обыкновенную мясорубку нельзя использовать – только специальную ржавую железяку из доисторических времен. Это фишка «Флёра». Поэтому все сюда и лезут.

Я присмотрелась – и правда, вокруг никакой бытовой техники. Только старинные инструменты вроде пыточных: с острыми концами, тяжелыми рукоятками. Был там уродливый молоток-открывашка и чудовищные щипцы, напоминающие куриные лапы. Была ореходробилка, наводящая на мысли о стоматологе-садисте, и ложка в форме башмака. Был изогнутый серпом нож с крошечным трезубцем на конце и длинная вилка с шипами.

Аппетит у меня отбился, кажется, навсегда. Владельцы «Флёра» могли бы зарабатывать в два раза больше, устраивая экскурсии по этому адскому месту для тех, кто желает экстренно похудеть.

Какой контраст с безликой и сияющей современной кухней в «Туфельке Екатерины»! И какой контраст с моим личным островком домашнего тепла. Мне страстно захотелось перенестись обратно на свою Купчинскую улицу. Но – отступить было некуда.

Мы пересекли кухню, ежесекундно меняющуюся в неверном свете мигающих свечей, и остановились перед двойными деревянными дверями.

Двери были очень массивными и старыми, все в трещинах

и сколах. Неровная темно-коричневая поверхность была испещрена иностранными словами – немецкими, судя по многочисленным заглавным буквам и умлаутам. Чаше прочих встречалось слово «Rache» .

– Вы там внутри что, шоколадные конфеты с орехами трескаете? – полюбопытствовала я, вспомнив известную марку сладостей.

Черный Пес утомленно вздохнул:

– Нет, мамзелька, не конфеты. – Он взялся за потертую золотую ручку в форме змеиного хвоста и, прежде чем ее нажать, повернулся ко мне. Темные глаза вспыхнули нехорошим огнем. Кобра на шее покраснела. – Совсем забыл сказать: не пройдешь вступительные испытания – прости-прощай. Живые свидетели нам не нужны.

– Что? – сдавленно пискнула я, едва не потеряв сознание от страха.

– Обратного пути отсюда нет. Из этих дверей можно выйти только рыцарем Ордена. Либо вообще не выйти.

Нет, похоже, Яков Матвеевич все-таки был прав. Кажется, вряд ли за этими дверями я увижу простую советскую водку и селедку. И уж тем более шоколадные конфетки с орешками.

Сердце у меня стучало как бешеное – так, что даже павлин на груди содрогался, – а голова отчаянно кружилась.

Однако материнский инстинкт сильнее инстинкта самосохранения. Ради Степочки я готова сразиться один на один

с Королевской Коброй.

– Веди меня, Черный Пес! – драматично воскликнула я. – Зря я, что ли, наряжалась?

Мой проводник опустил вниз ручку-змеиный хвост, двери со стоном открылись – и мы оказались в полутемном кирпичном тоннеле с низким полукруглым потолком. Тоннель уходил глубоко под землю. Как и кухня, проход освещался только свечами, воткнутыми в жестяные подсвечники на стенах. Свечи плакали расплавленным воском. Горячие капли падали на каменный пол и мгновенно застывали.

– А администрация ресторана здорово экономит на электричестве, – сказала я громко. – Вот жмоты!

Мой бодрый возглас остался без ответа и навсегда утонул в кирпичной толще.

Через каждые пять метров со стен на нас смотрели темно-красные кобры в коронах – такие же, как на шее моего спутника. С передних клыков у них сочился яд.

– У вас тут прямо Этнографический музей – или где там пещерную живопись выставляют? – рассуждала я вслух. – Наскальная роспись шикарная, очень впечатляет. Только летучих мышей, сталактитов и скелетов для колорита не хватает.

– Сейчас один скелет будет, мамзелька, если эти комментарии не закончатся, – не выдержал Черный Пес.

Я на минутку замолчала, но в полной тишине идти было совсем страшно, поэтому, заметив справа ответвление

от основного тоннеля – узкий и еще более темный ход, – я спросила:

– А там что?

– Тайный подземный ход в Зимний дворец, вырытый еще в восемнадцатом веке, – сообщил Черный Пес, не оборачиваясь.

– О, удобно, свое личное метро, – впечатлилась я. – И никаких противных, слишком много возомнивших о себе теток.

– Все же одна тут такая есть, – пробурчал себе под нос байкер.

– А кто вырыл этот подземный ход к Эрмитажу? И зачем? – не унималась я.

– Наш Великий Магистр Фридрих, – благоговейно сообщил мне Черный Пес. – Этот дом пожаловала ему Екатерина. Она лично разрешила ему соорудить этот тоннель. А то вдруг ей кофе взбрендит срочно выпить? Не подозревала, что он хочет ее отравить. Глупая, как все тетки.

Я уже собиралась возмутиться и поставить нахала на место, но тут тоннель закончился – мы оказались в громадном круглом зале с колоннами, освещенном опять же свечками, которые истекали воском в большой люстре, подвешенной к потолку.

– Это сердце Королевской Кобры – святая святых нашего Ордена, – благоговейно вымолвил Черный Пес, обводя рукой вокруг.

Сердце Кобры выглядело так же гадко, как и внутренности любой другой змеи. Колонны, опоясывающие зал по кругу, были покрыты серебристой мозаикой, напоминающей чешую пресмыкающихся. Неплохой дизайн для сумки, я бы такую купила; но в интерьере – увольте. Темно-красные стены, сходящиеся наверху в купол, были покрыты схематичными изображениями растений – с их латинскими названиями и описанием смертоносных свойств.

Я разглядела борщевик (его разлапистые соцветия-зонтики и листья-лопухи трудно с чем-то перепутать) и белену (известна своим смешным именем «свинные бобы» и коробочками с семенами, похожими на маковые; я как-то раз ляпнула, обращаясь к своей сестре: «Ты что, белены объелась?», – после чего Глафира занудничала не меньше часа, показывая мне фотографии белены в энциклопедии и убедительно доказывая, что если бы она не то что объелась, а хотя бы лизнула это растение, то у нее начались бы галлюцинации, сухость во рту, жар, учащенное сердцебиение и нарушение зрения, а ни одного из вышеперечисленных симптомов у нее не наблюдается).

И как Фридриху удалось построить такое шикарное подземное сооружение в болотистой петербургской почве? Наверняка этот подлец еще и денег у императрицы не постеснялся попросить. Небось сказал, что ему нужна секретная лаборатория для кулинарных экспериментов. Для наилучшего, так сказать, услаждения вкуса повелительницы.

В центре зала, на постаменте, стоял старинный потрепанный стул с истертой бархатной обивкой. Рядом стоял пустой пюпитр под стеклом.

Вокруг постамента полукруглыми рядами располагались еще более старые стулья, на которых сидели самые разные люди, мужчины и женщины – в деловых костюмах и байкерских косухах, в форме цвета хаки и длинных цветастых платьях; здесь были велосипедисты и художники, охранники и программисты, молодые и пожилые. Объединяло всех молитвенное, как в церкви, выражение лица, и татуировки-кобры на разных частях тела. Народ тихо переговаривался между собой, но из-за акустики было не разобрать, о чем именно.

Два сиденья в последнем ряду оставались пустыми, и мы с Черным Псом на них расположились. Наконец-то можно отдохнуть, а то ноги уже гудят, подумала я. Мистика мистикой, Ордена Орденами, кобры кобрами, а тромбофлебит, к сожалению, никто пока не отменял.

Атмосферка здесь здорово давила на психику. Даже на мою, закаленную вечерними новостями и сериалом про марокканских принцесс.

Вероятно, примерно в такой гостиной граф Дракула принимал своих приятелей-вампиров. Да уж, теперь я была бы рада вернуться на ту адскую кухню.

– Пахнет не очень, пылью и старостью, – заявила я, наклонившись к Черному Псу, который весь погрузился в свои пивные думы и лишь изредка тихо икал. – Пол какой-то гряз-

ный – его с восемнадцатого века не мыли, что ли? Хорошая влажная уборка вам тут отнюдь не помешает. И почему бы не обить вон тот стул с подлокотниками, ну который на постаменте, какой-нибудь веселенькой розовой тканью в цветочек? Бордовый уныло смотрится.

– Черт возьми, мамзель, это не стул, это трон, – раздраженно отозвался Черный Пес. – И тихо ты, не видишь? Главный Магистр уже здесь!

В зале и вправду наступила исключительная тишина, в которой отчетливо раздавалось шарканье Главного Магистра по каменным плитам пола. Видимо, он появился из дальней двери, почти сливавшейся со стенами, поскольку мимо нас с Черным Псом он точно не проходил.

Лица его было не разглядеть – Главный Магистр облачился в темно-красный балахон с капюшоном. Рост же его оставлял желать лучшего. Руководитель могущественного Ордена оказался ниже меня, а я всего-то сто шестьдесят пять сантиметров. К тому же при ходьбе он сильно сутулился и вообще еле-еле переставлял ноги.

– Он что, болеет? – шепнула я Черному Псу. – Белены объелся?

Спутник сердито от меня отмахнулся.

Главный Магистр вскарабкался на постамент, затем на стул – все почтительно наблюдали за его неловкими, неуверенными, слабыми движениями. Устроился поудобнее – и заговорил:

– Рахе, Кобры! – послышался из-под капюшона скрипучий голос, за которым, впрочем, чувствовалась недюжинная сила. – Да свершится месть!

– Рахе, Магистр! – хором отозвались собравшиеся. – Да свершится месть!

Главный Магистр поднял узловатую руку и откинул капюшон.

– Батюшки-светы! – охнула я.

Глава 16

Не понимаю, зачем нужны смартфоны. Весь этот ажиотаж вокруг умных гаджетов меня просто удивляет. И возмущает, конечно. Налицо тлетворное влияние Запада. Телефон нужен чтобы по нему звонить, а не чтобы тыкать в него пальцами и рыться в интернете, впустую тратя время на просмотр видеороликов с говорящими собаками и танцующими китайцами.

Наша директриса хорошенько бы отругала Стива Джобса, про которого в новостях все уши прожужжали, приди он к нам в школу устраиваться на работу, скажем, учителем информатики. Выбрала бы его, пропесочила как сидорову козу.

– Знаете что, мой милый, – сказал бы она ему. – Вот разве могу я подпустить вас к ученикам? Могу я позволить вам воспитывать идеалы у подрастающего поколения? Ведь вы же, вместо того, чтобы в соответствии с федеральными стандартами образования орать на молодежь во всю глотку и силой отнимать гаджеты на уроке, – вы, чего доброго, еще и дадите им какое-нибудь задание выполнить на телефоне. И потом, мой милый, что это за форма одежды? Что это за неуместная черная водолазка? Вы что это думаете, наше образование случайно считается самым лучшим в мире? Нет, мой милый, не случайно! А в том числе и благодаря

достойному внешнему виду наших учителей. А ваша, с позволения сказать, закрытая кофточка наводит на нехорошие мысли. Вы что-то скрываете? А если к нам комиссия из РО-НО придет? Что скажет Валентина Петровна, заведующая отделом образования Фрунзенского района? Об этом вы подумали, мой милый, а? Вижу, что нет! Как вы будете оправдываться перед Валентиной Петровной?

Хотя, наверное, после основательного разноса она все же взяла бы его в штат: зарплата в один доллар – это серьезный аргумент.

Словом, ко всякой новомодной технике мы с директрисой всегда относились враждебно.

Степочка иногда корит меня за мою техническую отсталость – сам-то он увлекается гаджетами, как он там без них в «Крестах»? Надеюсь, хотя бы телевизор у него в камере работает; надо будет уточнить у Володи. Но несмотря на беспрестанные уговоры сыночка, я не соглашаюсь поменять свой надежный, проверенный мобильный телефон с большими кнопками на какую-то скользкую плоскую игрушку, уверенную, что она умнее меня.

Как только Главный Магистр откинул свой капюшон, я поняла, что момент настал. Незаметно достала свой кнопочный телефон из оранжевой сумочки со стразами, зашла в меню и нажала на строчку «Диктофон».

Всё, неопровержимые улики в защиту моего малыша сейчас польются рекой. Степочка уже к завтраку будет дома!

Что бы ему приготовить – может, вареники с творогом? Или лучше с вишней? Я днем сегодня сбегала на рынок, взяла полкило сочных, мясистых ягод. Дороговато, но для моего настрадавшегося зайчонка ничего не жалко.

А уж из-за кого он настрадался – я теперь прекрасно знаю!

Под капюшоном Главного Магистра скрывался человек, которого я видела во вторник в ресторане. Я бы его и не запомнила, если бы не отвратительное блюдо, в котором он тогда ковырялся. Разве может хороший, добрый, умный человек заказать окуня, фаршированного ветчиной?

Да, на ветхом троне, болтая ножками в плетеных сандалиях, торчавшими из-под темно-красного балахона, восседал тот самый старичок-лесовичок из «Туфельки Екатерины».

Морщинистое лицо его, обрамленное аккуратной белой бородкой, светилось довольством.

Поздоровавшись с собравшимися, старичок завозился в своем кресле, покопался в складках балахона – и с необыкновенно торжественным видом воздел над головой пухлую книгу в потертой обложке цвета венозной крови. Издалека мне было не разглядеть надпись на переплете – но я готова была прозакладывать своего нового блестящего павлина и не написанную еще «Энциклопедию мудрости», что сие древнее сочинение называлось «Книга Пряностей», и никак иначе.

– Кобры! – заскрипел Главный Магистр, едва удерживая тяжелое издание на весу. – Наконец-то священная Книга

вернулась домой! Мы ждали этого несколько столетий! Рахе, Кобры!

Зал задохнулся – а потом взорвался аплодисментами.

– Рахе! – кричали собравшиеся в исступлении.

– Да свершится месть, Кобры! – верещал старичок.

– Да свершится месть, Магистр! – эхом отзывался Орден в целом и мой спутник в частности. Он весь покраснелся, грязный хвостик беспокойно метался по его кожаной спине.

Я тоже взволновалась. Пропавшее имущество, в краже которого огульно обвинили моего несчастного сыночка и которое искали по всему городу (да чего там городу! полковник Орлов всю Германию прочесал!), – в общем, эта бесценная штука была прямо у меня перед носом! Все, что от меня требовалось – незаметно ее стащить и доставить глубоководной полиции вместе с диктофонной записью и саркастическими комментариями на тему непрофессионализма штатных ищек и моей гениальности.

Как же ее стащить? – задумалась я. Разве что подойти пофлиртовать со старичком? Я легонько взбила и без того упругие кудри. В своих чарах я была уверена. Особенно с этим нарядным павлином на своей шикарной груди. Отвлеку сморчка легкой светской болтовней, позволю себя немного приобнять, а сама – цап эту книжечку – и в оранжевую сумочку ее!

Так, а что же дальше? Ни в каких вступительных испытаниях и уж тем более обрядах посвящения я участвовать

не собиралась. Как только заберу книжку – бочком-бочком подберусь к тоннелю, и бегом по нему! Только не в ресторан, где меня тут же схватят. Сверну в боковой подземный ход, спрячусь на ночь в Эрмитаже. А там главное – сказать пароль: «Я подруга Якова Матвеевича Вальтера, вашего любимого консультанта». И весь этот кошмар окончится.

Тем временем, старичок с видимым облегчением опустил свою ношу, сунул ее под мышку, по-крабьи сполз со стула и подошел к пюпитру, стоявшему на постаменте рядом с тронном. Неловко придерживая антикварный том правым локтем, Главный Магистр снял с пюпитра стеклянную крышку и бережно водрузил на него дряхлый сборник рецептов, после чего тут же опустил крышку обратно.

Я ужасно рассердилась. Иди теперь попробуй незаметно стащить книженицу, если все на нее уставишься! Устроили тут себе выставку одного экспоната! Зануды.

Пришлось сидеть дальше и слушать всякую бредятину.

– Этот пьедестал пустовал двести двадцать лет! – дребезжащим голосом провозгласил старичок, стоя рядом со своей добычей. – И вот судьба смилостивилась над нами! Как раз накануне нашего решающего, исторического Смертельного Броска. Нет, это не совпадение. Это знак свыше, который послал нам Великий Магистр Фридрих. Рахе, Кобры! Да свершится месть!

– Рахе! Да свершится месть! – согласился зал.

Мне было любопытно, о каком это решающем броске тал-

дычит этот сморчок, и я повернулась к своему спутнику, чтобы уточнить у него детали, – однако Черный Пес погрузился в некое подобие молитвенного транса: глаза стеклянные, ладонь прижата к татуировке на шее. Я бы не удивилась, если бы он сейчас завыл, оправдывая собственное прозвище.

Тем не менее, я только-только принялась его тормозить и дергать за его кожаный рукав, как Главный Магистр объявил:

– Кобры, склонитесь перед лучшим нашим рыцарем! Черный Пес – вот кто вернул нам нашу святыню! Его долгая охота увенчалась успехом. Приветствуйте героя, разыскавшего «Книгу Пряностей» и вырвавшего ее из неумелых рук дилетантов от кулинарии, не подозревавших о ее истинном предназначении. Он спас священную книгу от вечного заточения! Черный Пес! Ко мне!

Кобры восторженно заголосили и стали на нас оборачиваться.

Мой приятель байкер медленно поднялся и, не моргая, направился к своему руководителю и вдохновителю – старичку в балахоне. Тот, видно, утомившись стоять столбом, уселся обратно на свой стул и, немного отдышавшись и пригладив бородку, обратился к мотоциклисту:

– Ты заслужил награду, о мужественный рыцарь! Ты восстановил историческую справедливость, ты многократно умножил силу Ордена перед Смертельным Броском. Ты достоин звания Старшего Магистра Ордена Королевской Коб-

ры!

После чего лесовичок достал из складок своего одеяния баночку со специями и величаво осыпал байкера приправами с ног до головы.

Черный Пес, похоже, едва не лишился чувств от свалившейся на него благодати.

Он чихнул, покачнулся и, чтобы не грохнуться с пьедестала, ухватился за подол стариковского балахона, едва не стянув его хозяина с трона.

Я приснула. На мой взгляд, торжественность момента была несколько скомкана, однако рыцари Ордена вряд ли со мной согласились бы – все сидели с ужасно серьезным видом, словно не замечая смешной возни старичка на стуле.

– Благодарю, о Главный Магистр! – еле вымолвил Черный Пес, кое-как восстановив равновесие. – Клянусь вечно служить Ордену и «Книге Пряностей», не жалея живота своего...

Про живот – это верно подмечено, подумала я, учитывая, что речь идет о кулинарных рецептах.

– Клянусь чтить память Великого Магистра и выполнять указания Главного Магистра, – ритмично продолжал Черный Пес, будто читал какой-то новомодной рэп. Вот сразу видно – одного поля ягода с бездарной Пантерой! – Клянусь посвятить себя мести, и пусть я погибну в Смертельном Броске!

Старичок, теперь уже по своей воле, слез с трона и вновь

подошел к пюпитру с книжкой под стеклом. Они с Черным Псом встали по обе стороны пьедестала, представляя из себя довольно комичную картину: могучий байкер в кожаном комбинезоне и хиленький лесовичок в мятом балахоне, который не мешало бы простирнуть и отпарить горячим утюгом (я про балахон, хотя и старичку пошли бы эти процедуры на пользу).

– Кобры! – задребезжал сморчок. – Мы готовы к Смертельному Броску?

– Мы готовы к Смертельному Броску, Магистр!

– Рахе, Кобры! Да свершится месть!

– Рахе, Магистр! Да свершится месть! – воодушевленно зашелестел зал.

Снова он твердит про этот Смертельный Бросок.

Нет, надо разобраться, в чем тут дело.

Мой проводник Черный Пес был недоступен – изображал памятник небритому мотоциклисту, вываливавшемуся в специях, рядом с застекленной «Книгой Пряностей», – а потому я потыкала пальцем пухлую спину своей соседки спереди:

– Женщина! – зашептала я. – Женщина! Можно вас?

– В чем дело? – недовольно обернулась дамочка. Голос у нее был на редкость противный. А лицо, честно признаться, и того хуже. Кожа какая-то нездоровая, зеленоватая, вся в рытвинах; подбородок обвисший, брыли так и болтаются, как у бассет-хаунда. Судя по маленьким злым глазкам, прячущимся в широких щеках, толстуха была лет на десять ме-

ня моложе; однако из-за своей нескладности и неухоженности выглядела лет на пятнадцать старше. Могу сказать вам только одно: если к моему виску приставят пистолет и потребуют, чтобы я так же коротко постриглась и оделась в такие же, как у этой дамочки, блеклые тряпки, я без всяких раздумий отвечу: «Стреляйте»!

И даже золотой медальон, болтавшийся у нее на груди – точно такой же, как нашли у моего Степочки, – не спасал ситуацию.

Я незаметно поморщилась и вполголоса спросила:

– Послушайте, женщина, а вы тоже Кобра?

– Еще какая, – надменно заявила дамочка. – Одна из самых заслуженных. У меня с Екатериной Второй личные счета.

– Да ну? – поразила я.

– Я прапрапрапрапраправнучка самой Елизаветы Воронцовой! – на одном дыхании выпалила толстуха и аж раскашлялась от осознания собственного величия. – Пойдите. Я восемь раз сказала «пра»?

– Кажется, семь, – с сомнением отозвалась я.

– Тогда еще раз: я прапрапрапрапрапраправнучка самой Елизаветы Воронцовой! – повторила с небольшой корректировкой толстуха. – Ну, теперь восемь?

– Неа. Девять, – с удовлетворением констатировала я.

Главный Магистр тем временем надтреснуто бубнил какие-то заклинания на латинском языке. Черный Пес ему ба-

сом сопровождал.

– Какого лешего! Ладно, заново: я прапрапрапрапрапраправнучка самой Елизаветы Воронцовой, – выдавила дамочка. – Теперь, кажется, восемь.

Я хотела было пошутить над ней и сказать, что нет, снова семь, но вместо этого спросила:

– А кто такая Елизавета Воронцова?

– Что? – не поверила ушам толстуха и возмущенно затрясла своими брылями. – Да это же фаворитка Петра Третьего, несчастного мужа Екатерины! Фрейлина Воронцова была его судьбой, он потерял из-за нее голову, она тайно родила ему дочь, а его жена, самозваная императрица Катька – ух, ненавижу – встала на пути истинной любви! Разлучила влюбленных, гадюка коронованная! И заставила всех современников написать в своих мемуарах, что Елизавета Воронцова, видите ли, «безобразная», «толстая и нескладная», и даже «широкорожая», представьте себе только! А ведь на деле Елизавета была намного красивее Екатерины, да что Екатерины, она была прекрасней Афродиты – в нее без памяти влюбился сам император, избалованный вниманием женщин! Ух, Катька, ревнивая выскочка!

Дамочка так разошлась, что на нее уже стали шикать соседи, лепетавшие всякую бессмыслицу вслед за своим Магистром. Особенно недовольным выглядел молодой человек с аристократическим профилем, чем-то неуловимо напоминавший юного и лихого Юрия Яковлева.

– Нельзя ли потише, уважаемые дамы? – проронил он. – И вообще – чем это так отвратительно пахнет?

– И вовсе не отвратительно, – обиделась я. – Это духи «Персидская гурия». Я знаете сколько на рынке за них отдала?

– На рынке? Могу себе представить, – закатил глаза молодой человек и отвернулся.

Тем временем, толстуха перешла на шепот:

– Первой вступила в Орден Королевской Кобры дочь государя и Елизаветы Воронцовой, дочь, о которой не знала ни единая живая душа! Она должна была отомстить Екатерине Великой за разрушенную великую любовь своих родителей... Ну и пошло-поехало. Верность Ордену передавалась в нашей семье из поколения в поколение... А вы здесь по какой линии?

– Я? – смешалась я. – Да я так, собственно, по личным убеждениям... – И тут же перевела тему: – Какой медальончик у вас симпатичный... Где достали?

– О, их выдают избранным Кобрам за особые заслуги, – задрвав короткий нос, сообщила Воронцова. – Лучший столичный ювелир, старинный друг нашего Главного Магистра, делает эти медальоны. Только самые яростные рыцари могут их получить. Я вот оказалась достойна, что неудивительно!

Видимо, преданный Черный Пес тоже заслужил подарочек, которым он тут же не преминул воспользоваться во вред моему сыночку.

– Кстати о Главном Магистре, – сказала я. – Скажите, женщина, что он там бормочет?

Толстуха с подозрением меня оглядела:

– Вопросы у вас какие-то странные... Это же наш орденский шифр, тайный код к «Книге Пряностей». Мы читаем его каждый раз в начале заседания. Проговариваем название приправы и следом – ее ядовитый аналог... Вы что, не в курсе? Что вы тогда вообще здесь делаете, а?

Я заторопилась:

– Нет-нет, я в курсе, просто так спросила, для поддержания беседы... Вот только напомните – про какой такой решающий бросок говорил сейчас этот сморчок-лесовичок?

– Сморчок? – завопила толстуха уже на весь зал. – Да как вы смеете... И вообще, вопросы у вас какие-то странные: кто такая Елизавета Воронцова – не знаете, про тайный код слыхом не слыхивали... А-ах! Я поняла... – вдруг выпучила они свои глазки-бусинки. – Вы из газеты!.. – Она подпрыгнула на своем стуле, словно цирковой бегемот, выполняющий команду дрессировщика, и завизжала: – Кобры! Ахтунг! К нам пробралась журналистка!

Глава 17

Хм, даже не знаю, сумела бы я работать в средствах массовой информации. Проводить сенсационные расследования, находиться на передовой событий. Справилась бы я с такой ответственностью?..

Да ладно, кого я обманываю – я была бы шикарной журналисткой! Лучшей из всех. И уж в любом случае лучше длинноносой девицы из теленовостей.

На самом-то деле, чего там сложного: пописывай себе всякие глупости вроде «мы следим за развитием событий», «покажет время», «были приняты беспрецедентные меры» и «не имеет аналогов за рубежом», пей коньяк из фляжки и получай денежки от заказчиков за всякие продажные статьи. Думаю, корреспонденты работают от силы минут десять в день, а зарплаты получают аховые. Вот учителем труда – гораздо сложнее.

Как там называют журналистов? Инженеры человеческих душ? Или архитекторы душ? Или это вообще про писателей говорят?

Ну, предположим, все-таки про журналистов. Тоже мне, конструкторы. А вы попробуйте сконструировать вытачки на платье так, чтобы они скрывали тройные складки на боках, но при этом выгодно подчеркивали грудь, сильно выдающуюся вперед, и, простите, мягкое место, которое ни в ка-

кие ворота не лезет! Вот где нужно принять «беспрецедентные меры»! Вот где нужно придумать выкройку, «не имеющую аналогов за рубежом»!

Вы попробуйте справиться с целой толпой девочек-подростков, которые так и норовят подпалить на газовой плите вечно распущенные волосы или затащить в рот невымытые помидоры! И вся эта нервотрепка – за бюджетные копейки и на трезвую голову.

И уж я совершенно точно уверена, что будь на моем месте журналистка, обремененная высшим образованием и не нюхавшая пороху, а точнее, не нюхавшая мерзопакостных духов, которыми пользовались скандальные тетки в метро, – растерялась и может быть даже разревелась бы она сейчас.

Я же, не теряя чувства собственного достоинства, поднялась со своего стула, свысока оглядела пра... – и так далее – ...внучку фаворитки Петра Третьего Елизаветы Воронцовой, набрала в грудь воздуха и заорала в ответ:

– Никакая я не журналистка! Я здесь по приглашению! А вот вы, дамочка, явно самозванка! Не понимаю, как такую безмозглую женщину могли принять в рыцари Ордена! – Я прищурилась и сделала контрольный выстрел: – И вообще, эта стрижка вас полнит!

– Что-о-о? – Моя оппонентка пришла в неопишное бешенство, брыли у нее ходили ходуном, как желе во время землетрясения.

– Что слышали! – огрызнулась я. – Смените парикмахера!

Толстуха Воронцова уже протянула к моим кудрям свои ручищи с вытатуированной на запястье коброй в короне (конечно, обзавидовалась моей чудо-прическе!), как в дело вмешался Главный Магистр. Старичок с удивительной скоростью прошаркал к нашим последним рядом, за ним преданно трусил Черный Пес.

– Девушки, девушки, – примирительно задрезжал лесовичок. – Что за шум вы устроили? Почему прервали наш ритуал? Это плохая примета, милые девушки. Особенно накануне Смертельного Броска.

– Главный Магистр, среди нас затесалась шпионка! – капризным голосом нажаловалась Воронцова, указывая на меня пальцем-сарделькой. – Это не Кобра!

– Вот как? – Старичок в задумчивости пригладил свою белую бородку. – Вы действительно не Кобра, девушка?

Необходимость во флирте с лесовичком уже отпала, но я все равно ему обольстительно улыбнулась, радуясь, что на губах у меня сегодня особенно яркая цикламеновая помада:

– Пока не Кобра, но очень хочу ей стать, товарищ Магистр!

Почему бы и не подмигнуть человеку, который назвал меня девушкой, пусть даже это коварный злоумышленник мирового масштаба?

– Магистр, это Любовь Васильевна Вальтер, – заговорил Черный Пес из-за спины своего начальника. – Я пригласил

ее в качестве кандидата в рыцари Ордена. Помните, я вам рассказывал вам про нее по телефону? Любовь Васильевна. Ну, пробивная, наглая мамзелька, которую никто и никогда не заподозрит в сотрудничестве с древней тайной организацией по причине ее непроходимой тупости и плоскости...

Я бросила на Черного Пса сердитый взгляд.

– Помню-помню... – сказал старичок и повернулся ко мне. – Только я не ожидал, что ты приведешь к нам очаровательнейшее создание на свете. – Толстуха Воронцова, внимательно слушавшая наш разговор, яростно всхрипнула. – Любовь? – переспросил лесовичок игриво. – Как вам подходит это имя!

Я хихикнула.

– Благодарю, товарищ Магистр, вы очень милы.

– Да, будет крайне жаль, если вы не пройдете наши маленькие вступительные испытания... – Старичок обратил свои слезящиеся глаза на Черного Пса, а я незаметно, не выключая диктофон, спрятала телефон обратно в сумку. – Что ж, тогда, полагаю, сразу к ним и приступим?

Я очень надеялась, что испытания будут проходить на свежем воздухе, поскольку, признаюсь, сидеть в духотище глубоко под землей мне уже порядком надоело. Но нет, всё действие сосредоточилось в этой проклятой пещере.

Меня подвели к постаменту (с сумкой я не расставалась; во-первых, нужно было записывать на диктофон происходящее, а во-вторых – мало ли что, сомнительные личности

эти Кобры, того и гляди, кошелек стащат), а старичок вновь вскарабкался обратно на свой трон и принялся командовать.

Сперва мне завязали глаза ветхой темно-красной материей, которую все называли «священной маской». По мне, так я бы такую рвань не стала бы даже в качестве половой тряпки использовать. Расчихалась только почему зря – из маски прямо мне в нос сыпалась пыль и, кажется, личинки моли, хотя я не исключаю, что это были пылевые клещи.

– Итак, Любовь! – с пафосом заговорил старичок. – Готова ли ты к полному перерождению? Готова ли ты к превращению в безжалостную Немезиду? Готова ли ты, Люба из Купчина, стать вершительницей судеб сильных мира сего?

– Не тяните кобру за хвост, товарищ Магистр, – остроумно ответила я. – Я готова на все. Переходите к делу, а то я тут сейчас засну под вашей тряпочкой.

– Испытание первое! – объявил старичок. – Сумеешь ли ты определить состав пряной смеси на вкус?

– А белена в эту смесь входит? – подозрительно спросила я. – Того и гляди, накормите отравой, а у меня глаза завязаны!

– Ничего ядовитого, только экзотические приправы, – заверил меня старичок и тут же сменил тон на врачебно-деловой: – Пищевые аллергии есть?

– Нет, – с удивлением ответила я. Было довольно странно стоять в старинном таинственном зале, с повязкой на глазах, и слушать вопросы, которые обычно задают на приеме у га-

строэнтеролога.

Вероятно, видимая из-под повязки часть лица у меня перекосилась от недоумения, поскольку старичок нехотя пояснил:

– Понимаете, Любовь Васильевна, в последние годы мы были вынуждены ввести некоторые изменения в протокол вступительных испытаний, в связи с различными неприятными проявлениями непереносимости специй... Кандидаты нынче слабенькие пошли. От простого фенхеля начинают задыхаться, от бадьяна их тошнит, от имбиря чешутся как оголтелые. Не привыкли к сложным оттенкам кулинарной симфонии. Что поделать, век безвкусной пищи! Сейчас в моде недосоленная, неперченая еда, а то и вовсе сырая. – В слабом голосе старичка чувствовалась горечь доктора физико-математических наук, подготовившего доклад на тему «О некоторых аспектах логтермальных особенностей поверхностей дель Пеццо» и внезапно обнаружившего, что выступать придется перед толпой туземцев в набедренных повязках, убежденных, что кокосы падают вниз не из-за силы притяжения, а по воле могущественного небесного быка Джоуки. – Увы, высокое кулинарное искусство уходит в прошлое, уступая место здоровой, а по моему мнению, неандертальской еде...

– А если бы у меня была аллергия, то что тогда? – из чистого любопытства спросила я.

– Не думаю, что вам, Любовь Васильевна, хотелось бы

услышать ответ, – после паузы сообщил мне старичок. – Могу лишь сказать, что рыцари с пищевой аллергией нам не нужны. Но и просто так выпустить вас отсюда я не имею права... В общем, если бы вы сейчас сказали «да», то до испытаний дело уже не дошло бы.

Я поежилась. Подводные мины подстерегали в самых неожиданных местах.

– К счастью, аллергий у меня никаких нет, – преувеличенно бодрым голосом заявила я. – Не далее как неделю назад на даче съела двухлитровую миску салата из одуванчиков, чтобы похудеть, и ничего... Так что давайте сюда ваши пряности.

– Внесите специи! – провозгласил старичок.

Пока его подчиненные суетились и, судя по звукам, бегали как оглашенные туда-сюда, готовя реквизит для испытания, у меня родился небольшой планчик, который я тут же начала приводить в исполнение. «Священная маска» была настолько бэушная, что буквально рассыпалась – на глазах в буквальном смысле. Я решила воспользоваться ее плачевным состоянием и принялась усиленно моргать, протирая ресницами в ветхой материи щель для обозрения.

Думаю, тут необходимо сказать пару слов о моей туши для ресниц «Стреляю наповал». Я беру ее на рынке у одной тетеньки, исключительно по знакомству. В магазинах она не продается, потому что, как говорит эта моя знакомая тетенька, крупные косметические фирмы марку «Стреляю

наповал» не пускают – боятся конкуренции. Тушь эта делает ресницы густыми, черными и жесткими, как щетка пылесоса. Конечно, клей с сажей, входящие в ее состав, несколько затрудняют процесс снятия макияжа, однако ради эффекта кукольных глаз можно потерпеть не только подобные ерундовые неудобства, но и постоянное раздражение век.

Словом, разодрать хлипкую ткань такими ресничками не составило мне большого труда. Спустя несколько секунд я получила отличное смотровое окошко в дурацкой повязке.

И очень вовремя! Поскольку Черный Пес уже держал передо мной поднос, на котором стояли три серебряные вазочки в форме змей, обвившихся вокруг неглубоких площадок. В каждой площадке возвышалась горка зерен различной формы, смешанных с сухими листочками и какой-то пылью. В нос мне ударили сумасшедшие, агрессивные, яркие, не сочетающиеся между собой ароматы, среди которых я не могла разобрать ни одного знакомого. Я снова чихнула. Пора им свою организацию переименовывать в Орден Чихания. Тем более, их позывные – смешное слово «рахе» – очень напоминают звук, который издает чихающий человек.

– Смесь первая! – объявил Главный Магистр.

Черный Пес зачерпнул серебряной ложкой содержимое крайней правой вазочки и поднес ложку к моим губам.

Я послушно открыла рот и попробовала сухую дрянь.

Ну, доложу я вам, подобных специй свет не видывал! Уж не знаю, где Главный Магистр их откопал, но я совершенно

не представляла, что это такое.

Нет, конечно, при готовке я использую кое-какие приправы: перец там, лаврушку для борща, ванилин, изредка корицу – осенью, когда пеку шарлотку из своей «антоновки». Барбарис, как вам уже известно. Но тут...

Во рту творилось нечто невообразимое. Мне было одновременно остро, горько, кисло и сладко. Желудок запротестовал, срочно пытаюсь эвакуироваться через пищевод вверх по горлу.

Едва удерживая его на месте, я деликатно сплюнула смесь прямо в лицо Черному Псу (а что? ко мне не может быть никаких претензий! они-то думают, что я ничего не вижу!), который тут же возмущенно заорал, и уверенно сказала:

– Это сассапарель, портулак, острица, куркума, зира и иссоп, товарищ Магистр!

Удивлены? Просто возле вазочек стояли таблички, на которых были расписаны все ингредиенты – для Главного Магистра и его прихлебателей. Сквозь свою щель в тряпке я прекрасно могла прочитать состав каждой смеси. К своим пятидесяти семи (хотя вообще-то можно считать, что мне еще пятьдесят шесть, день рождения-то был всего две недели назад) я сохранила отличное зрение. Это к слову о потенциальных невестках в очках.

Рыцари пораженно зашептались.

Главный Магистр крякнул и предложил попробовать вторую смесь, с которой я (не без помощи сопроводительной

таблички) разделалась также элементарно, если не считать усилившейся тошноты.

С третьей возникло небольшое недоразумение: Черный Пес заслонил краешек таблички с описанием специй большим пальцем, и я не никак не могла сообразить, что это за название такое, начинающееся на «га» и заканчивающееся им же. «Га... га... га...», – лепетала я.

Главный Магистр подобрался в своем кресле. Бородака его настороженно поднялась. Про тошноту я больше не думала, только пыталась вспомнить нужное слово. Состояние было примерно таким, как когда пытаешься отгадать последнее слово в кроссворде, чтобы выиграть бесплатную трехмесячную подписку на программу телепередач, а мозг категорически отказывается сотрудничать. Только сейчас вместо подписки на кону стояла моя жизнь. И, что важнее, судьба Степочки, который без моей помощи так и останется в тюрьме, пусть даже и с накрахмаленными полотенцами.

Тут Черный Пес, весь оплеванный приправами, решил вытереть глаза, для чего перехватил поднос одной рукой, и я наконец сумела прочитать название:

– Галанга! – крикнула я торжествующе.

Главный Магистр довольно кивнул и, расслабившись, откинулся на спинку стула, а собравшиеся восторженно зааплодировали. Старичок взмахом руки повелел снять с меня маску.

– Батюшки-светы, как хорошо! Как хорошо вновь увидеть

белый свет! – драматично воскликнула я, чтобы не вызвать подозрений. – Как хорошо вновь увидеть лица людей! То есть лица кобр. То есть морды кобр. – Черный Пес нахмурил заляпанные специями брови. – То есть... Ну вы поняли, товарищи Кобры.

– Вы, Любовь Васильевна, первый на моей памяти кандидат, столь ловко преодолевший первый барьер на пути к поступлению в Орден! – восхищенно задребезжал старичок. – Вы настолько же красивы, насколько хорошо разбираетесь в приправах... – Он игриво подхихикнул, затем пригладил бородку и снова сделал серьезное лицо. – Поздравляю, о Люба из Купчина! Ты готова к следующему испытанию...

– А сколько их всего, товарищ Магистр? – перебила его я. – А то мне уже спать пора. Режим прежде всего! А как иначе сохранить такую красоту? Вот сколько, по-вашему, мне лет?

– Э-э... Тридцать семь? – скомплиментил Главный Магистр и снова подхихикнул. Самому ему было, наверное, лет сто.

– Вообще-то сорок семь, но спасибо! – Я кокетливо повела плечиком. Павлин блеснул в колеблющемся свете. – Так что меня ждет впереди?

– О, всего лишь два испытания, милая Любовь Васильевна, которые, я уверен, вы с вашими выдающимися способностями быстро пройдете! – заверил меня старичок. – Приготовьте машину! – скомандовал он насколько мог зычно.

К моему несказанному удивлению, из дальней двери Черный Пес выкатил высокотехнологичное чудо: блестящий алюминиевый стенд на колесиках, с громадным экраном и какими-то трубочками сбоку. Аппарат напоминал гибрид мощного компьютера и медицинского диагностического устройства. Его прямые, четкие линии резко контрастировали с округлостями старинного зала, а гладкий корпус удивленно отражал огоньки свечей. Длинный белый провод стелился по грубому каменному полу.

Ага, все же совсем без электричества они обойтись не смогли, злорадно подумала я.

Черный Пес подкатил аппарат ко мне.

– Давай правую руку, мамзелька, – потребовал он.

– Зачем это? – подозрительно спросила я. Сейчас еще поженят меня с Главным Магистром, не удивлюсь! А я в расцвете лет за всяких лесовичков выходить не собираюсь!

Закатив глаза, Черный Пес сам схватил меня за запястье и мгновенно защелкнул на нем плотный силиконовый браслет, из которого торчала металлическая иголка. Браслет был соединен с аппаратом тонкой пластиковой трубочкой наподобие капельницы. Через секунду экран вспыхнул и на нем появилась надпись: «Артериальное давление 120/80 мм рт. ст. Введите возраст клиента».

– Товарищ Магистр, это что? – Я уже струсила по-настоящему.

– Это, Любовь Васильевна, наша умная машина! – с гор-

достью объяснил старичок. – Сейчас она задаст вам три вопроса. Если все три ответа будут правильными – браслет автоматически расстегнется, вы освободитесь.

– А если я отвечу неправильно?

– К сожалению, тогда эта иголочка выпрыгнет из своего гнезда и впрыснет вам в руку смертельный яд королевской кобры. Смерть наступит через пятнадцать минут. Сейчас машина рассчитает необходимую дозу, исходя из вашего возраста, роста и веса... Старший Магистр, прошу ввести данные!

Черный Пес с сомнением посмотрел на меня и набрал на виртуальной клавиатуре цифру «47», оглашенную мной ранее.

«Введите рост клиента» – предложила машина.

– Сто семьдесят? – спросил Черный Пес, оценивающе глядя на мой затылок.

– Сто шестьдесят пять – просто у меня туфли на ортопедической платформе и прическа пышная, – пояснила я.

«Введите вес клиента».

– Ну? – выжидающе уставился на меня Черный Пес, поскребывая щетину на подбородке.

Во мне боролись два чувства. С одной стороны, врать было бы неразумно – если скажу слишком маленькую цифру, яда тоже будет мало, и я буду мучаться дольше, страдания будут невообразимыми. Но с другой – не могу же я всем признаться, что вешу восемьдесят три килограмма!

– Шестьдесят девять, – выдавила я после паузы.

Черный Пес хмыкнул.

– Вводи шестьдесят девять килограммов! – потребовала я окрепшим голосом. Эх, была не была! Репутация стройняшки мне дороже. Не хочу погибать толстухой. Меня должны запомнить топ-моделью.

– Да на здоровье, мне без разницы, – пожал плечами байкер и набрал 69 на клавиатуре.

«Пожалуйста, подождите. Данные обрабатываются».

– Машина у вас уж очень современная, – сказала я Главному Магистру, просто чтобы не молчать. Я чувствовала, как от страха по спине текут струйки пота.

– О да, среди наших рыцарей есть отличные программисты, – похвастался старичок. – Вы бы видели нашу прежнюю, механическую установку! Размером со шкаф, громоздкая, обслуживать ее было невозможно. Капризная и непредсказуемая. Сколько отличных кандидатов мы потеряли из-за неисправности в системе! Установка часто впрыскивала яд даже в случае правильного ответа... В итоге мы ее переплавили на канделябры, и с нуля создали вот эту умницу. – Старичок с умилением посмотрел на смертоносный аппарат.

Машина тем временем выдала результат: «Рекомендуемая доза яда – 0,08 гр».

По пластиковой трубочке побежала светло-желтая жидкость и остановилась у основания иголки.

Я громко сглотнула. Уж лучше бы мне дали съесть целую

лоханку отвратительных специй.

Загорелась надпись: «Начать тест?».

Черный Пес небрежно нажал зеленый кружок со словом «да».

– Приступай, о Люба из Купчина! – провозгласил старичок. – И помни – любая ошибка станет роковой.

На экране возникла строчка:

«Вопрос №1: Живут ли кобры в неволе?»

Ах, так тест будет из области зоологии! Ну, это легко. Степочка пару лет назад встречался с ветеринаршей, работавшей в нашем Ленинградском зоопарке. Я, конечно, запретила ему с ней общаться – мало ли какими болезнями можно заразиться от диких животных. Но, помнится, тот единственный раз, когда я видела эту девицу, она как раз жаловалась, что кобры в террариуме погибают от голода, потому что не желают переходить на крыс, ведь они привыкли питаться другими змеями. Я еще тогда подумала: крысы и змеи в непосредственной близости от моего маленького зайчонка? Ну уж нет!

Вот и сейчас я уверенно нажала красный кружок.

«Правильно!» – похвалила меня машина.

– Замечательно, Любовь Васильевна! – обрадовался старичок. – Запомните, кобры не живут в неволе. И это закон для любой арестованной Кобры. Позже мы выдадим вам ампулу со змеиным ядом, который вы должны будете всегда носить с собой. Вы обязаны будете вскрыть ее и выпить, если

окажетесь за решеткой.

Вот еще, подумала я, но вслух сказал:

– Конечно, товарищ Магистр! О чем речь!

«Вопрос №2: Может ли кобра контролировать дозу впрыскиваемого яда?»

К сожалению, об этом девица из зоопарка ничего не говорила.

Поэтому пришлось импровизировать.

Если бы я была на месте кобры, я бы, наверное, не стала тратить свой яд на кого попало. Вот, скажем, для моей сестры Глафиры, достающей меня своим занудством, хватило бы и капельки, просто для остратки. На противных теток в метро я бы вылила чуть побольше яда. И максимальную дозу получили бы нахалки, набивающиеся в Степины невесты без моего одобрения.

Я нажала зеленый кружок.

«Правильно!» – одобрила машина.

– Великолепно, Любовь Васильевна! – захолопал в ладоши старичок. – Кобра действительно единственная змея, рассчитывающая количество впрыскиваемого яда в зависимости от веса жертвы... Переходите к последнему вопросу.

«Вопрос №3: Заботятся ли кобры о своих детенышах?»

Тут я даже думать не стала. Разумеется, да! Как же можно не заботиться о собственных малышах? Они же такие беспомощные!

«Правильно!» – подтвердила машина и браслет на моем

запьястье сам собой расстегнулся.

– Поздравляю, Любовь Васильевна! Удивительно, что вы не ошиблись там, где спотыкаются даже опытные биологи. – Главный Магистр с довольным видом пригладил бородку. – Вообще-то змеям совершенно не свойственно заботиться о потомстве, более того – они его часто съедают. И королевская кобра – единственная, кто целых три месяца не отходит от гнезда с яйцами, а потом еще долго присматривает за новорожденными детенышами.

Я запоздало перепугалась. Будь на моем месте чуть более образованный человек, имеющий общие представления о поведении змей, он бы точно ответил на третий вопрос неправильно. Все-таки иногда среднее образование имеет преимущество перед высшим!

Пока я приходила в себя, Черный Пес укатил гнусный аппарат обратно в подсобку, а Главный Магистр потер ручки и объявил:

– Переходим к третьему испытанию! – Он откашлялся. – О Люба из Купчина! Поведай Кобрам, за что ты ненавидишь Романовых!.. У вас есть три минуты на подготовку, Любовь Васильевна, – обыденным тоном прибавил он в конце.

– Да ну, не надо мне три минуты! – самоуверенно заявила я. – Я сразу могу рассказать. – Я принялась загибать пальцы. – Значит, так. Екатерину Вторую я ненавижу за то, что она плохая мать. Петра Первого я ненавижу за то, что он основал Петербург посреди болота, на берегу гадкого холодно-

го моря, а не где-нибудь в Сочи. Николая Первого ненавижу с недавних пор, но сильно – после того, как мне рассказали в новостях, что он проиграл Крымскую войну. Да как он посмел! Разрушил духовные скрепы, как метко подметил этот приятный ведущий итоговой программы в красном галстуке, как же его зовут...

– Хорошо-хорошо, спасибо, Любовь Васильевна! – поднял хиленькие ручки вверх Главный Магистр. – Вижу, что вы наш человек. А точнее – наша Кобра... Но прежде чем мы приступим к обряду посвящения – заключительная часть ритуала.

– Что мне надо делать? – утомленно спросила я.

– Вам? Ничего, – отозвался старичок и встал со своего стула. – Это голосование по вашей кандидатуре рыцарей Ордена. Кобры! Прошу!

Черный Пес водрузил на постамент глиняную миску с гладкими черными и белыми камешками овальной формы, напоминающими гальку. Наверное, притащили камни из Сочи и покрасили их гуашью. Рядом байкер поставил такую же миску, но пустую.

Каждый рыцарь должен был подойти к постаменту и положить в пустую миску камень нужного цвета: белый – если одобрял мое вступление в Орден, черный – если не одобрял.

Ну, не могу вам сказать, чтобы все камешки во второй миске были белыми. Толстуха Воронцова, скривив мерзкую физиономию, конечно же, мстительно бросила черный ка-

мень. Черный Пес был за меня. Остальные рыцари разделились примерно поровну.

После завершения голосования Кобры расселись по своим местам, а Черный Пес с почтительным поклоном подал заполненную миску Главному Магистру. Тот едва удержал тяжесть в руках.

Затем начался подсчет голосов. Черный Пес стоял рядом с Главным Магистром и принимал камни в пустую миску. С каждой новой черной галькой, найденной в миске для голосования, булыжник на моем сердце тяжелел.

Двадцать пять на двадцать пять.

Чаши весов, на одну из которых возложили мою жизнь, а на другую – смерть, замерли друг напротив друга.

Что скажет Главный Магистр?

В зале наступила тишина.

Старичок поправил темно-красный балахон. Пригладил бородку. Оглядел собравшихся. Прошелся взад-вперед по подиуму прогулочной походкой. А затем посмотрел мне прямо в глаза.

– Никогда не думал, что на старости лет я вновь окажусь в таком ошеломляющем водовороте чувств, и так внезапно... Еще утром я был стариком. Сейчас я – дерзкий юноша, готовый на любой подвиг ради вас... Вы – моя муза, Любовь Васильевна. Неслучайно вы появились в Ордене одновременно со священной Книгой. – Он возвысил голос. – Главный Магистр голосует «за»!

Глава 18

Однажды я летала на воздушном шаре.

Несколько лет назад Степочка, Павлик и Андрюша отправились на нашей «Ниве» на фестиваль воздухоплавания в Псковской области. Я собрала им в дорогу пирожков с разными начинками – и себя в качестве бонуса. Напросилась с ними, якобы чтобы запастись местным луговым медом. А на самом деле – чтобы не дать пронырливым псковским пчелкам накинуться на мой наивный цветочек.

Фестиваль поразил нас многоцветием гигантских аэростатов, гудением газовых горелок, душевной среднерусской природой и южным теплом. Мы словно попали в добрый мультфильм про лилипутов на дне рождения Гулливера. Маленькие человечки бегали вокруг праздничных воздушных шаров, залезали в корзинки и взмывали к облакам – настоящим, а не каким-то там виртуальным.

Степа тут же прыгнул в плетеную кабину голубого, как псковское небо, шара, которым управляла подозрительного вида девица – и был таков. Я ахнула: «Батюшки-светы!», – вскарабкалась в корзинку розового аэростата с впечатляющими языками пламени по бокам и отчаянно крикнула его владельцу: «Трогай!», трясущимися руками доставая из сумки бинокль.

Однако когда мы сравнялись со Степиным шаром, я успо-

коилась. На борту невинно-голубого аэростата обстановка была тоже вполне невинная. В кабине, помимо девицы, находился ее кавалер, которого раньше я не замечала. Он обнимал спутницу за талию. А Степочка, не обращая никакого внимания на красоту девчонки, наслаждался исключительно красотой ландшафта с высоты птичьего полета. Я удовлетворенно опустила бинокль и наконец-то расслабилась. На душе у меня было легко и радостно.

И если вы думаете, что после фестиваля я не закупились по полной программе луговым медом, то вы, милые мои, очень плохо меня знаете! Весь багажник «Нивы» был забит банками с густым жидким золотом. Янтарные блики бродили по салону всю дорогу домой.

Вот и сейчас настроение у меня было таким же чудесным, как тогда – словно я парила над серебристым озером, отражаясь в зеркальной воде вместе с солнцем, а не находилась глубоко под землей в окружении злобных сектантов. Но я только что избежала мучительной смерти, и думаю, новообретенный статус музы Главного Магистра гарантировал мне дальнейшую неприкосновенность.

Рыцари устроили мне овацию (все, кроме толстухи Воронцовой), я раскланивалась во все стороны, как конферансье одесского дома культуры после удачной шутки. Потом, когда шум в зале немного утих, я повернулась к Главному Магистру:

– Товарищ Магистр, а нельзя ли мне поскорее получить

золотой медальончик, как у Воронцовой? – А про себя подумала: это же будет шикарной уликой! Володя с полковником Орловым просто набросятся на этот медальон.

Старичок заколебался:

– Любовь Васильевна, я бы с радостью, мне для вас ничего не жалко... По правилам Ордена, я не имею права вручить вам его раньше, чем через год самоотверженного служения общему делу...

– Ой, да кому нужны эти правила! – пренебрежительно махнула я рукой. – Правила созданы для того, чтобы их нарушать, разве не так, милый товарищ Магистр? – И я постаралась соорудить на лице как можно более многообещающее выражение.

– Ох, ну хорошо, хорошо, – сдался Главный Магистр. Взгляд его источал сладость, как пчелиные соты – мед. Однако обрадовалась я рановато. – Обещаю преподнести вам медальон, как только мой друг-ювелир вернется из отпуска, вроде бы в августе... Но сначала – обряд посвящения.

– И в чем он у вас заключается? – спросила я со скучающим видом. – Я клятву Гиппопотама должна принести или что?

– Клятву кого? – растерялся старичок.

– Гиппопотама, – уверенно пояснила я.

– Какого Гиппопотама? – Главный Магистр выглядел совершенно ошеломленным.

– А я откуда знаю какого? Не я же ее придумала, а врачи.

У них тоже символ – змейка, как у вас. Хотя тогда причем здесь гиппопотам? Может при том, что он тоже в джунглях живет...

– Ах, вот что вы имеете в виду! – Лицо старичка просветлело. – Врачебную клятву Гиппократа!

– Ну я так и сказала! – Вот бестолковый, подумала я. – В общем, давайте уже, поторопитесь со своим посвящением.

– Да-да, не будем затягивать, – согласился Главный Магистр. – Завтра у всех нас важнейший день, перед такими событиями нужно хорошенько отдохнуть...

– Перед какими событиями? – встрепенулась я.

– А это, Любовь Васильевна, вы узнаете после посвящения... Старший Магистр! – позвал старичок Черного Пса. – Приступайте!

Нельзя сказать, чтобы я очень беспокоилась из-за обряда посвящения. Ну, думаю, побегают вокруг меня с какими-нибудь бубнами, вырядят меня в белый фартук, возможно, попросят пошипеть по-змеиному. Забросают специями. Дадут три пары белых перчаток или еще какую-нибудь муть. Скажут что-нибудь вроде «Ты прошла испытания и достойна Света», ну и все в таком роде.

Однако все оказалось гораздо серьезнее.

Черный Пес усадил меня на ступени постамента и спросил:

– Где?

– Что где?

– Где будем набивать кобру?

– Какую кобру? – Мне поплохело.

– Королевскую, разумеется. – Черный Пес пожал плечами. – Так где, мамзелька? Шея, предплечье, лодыжка? Показывай место.

– Но я нигде не хочу набивать татуировки! – в ужасе воскликнула я. – Ни на шее, ни на предплечье, ни тем более на лодыжке, как у... – Я едва сдержалась, чтобы не назвать имя Пантеры – эта деталь могла провалить всю мою операцию. – Что подумают люди? Что скажет моя сестра Глафира? Какой пример я подам Степочке, наконец?

– Степочке? – встрепенулся Черный Пес. – Какому еще Степочке?

– А, ну это мой домашний кролик, – не растерялась я. – Боюсь, не узнает он хозяйку с татуировкой. И вообще, у меня давление повышенное, мне противопоказаны любые операции!

– Видел я на экране твое давление – сто двадцать на восемьдесят, – хмыкнул Черный Пес. – Да на тебе, мамзелька, можно целую картину «Переход Суворова через Альпы» набить, а потом еще и в космос тебя отправить, приобщать инопланетян к искусству.

– Затруднения? – осведомился Главный Магистр со своего дряхлого трона. Его плетеные сандалии болтались на уровне моих глаз.

Я поняла, что сопротивление бесполезно и, более того,

может плохо для меня закончиться.

– Нет-нет, все отлично! – сказала я тоненьким голосом. – Бейте здесь!

И я рванула свою ярко-красную кофточку, оголив левую грудь до середины. Я делаю это ради Степы, который навсегда занял мое сердце – значит, пусть кобра будет там. Кроме того, татушку можно будет скрыть под купальником. Неплохой повод пройтись по рынку, обновить пляжный гардеробчик!

Главный Магистр с интересом поглядывал сверху в открывшуюся перед ним экспозицию (ему уже о вечном пора думать, а все туда же!), а Черный Пес умело принялся за дело. Из подсобки он притащил небольшой саквояж, вроде медицинского чемоданчика, и разложил на постаменте инструменты. Я облегченно выдохнула: оборудование было современное, хромированное и стерильное. «Да, раньше мы использовали медные иглы восемнадцатого века, – с сожалением пояснил старичок, – но стольких новообращенных рыцарей потеряли из-за заражения крови... Пришлось перейти на одноразовые».

Байкер достал из саквояжа переводную картинку, сбрызнул ее водой из пульверизатора и наклеил мне на грудь. После снятия бумажки на коже остался трафарет в виде той самой кобры в короне.

Черный Пес взял флакончик темно-красной краски.

Застрекотала тату-машинка. В грудь впились тысячи иго-

лок. Я невольно вскрикнула. Мое жалкое «ай» растворилось в древних стенах, наверняка слышавших и не такое.

Спустя пятнадцать минут все было закончено.

Кожа пылала. На моей левой груди навеки поселилась ко-ронованная хищная кобра.

Я застегнула блузку. Хорошо, что ткань красная – крови не видно.

Павлин нещадно давил на раны. Я отстегнула брошь и бросила ее в свою оранжевую сумку со стразами.

– Твоя жизнь, о Люба из Купчина, никогда не будет прежней! – произнес Главный Магистр, спускаясь со своего трона.

Он подошел ко мне. Сквозь белые волосы просвечивала розовая лысина, и странным образом это зрелище произвело на меня успокаивающее воздействие.

Старичок покопался в складках своей мантии и вытащил пузырек с прозрачной светло-желтой жидкостью. Таковую я сегодня уже видела – в непосредственной близости от своей вены.

– Возьми эту ампулу со змеиным ядом – и помни, что Кобры не живут в неволе! – Я опустила пузырек в маленький боковой кармашек сумки. – Помни, что наша священная книга не может оказаться в руках врага. Если миссия провалится – «Книга Пряностей» должна быть немедленно предана огню!

В зале сгущалась темнота. Свечи догорали и начинали ча-дить. Кобра на груди жалила в самое сердце.

– Теперь ты готова узнать. – Главный Магистр положил свою сухонькую руку мне на плечо. От него пахло лавандой и неведомыми пряностями. – Завтра случится то, к чему Орден стремился все эти столетия. Завтра свершится Мечь.

– Как? Где? – Я задержала дыхание.

– На Международном. Экономическом. Форуме.

– В Константиновском дворце? – уточнила я, показывая хорошее знание текущего информационного поля.

– Именно там, – кивнул Главный Магистр. – На торжественном обеде в честь открытия форума соберутся десятки лидеров государств. Восемнадцать президентов и шесть премьер-министров, в том числе четыре женщины. И этот обед станет для всех них последним.

– Батюшки-светы!

– О да. Они получают блюда, которые покажутся им восхитительными. Но вместо специй в эти блюда будет добавлен яд, неотличимый по вкусу от приправы.

– Из «Книги Пряностей»? – замирая от ужаса, догадалась я.

– Из нашей священной «Книги Пряностей»! – звенящим голосом подтвердил Главный Магистр.

Что-то не складывалось.

– Но ведь «Книгу Пряностей» вы получили только сегодня, а свою диверсию запланировали, похоже, давным-давно, – обличающим тоном сказала я.

– За два с лишним века у Ордена накопились свои раз-

работки смертельных веществ. А наши подвалы заполнены змеиным ядом. – Главный Магистр неопределенно махнул рукой куда-то вбок. – Разница в том, что все токсины, которыми мы располагали до сих пор, оставляют следы в организме. Любой, даже начинающий следователь, моментально вышел бы на нас. А теперь, при помощи Книги, нам удастся избежать наказания! Врачи будут вынуждены поставить диагнозы «инсульт», «инфаркт», «закупорка сосудов», всё спишут на поразительное стечение медицинских обстоятельств, улики против нас не будет никаких. Большинство глав государств – люди немолодые, так что смерть будет выглядеть естественной.

Все это звучало до крайности дико, но старичок был настроен весьма серьезно.

– Позвольте, товарищ Магистр. – Я нахмурилась. – А как вы вообще попадете в Константиновский? Я видела в новостях, что у каждого президента – человек по двадцать охранников минимум. Да еще и у каждого премьера – по пятнадцать.

Старичок мило улыбнулся.

– Любовь Васильевна, вы, кажется, не понимаете, с кем имеете дело. Я шеф-повар лучшего ресторана в городе. Наш президент в недавнем интервью назвал «Флёр» своим любимым местом в Петербурге. Как вы думаете, кого после этого пригласили приготовить торжественный обед для участников международного форума?

– Вас?

– Разумеется.

– Батюшки-светы! Большая ошибка со стороны организаторов.

– Ошибка для них – для нас возможность Смертельного Броска.

– Но зачем?.. Зачем вам это надо? – никак не могла понять я. – Зачем вам мстить людям, не имеющим никакого отношения к Екатерине Второй? Романовых уже давно нет!

– Но дело Романовых живет. Нынешняя власть чересчур лояльна к их памяти. Про императоров, не имевших права занимать российский престол, хвалебно отзываются в учебниках истории. Про них снимают сериалы, в конце концов! Их потомков привечают за границей. Это вопиющая несправедливость! – Главный Магистр даже топнул ножкой в плетеной сандалиии по каменному полу. – Нужно разрушить нынешний миропорядок, нужно восстановить Истину! Нужно всем показать, что обида немцев не знает срока годности! И тогда, мы верим, Великий Магистр вернется, чтобы возглавить Россию.

Взгляд у него сделался пустой. Мне стало страшно.

– Батюшки-светы... – прошептала я. Да они же ненормальные, все до единого. – Но ведь Великий Магистр умер два века назад!

Рыцари Ордена возмущенно охнули и глухо зароптали.

– Спокойно, Кобры! – призвал подчиненных старичок. –

Простим ей эти слова. Это невежество, а не злой умысел. – Затем он обернулся ко мне. – Любовь Васильевна, вы когда-нибудь слышали легенду про короля Артура?

– Ну, мультик смотрела, – вспомнила я Степино детство. – А что?

– А то, что англичане уверены: Артур дремлет на острове Авалон в ожидании дня великой нужды, когда он воспрянет ото сна, чтобы спасти Британию, – нравоучительно заметил старичок. – Так и наш Великий Магистр исчез, чтобы вернуться, когда страна будет к этому готова.

Рыцари дружно закивали. Черный Пес в том числе. Тоже мне анархист.

Бред сивой кобылы, хотелось сказать мне, но вместо этого я спросила:

– Вы, меня, конечно, простите, товарищи Кобры, – я недоверчиво поджала губы, – но что будет, если ваша месть удастся, а Великий Магистр не вернется?

– Тогда придется мне временно занять кресло главы государства. – Старичок склонил голову с показным смирением. – Что ж делать, кто-то должен будет следить за порядком, пока мы ждем Великого Магистра. Даже если ожидание растянется на долгие годы.

– Ах вот оно что! – Все встало на свои места.

Типичная секта. Про похожую рассказывали однажды в дневном ток-шоу. Глава секты под благовидным предлогом захватывает власть и потом до бесконечности развешивает

вает фигурную лапшу на уши своим последователям. Как же, ждет этот старичок-лесовичок триумфального пришествия Великого Магистра. Ага, прямо спит и видит, чтобы Фридрих вернулся и скинул его со сладенького президентского креслица – не чета нынешнему обтерханному стулу на постаменте.

А Черный Пес, вон он как усердствует, кивает как китайский болванчик, – интересно, он со своим байкерским цинизмом тоже верит в эту сказочку про возвращение давно покойного Фридриха? Или просто ему обещали хороший пост в новом правительстве, «просто пока мы ждем Великого Магистра»?

– Милая Любовь Васильевна! – Старичок вновь мне улыбался. Морщинки расходились от уголков глаз во все стороны, словно это был добрый дедушка, глава большого шумного семейства, готовящийся к сбору клубники на даче, а не к мировому господству. – Я знаю, что это несколько неожиданно, и вы только-только присоединились к нашему Ордену... Но не окажете ли вы мне любезность завтра поприсутствовать на историческом событии в Константиновском дворце? Вы моя муза, я вас приглашаю. Вдохновите меня на создание кулинарных шедевров смертельной силы! – Он мерзко посмеялся в бородку над своей сомнительной шуточкой и вновь посерьезнел. – Ну так что, Любовь Васильевна? Завтра в пять вечера. Вам оформят пропуск на кухню. Согласны?

– Да-да, – рассеянно отозвалась я, надеясь, что уж с такой-то сногшибательной информацией мне удастся достучаться до Володи, а то и до самого полковника Орлова, и Степochку в конце концов освободят из-под стражи. Главный Магистр должен занять его место в «Крестах», а не президентское в Кремле.

Старичок довольно потер ручки:

– Прекрасно, прекрасно, Любовь Васильевна... Я чувствую, вы принесете мне исключительную удачу. – Он деловито пригладил бородку, взглянул на гаснущие свечи и провозгласил: – Поприветствуйте новую Кобру, рыцари Ордена! Рахе! Да свершится месть!

– Рахе! – стройным хором отозвались рыцари. – Да свершится месть!

– Да свершится месть, – повторила я вслед за ними, думая о своем возмездии. Планы купчинской Немезиды сильно отличались от целей и задач остальных рыцарей Ордена.

Свечи потухли, одна за другой. В темноте я слышала лишь невнятное шуршание. Кобры расползались по домам.

Я почувствовала, как большая мужская рука взяла меня под локоть, и услышала голос Черного Пса:

– Пойдем, Кобра. Заседание окончено.

Словно во сне, мы шли и шли куда-то в полной темноте. Мне казалось, что я ослепла. Все, что я ощущала – тяжелое пивное дыхание моего проводника, его руку, направляющую меня в нужную сторону, и кошмарную боль в районе

левой груди. В какой-то момент на меня повеяло сквозняком, и я поняла, что мы миновали тоннель, ведущий к Эрмитажу. Скрипнули двери, и спустя несколько мгновений я врезалась бедром в какой-то твердый угол. Тут же раздался страшный звон и грохот.

– Аккуратнее, все кастрюли уронила! – с досадой сказал Черный Пес. Ага, значит, мы были уже на кухне. Вдалеке я заметила тлеющие в камине угли.

Еще одна дверь, и чернота слегка рассеялась. Мы оказались в серой зоне. «Флёр» опустел. Исчезли, растворились без остатка развеселые танцовщицы, лакированные посетители и мыши-официанты, будто их никогда и не было. Столики опустели. Расправленные шторы полностью закрывали окна, дабы любопытные уличные фонари не смели без спроса заглядывать внутрь.

Черный Пес открыл ключом входную дверь. Мы поднялись по ступенькам и вышли на Гороховую.

Июньская ночь всего на пару часов окутала Петербург. Летний город, отдохавший от туристической суеты, был прекрасен.

Мои золотые часики показывали три часа тридцать две минуты.

Я пробыла под землей совсем недолго.

Но мне казалось, пролетела целая вечность.

– Так, дружок. – Я встряхнула головой. – Метро еще не работает – что же мне домой, пешком тащиться? Денег

на такси у меня нет.

Вранье чистой воды, без денег я из дома не выхожу. Но вдруг рыцарям Ордена положена компенсация ежемесячного проездного, или бесплатное такси, или еще какие-нибудь льготы? Зря я, что ли, страдала под уколами тату-машинки?

– Окей, мамзелька, доставлю тебя в лучшем виде, – покорился Черный Пес. – Называй адрес.

– Улица Купчинская, дом один, первая парадная, – отта-
рабанила я, задаваясь вопросом, а где же его машина.

И тут я ее увидела.

Точнее, его. Байк. Припаркованный у кованого фонарного столба. Вот сколько раз нашу «Ниву» утаскивали на штрафстоянку! А здоровенный мотоцикл, небрежно брошенный в центре города, мешающий пешеходам и автомобилистам, стоит себе часами и никому до него и дела нет! Где эти доблестные гаишники, когда они так нужны?

– Ты меня, дружочек, на этом повезешь?! – Я едва не грохнулась на асфальт. После всего пережитого – еще и на мотоцикле лихачить!

– Так ты же, если мне не изменяет память, безумно хотела вступить в наш клуб «Невские Отморозки»! А, мамзелька? – Черный Пес скрестил руки на кожаной груди. – А на байке рассекать боишься?

Мда, кажется, он меня подловил.

Но я не была бы Любой Суматошкиной, если бы моментально не выкрутилась, да еще и с блеском.

– Вот еще! – фыркнула я. – Просто я имела в виду, что твой «японец» слишком хлипкий, не выдержит двоих, не то что советская «Ява».

Это было единственное название мотоцикла, которое я смогла сейчас вспомнить.

Черный Пес сказал неприличное слово. А затем забросал меня техническими терминами вперемешку с байкерскими жаргонизмами, из которых следовало, что его «джап» можно сравнить с космическим кораблем, в то время как названную мной «Яву» – разве что с ручной косой, и что владельцы названной мной «Явы» недостойны даже пыль глотать из-под колес его великолепного мотоцикла.

После этой тирады мне был вручен шлем, я неловко забралась на узкое сиденье позади Черного Пса (мои брюки были правильным решением), обхватила его руками и зажмурилась.

Потом в ушах свистел ветер, меня трясло, качало из стороны в сторону, и когда я уже совсем поверила в то, что никогда больше не увижу Степочку, мы остановились.

Я осторожно открыла глаза. Мы стояли у моей парадной. Еле-еле спустившись с проклятого седла на твердую землю, я трясущимися руками отдала Черному Псу шлем.

– А-аревуар, – пропищала я.

– Не прощаюсь, мамзелька, – хмыкнул он, взглянув на мои дрожащие коленки, – встретимся через несколько часов на форуме. Рахе!

Колеса закрутились с адским визгом, из выхлопной трубы вырвалось пламя, и черный мотоцикл скрылся за поворотом, спасаясь от лучей просыпающегося солнца.

Глава 19

Как вы думаете, с какими мыслями я проснулась на следующее утро?

Выпить кофе, да покрепче?

Побежать к майору Уточке, чтобы рассказать ему о своих вчерашних приключениях?

Накромсать оливьешку к Степиному возвращению?

Нет, нет и – да. Но больше всего мне хотелось отправиться на рынок, найти тетку, продавшую мне тушь для ресниц «Стреляю наповал», и закатить ей хорошенький скандалчик – с применением таких парламентских выражений, как «ах ты, курица!» и «повыдергивать бы тебе твои жидкие волосенки!».

Дело в том, что перед сном я забыла смыть макияж. Едва доползла до кровати, рухнула прямо на бордовое с золотым шитьем покрывало и отключилась. Поэтому воскресенье, седьмое июня, началось для меня просто отвратительно.

Я не могла разлепить глаза. Я пыталась их открыть, но проклятые ресницы за ночь превратились в одну густую плотную массу наподобие пластилина.

Постанывая и покряхтывая, будто древняя старуха, я кое-как сползла с кровати, утянув за собой скользкое атласное покрывало. Наощупь, ударившись многострадальным правым бедром о свою арабскую тумбочку, я доковыляла до ван-

ной, где принялась ожесточенно тереть веки мыльной мочалкой. Неохотно, микрон за микроном, злодейская тушь наконец отстала от ресниц, и я смогла взглянуть на себя в зеркало.

Батюшки-светы! Я была похожа на клоуна, сбежавшего с циркового выступления в преисподней. Красные, с прожилками, глаза, окруженные грязно-серыми разводами. Расплывшееся вокруг рта цикламеновое пятно. В невесть откуда взявшихся морщинах скопились остатки румян и тонального крема. Про прическу я и вовсе не говорю – меня смело можно было выставлять на огород, ворон пугать до предынфарктного состояния.

Степочкин пластмассовый кораблик, лишившись чувств, с глухим стуком упал на дно ванны.

Понятно, без тяжелой уральской артиллерии тут не обойтись.

Из холодильника на кухне я достала фермерскую сметану – настолько жирную, что ее можно было принять за масло – и щедрыми горстями нашлепала полбанки себе на физиономию. Пока очищающая маска впитывалась, я посмотрела ранние утренние новости. Длинноносая телеведущая, фальшиво грустя, сообщила, что сегодняшний камерный концерт в честь участников международного экономического форума, похоже, состоится под проливным дождем: по прогнозу, сразу после торжественного обеда погода испортится.

– Как бы ты, милочка, подпрыгнула в своей студии, если бы узнала, что до концерта дело может вообще не дойти! Теперь все зависит только от меня, – сказала я телевизору и отправилась обратно в ванную.

Горячий душ немного остудил мой гнев по отношению к рыночной тетке, навязавшей мне проклятую тушь, и заметно улучшил общее состояние. В том числе и внешнее. Лицо приобрело свой нормальный оттенок, морщины разгладились.

Чтобы я еще хоть что-то купила по знакомству! – зареклась я, завязывая на талии пояс тигрового халата.

А потом, даже не позавтракав, лишь только схватив телефон с бесценной записью, побежала вниз и начала звонить в дверь к майору Уточке. Косметика по знакомству – это одно, а свой человек в полиции – совсем другое. Наверное.

– Люба, семь утра же! Воскресенье! Ради всего святого! Я же просил меня не трогать хотя бы в выходные!

Настроение у Володи было хуже некуда. Лохматые брови сошлись в одну, а темные глаза так и кидают в меня молнии.

На мгновение я почувствовала себя жалкой птичкой с новой картины, которая появилась в Володиной прихожей рядом с портретом скотчтерьера. Если верить прилепленной снизу бумажке, сия репродукция называлась «Охота на вальдшнепа», и, в полном соответствии с подписью, толстенький длинноклювый вальдшнеп безвольно болтался го-

ловой вниз в руках у подвыпившего матерого дядьки с ружьем.

Но смутить меня, как вам известно, не так-то просто.

– Доброе утро, Володенька! – прошебетала я как ни в чем не бывало. – Сейчас ты моментально проснешься. У меня для тебя ранний новогодний подарок!

– Что еще? – грубо отозвался он.

– Не желаешь ли ты, милый майор Уточка, предотвратить крупнейшее преступление в истории Санкт-Петербурга и вообще всего мира?

– Не желаю. – Володя был мрачнее тучи.

Я не сдавалась.

– Я вчера узнала такое... Такое... Ты не поверишь! Одна древняя секта – помнишь, я тебе рассказывала про Орден Королевской Кобры? – в общем, они, Володенька, готовят полное и окончательное истребление всех президентов и премьер-министров, которые съехались к нам на форум! А? Как тебе?

– Да никак.

– Что? Ты вообще меня слышал? Я говорю, всех вивов сегодня отравят на торжественном обеде в Константиновском! – Я как будто кричала в вату.

– Спасибо за информацию, Люба, – сухо сказал майор, почесывая под майкой живот. – Мы внимательно рассмотрим предоставленные вами факты.

– Володь, что происходит? – Я обессиленно прислонилась

к косяку его двери. – Почему ты не бежишь немедленно звонить во все колокола – или хотя бы полковнику Орлову? Ты понимаешь, что через несколько часов в Константиновском дворце произойдет непоправимое – погибнут лидеры крупнейших государств?

– Да-да, конечно, я все понимаю. – Володин тон мне совсем не понравился. Он разговаривал со мной как с бестолковым, капризным ребенком. – Конечно, погибнут, конечно, произойдет непоправимое. Да-да, Люба, не волнуйся, я все доложу полковнику Орлову.

– Подожди-ка, майор Уточка. – Я отлепилась от косяка и уперла руки в боки. – Ты что же это – не веришь мне?

– Верю, верю, как самому Господу Богу и семи его архангелам вместе взятым. Как же мне не верить такому надежному источнику, как ты, Любочка! – Голос его был пропитан сарказмом. – Признайся, успокоительных таблеток напилась на ночь? Кошмары снились?

– Да причем здесь кошмары! Что ты скажешь на это?

Я дернула ворот халата, едва не вывалив на всеобщее обозрение самое сокровенное, и продемонстрировала Володе воспаленную татуировку.

Майор смерил кобру критическим взглядом:

– Скажу, на что только не пойдет отчаявшаяся мамаша, чтобы вызвать к себе доверие и любой ценой вытащить ребенка из-за решетки! Прости, Люба, но я по-прежнему уверен, что ты фантазируешь. Все, мне пора.

Он потянулся к ручке. Однако я ловко влезла между дверью и косяком, потому что, по моему мнению, разговор еще не был окончен. А значит, он продолжится, даже если Володе это не по нраву.

– Хорошо. Точнее, ничего хорошего, это просто возмутительно, но вернемся к твоему отвратительному поведению позже, сейчас нет времени – до рокового обеда всего несколько часов. – Я достала телефон из кармана тигрового халата. – Я знала, что понадобятся весомые улики. И у меня есть одна такая. Если я дам тебе послушать аудиозапись тайного заседания Ордена Королевской Кобры, на котором заговорщики обсуждают свою чудовищную задумку – ты согласишься мне наконец?

– Посмотрим, вернее, послушаем. – Майор хотя бы перестал чесаться, и это уже было большое достижение.

– Сейчас, сейчас будет тебе шикарное доказательство... – приговаривала я, роясь в телефоне. – Сейчас ты упадешь передо мной на колени и начнешь вымаливать прощение за свое хамство, мой милый Володенька... Сейчас ты увидишь, фантазирую я или нет...

Ага, а вот и тот самый аудиофайл.

– Итак, приготовься к нечеловеческому унижению, майор Уточка! – провозгласила я и включила запись.

– Ш-ш-ш... – еле слышно раздалось из телефона. Потом: – Скрип-скрип... – Потом снова: – Ш-ш-ш...

На этом запись продолжительностью четыре секунды за-

кончилась.

Я посмотрела на Володю.

Володя посмотрел на меня.

– Ой, – пискнула я.

– Это всё? – спросил Володя.

– Сейчас-сейчас, погоди... – засуетилась я, нажимая кнопки телефона. – Наверное, что-то сбилось... Нет-нет, не может быть, чтобы это было всё.

Мы снова прослушали четырехсекундную симфонию для шипучки и скрипучки без оркестра.

Это действительно было всё.

Батюшки-светы.

Катастрофа.

Какая подлость со стороны современных технологий. Надо было взять с собой кассетный магнитофон.

– Да, – сказал Володя, нехорошо ухмыляясь. – Я унижен ниже некуда. Просто нечеловечески унижен. Эта запись, конечно, доказывает, что ты ничего не выдумала.

– Но я и правда ничего не выдумала! – воскликнула я. – Я была там, Володя! Я всё слышала и видела своими глазами! Вот, хочешь, могу пересказать по памяти: Черный Пес встретил меня во «Флёре», мы спустились с ним под землю, а там был этот старичок в балахоне и плетеных сандалиях, и еще одна наглая толстуха. Везде горели свечи, и старичок достал эту старую книжку. А потом меня накормили специями, меня едва не вырвало, и привязали к какому-то стенду

с ядом, а потом попросили рассказать, за что я ненавижу Романовых, а потом...

– Вот что, Любочка, – тихо сказал Володя. – Что я точно не намерен выслушивать, так это твои бредовые сны.

– Но... – вякнула я, собираясь еще сказать про ампулу с ядом.

– Хватит уж, Люба, хватит, ради всего святого! Я устал работать твоим психологом! Знаешь, сколько раз ты мне позвонила за эти пять дней? Тридцать два! Могу телефон показать, если не веришь! – Он уже кричал, наскакивая на меня, словно разъяренный скотчтерьер на барсука, высунувшего свой нос из норы. – Я все понимаю – сын в тюрьме, ты в отчаянии. Но у меня тоже есть своя жизнь, я не могу двадцать четыре часа в сутки тебя утешать! Я сделал все, что было в моих силах, я попросил своих приятелей в «Крестах» присмотреть за Степой, я попытался связаться с Орловым, честно, попытался – но больше я ничего не могу! Я всего лишь майор полиции, а не Господь Бог. Пожалуйста, избавь меня от своих бесконечных звонков, от своих домыслов и выдумок на постном масле... И вообще, по-моему, Люба, тебе пора обратиться к психиатру!

Дверь захлопнулась. От силы удара жестяной кругляш с номером «21» оторвался и повис на одном гвоздике, печально раскачиваясь из стороны в сторону.

Я остолбенела смотрела на кругляш, не в силах поверить, что Володя Уточка, – тот самый Володя, которого я сорок лет

назад качала на качелях и катала на санках во дворе, с которым сотни раз играла в «ку-ку», – только что скинул меня с санок прямо в снег, показав мне «ку-ку» у виска.

Мой давний друг меня предал.

Я опустила плечи и развернулась, чтобы уйти навсегда.

Не получит он ни полстакана сахара, ни луковицу. Никаких больше соседских одолжений.

Из квартиры выскочила Рита в моем цветастом халатике.

– Любочка, я слышала, как он на тебя орал, не обижайся. Он сегодня неуправляемый. Собирался на охоту, а его из-за форума вызвали на работу внеурочно. Скоро выходит на смену. Вот и сорвал злобу на тебе, понимаешь? Ничего, он после форума придет в себя. Загляни после форума, ладно?

После. После будет поздно.

Глава 20

Моя сестра немного похожа на Анну Ахматову. Прямая темная челка, неизменный узел на голове, нос с горбинкой. Она высокая и худая, в отличие от меня, и одевается в стиле Серебряного века: длинные однотонные платья, легкие шали, никакой бижутерии – только скучные «гвоздики» в ушах. Портрет поэтессы стоит у Глафиры на тумбочке, в одинокой унылой спальне старой девы. Лично мне больше нравится Лариса Рубальская, но сейчас речь не об этом.

Замерев в нерешительности перед новыми «Крестами», я вспомнила несколько строчек Ахматовой. Глафира цитирует ее к месту и не к месту. Обычно меня это ужасно раздражает – скажите на милость, ну кто в обычной жизни разговаривает стихами? – но именно этот отрывок запомнился, поскольку сестра прибавила, что поэтесса провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде: в «Крестах» (исторических, на Арсенальной набережной, тех, что из красного кирпича) у нее были заключены муж и сын.

«И я молюсь не о себе одной,

А обо всех, кто там стоял со мною

И в лютый холод, и в июльский зной,

Под красною, ослепшею стеною» .

Я, кажется, еще тогда подумала, что уж со мной-то ниче-

го подобного произойти точно не может – я для этого слишком хорошая мать. А вот сейчас, пожалуйста: собираюсь постучаться в глухую, обитую железом дверь, чтобы упрямых надсмотрщиков дать мне хоть минутку повидаться со Степочкой.

После ссоры с Володей я просто не могла усидеть дома. Напряжение зашкаливало. Вот что будет, если к кастрюле, в которой закипает вода, припаять крышку? Давление пара станет стремительно нарастать, и в конце концов кастрюля взорвется.

Пока майор отвечал на мои звонки, я чувствовала хоть какую-то, пусть косвенную, связь с моим сыночком. Но теперь – кто мог дать мне гарантии, что у Степочки все в порядке?

Я должна была его увидеть.

И я начала действовать.

Упал – не забудь подняться, так ведь?

Мои собственные поиски полковника Орлова, который мог бы организовать мне встречу с малышом, ни к чему не привели. Почему-то диспетчеры, отвечающие по номеру «02», ведут себя на удивление черство и не желают диктовать гражданам мобильные телефоны высокопоставленных сотрудников главка, даже если эти граждане бьются в истерике. Тоже мне, экстренные службы!

Поэтому мне ничего не оставалось, кроме как напечь оладушек-пятиминуток (на обстоятельные пирожки не было

времени) и на маршрутке отправиться в петербургский пригород – Колпино, где располагалось новое здание следственного изолятора. В этот раз я даже ни с кем не поругалась по дороге – если не считать небольшого инцидента с теткой на остановке, отвесившей критическое замечание по поводу моей вишневой сумки с крупными белыми сердечками, которой я ее случайно задела. Полагаю, я научила эту выскочку интеллигентности – в следующий раз она точно промолчит.

Пока тряслась в маршрутке, пыталась вспомнить – когда еще мы так надолго расставилась с моим зайчишечкой. И в Турцию ведь ездили вдвоем; и в поход на озеро вместе ходили; и на трехдневные гонки по бездорожью я тоже напросилась, кормила участников автокросса «Экстремальная жижа» гречей с тушенкой... И в армию я Степочку не отпустила, хотя он очень хотел служить; оформила справку, что у него ночное недержание. Липовую, конечно – здоровее моего малыша не сыскать!

Я не слышала его голос, не видела его милое румяное личико уже сто восемь часа. Невыносимо было думать, что Степочка, мой невинный, наивный ребенок, находится в одном здании с закоренелыми рецидивистами, убийцами, насильниками, грабителями. Хорошо хоть, Володя сумел организовать ему отдельную камеру с нормальным обслуживанием.

Маршрутка, поплутав по колпинским улочкам, высадила меня на остановке «Кресты-2». Позади остались обыкновенные спальные девятиэтажки, с детскими площадками и ма-

газинами, а прямо передо мной, среди зеленых полей, раскинули свои светлые крылья два грандиозных корпуса тюрьмы.

– Батюшки-светы, – прошептала я.

Как же Степочке повезло, что вся эта история случилась именно сейчас, а не полгода назад, когда подследственных еще отправляли в угрюмые казематы на Арсенальной набережной! Я в потусторонние явления не очень-то верю, но, говорят, в старом здании до сих пор бродит призрак его архитектора по фамилии Томишко. Яков Матвеевич рассказал совершенно несмешной «исторический анекдот». Томишко пришел на прием к Александру Третьему и, волнуясь, доложил: «Я построил вам тюрьму». Царь поправил его: «Не мне, а себе», – и бросил беднягу в камеру номер 1000. При том, что в здании было всего – внимание! – 999 камер. «Как хотите, Любовь Васильевна, но где могила Томишко – никто не знает», – заключил Яков Матвеевич.

Стены новых «Крестов» были выложены плитками цвета крем-брюле, со вставками благородного шоколадного оттенка. Никаких привидений, никаких вышек с часовыми, ничего гадкого или мрачного.

Тюрьма больше всего напоминала пятизвездочные отели в Анталье, работающие по системе «Ультра всё включено». Мы-то со Степочкой, когда были в отпуске, жили в скромных трех звездах над закуской, где круглосуточно жарили курятину. Но на первой линии моря красовались именно такие люксовые громадины – украшенные куполами, окружен-

ные хозяйственными постройками-спутниками, обнесенные высокими узорчатыми заборами. Ирония судьбы – Степочка так мечтал побывать в одной из этих роскошных гостиниц!

Пока я осматривалась, небо потемнело. Сгущались тучи. Солнечные лучи вязли в них, теряя свою ослепительную яркость. Дело шло к дождю. Добрый для любого петербуржца знак.

Я перевела дух, подошла к бежевой будке, от которой начиналась длинная крытая галерея, ведущая к основным корпусам, и толкнула железную дверь. Мда, в турецком отеле вы таких грубых материалов не найдете.

Обстановка внутри КПП тоже сильно отличалась от заграничного ресепшена. Никаких тебе экзотических букетов или, скажем, керамических ваз с яблоками. Простые оштукатуренные стены, железная скамья для посетителей и бронированная каморка постового.

На скамье сидели несколько человек, но я не стала занимать очередь, а решительно направилась к окошку постового, отодвинув плечом какого-то вялого дядьку в черной футболке. Достаточно я уже натерпелась! Не могу больше ждать!

– Молодой человек, я к Суматошкину Степану Петровичу, – сообщила я в окошечко безапелляционным тоном. – Не могу сказать, какой у него номер камеры, знаю только, что она отдельная и со всеми удобствами, вряд ли у вас таких много. Свертесь, будьте любезны, со своей системой регистрации и скажите, куда мне идти. Только объясните по-

дробно, а то буду еще по вашим коридорам до окончания века бродить.

– А? – ошалело переспросил юный постовой, выглядывая из окошка. Дядька, которого я бесцеремонно толкнула, тоже смотрел на меня во все глаза.

– Я от Володи, – промычала я, состроив таинственную гримаску а-ля Штирлиц. – От Володи Уточки.

– Какой уточки? – Постовой уставился на меня как на сумасшедшую.

– Батюшки-светы, наберут бестолковую молодежь, мучайся с ними, – вздохнула я и повторила погромче: – Я говорю, мне надо увидеться с моим малышом, Степаном Петровичем Суматошкиным, по рекомендации майора Уточки.

– Малышом? Мы здесь несовершеннолетних не держим. Сколько лет вашему мальчику?

– Двадцать пять, – воинственно заявила я. – Но для меня он навсегда останется ребенком!

– Понятно. Разрешение следователя, пожалуйста, – сказал постовой.

– Следователь в командировке, нет у меня его разрешения. – Я была раздражена неповоротливостью системы исполнения наказаний. – Но у меня есть знакомый майор полиции, я вам уже говорила.

– Тогда мне нужно разрешение суда. – Постовой, два вершка от горшка, был непреклонен. – В противном случае я не смогу пустить вас на встречу с заключенным. Несмотря

на всех ваших знакомых майоров вместе взятых.

– Молодой человек, – проникновенно сказала я и театрально взмахнула рукой, жалея, что постовой не видит меня во весь рост: – Я мать – неужели этого недостаточно?! Неужели вам нужны еще какие-то пошлые бумаги?

– Вообще-то да, нужны. – Прыщавый юнец с достоинством поправил фуражку. – Если у вас их нет – прошу не мешать. Отойдите, гражданка!

Я поняла, что разговор окончен.

– Может, оладушки вас немного смягчат? А, молодой человек? Только что со сковородки! Я и сгущенку захватила!

Постовой покачал головой.

Вялый дяденька с сочувствием посмотрел на меня и подвинулся обратно к окошечку.

– Хотя бы скажите, шампунь ему гипоаллергенный дали? – крикнула я постовому из-за дядькиной спины. – Степочка обычно «Крякряшкой» моется, с желтым утенком на упаковке. И обязательно детское мыло, а то раздражение начнется...

– Какая еще «Крякряшка», вы о чем? – повернулся ко мне дяденька в черной футболке. – Это же тюрьма, женщина.

– Я знаю, что тюрьма, но мне сказали, что моему малышу выделяют отдельный номер со всеми удобствами – с накрахмаленными полотенцами, баннным халатиком, трехслойной туалетной бумагой...

Кто-то в очереди расхохотался. Дядька покачал головой:

– Кто вам такое сказал? Это же Россия, женщина. Туалетная бумага! Да еще и трехслойная! Хорошо, если у вашего Степана хотя бы ватный матрас есть. И я сильно сомневаюсь, что при нынешней переполненности «Крестов» его поселили в одиночную камеру. Мне жаль вас расстраивать, но скорее всего, сидит ваш сын сейчас в теплой компании беззубых друзей, и счастьем будет, если у него самого все зубы пока на месте.

– Постойте... – Я не верила своим ушам. – Так у него там и телевизора нет?

– Конечно, нет.

– И ковролин не пылесосят?

– Что вы, нет в камерах никакого ковролина. Бетонный пол.

– Но как же... Как же все эти музеи и спортзалы, библиотеки и прочие новинки?

– Неужели вы думаете, что кто-нибудь пустит туда заключенных, женщина? В лучшем случае – надзиратели в них развлекаются, но скорее всего все эти помещения наглухо заперты.

Я покачнулась. Меня будто ударили в солнечное сплетение. Словно мне прямо в живот влетел каменный шар, которым разбивают дома.

Мой нежный, ранимый Степочка – в общей камере. Бах!
У него нет ничего, даже простыней. Бах!

Все это время Володя мне врал. Бах!

– Так он что там... – Меня осенила страшная догадка. – Он что там – голодный? Неужели ему на завтрак не дают свежесжатый сок?

– Да боже мой, гражданка, нет, конечно, – не выдержал постовой. – Разваренную кашу в лучшем случае.

Ну, не хочу утомлять вас лишними подробностями, но скандал, который я сразу после этого устроила в будке, был несусветным даже по моим меркам. Горе, разочарование, страх, усталость, накопившаяся за последние дни, – всё это слилось в гремучий коктейль, который я немедленно выплеснула на беднягу постового. Несчастному пареньку пришлось вызвать подкрепление. Сперва меня хотели сдать в полицию, но потом сжалились и просто выставили на улицу.

Некоторое время я билась в железную дверь, требуя пустить меня к сыночку – или хотя бы передать ему оладушки, завернутые в фольгу, еще теплые, со сгущенкой.

Но потом, сбив кулаки в кровь, я затихла и принялась бродить по полю вокруг забора. Достала театральный бинокль из своей вишневой в сердечках сумки – и стала высматривать Степочку в зарешеченных окнах.

Видимость была плохая – начал моросить дождь. Земля под ногами моментально размякла и стала заползать в мои ортопедические туфли – вот где подходящая трасса для «Экстремальной жижи».

Сейчас, на фоне грязно-серых туч, корпуса тюрьмы напо-

минали уже не турецкий отель, а большую больницу. Все окна в окулярах бинокля были однотипными, за решетками я видела лишь какие-то силуэты, и очень быстро у меня закружилась голова.

Зачерпывая грязь, я поплелась по полям обратно к остановке, припоминая один репортаж, который видела полгода назад в новостях. Длинноногая девица тогда рассказывала, что строительство новых «Крестов» сопровождалось сплошным криминалом: заказными убийствами подрядчиков, миллионными взятками, мошенничеством. Сплошные аресты. Вот парадокс: строители, наверное, ждут суда здесь же. Заточены в своей же тюрьме, как архитектор Томишко. Может, даже в одной камере со Степочкой.

Я всхлипнула – слез под дождем все равно не видно; но тут же тряхнула мокрой головой, от которой ужасно несло пивом.

Не распускаться, Люба!

Упал – не забудь подняться, так ведь?

Надеяться больше не на кого.

А значит, пришло время Немезиды из Купчина.

Глава 21

На самом деле, я немножко вам приврала. От отчаяния. Конечно, у меня еще оставались верные союзники.

Когда я вернулась домой, обнаружила два факта. Во-первых, я забыла свой мобильник на кухонном столе. Во-вторых, телефон аж разогрелся от количества поступивших звонков. Десять непринятых вызовов к одиннадцати утра воскресенья!

Итак, докладываю в порядке увеличения:

– один звонок от Глафиры, которой я вообще ничего не рассказывала про произошедшее. Незачем ее волновать. Она все это время думала, что мы остались в городе, дабы принять участие в кулинарном конкурсе «Вкусно до потери пульса». Желая поскорее от нее отвязаться, я быстренько ей перезвонила и допросила с пристрастием, как там поживают мои посадки на даче. Оказалось, что сестра полностью погрузилась в эксперимент, посвященный влиянию классической музыки на рост помидоров и огурцов, и звонила мне, чтобы узнать, где я храню виниловые пластинки с записью арий из опер Верди, Беллини, Штрауса и Моцарта. Я сказала, что подпираю ими ножку шкафа в гостевой комнате. Попутно выяснилось, что про другие мои растения Глафира совершенно забыла и ни разу их не полила, но, к счастью, начавшийся недавно дождь исправил ее огрехи. На проща-

ние я сказала ей, что вышла во второй тур конкурса «Вкусно до потери пульса», а потому мы задержимся здесь еще на какое-то время.

– по два и три звонка соответственно от Павлика и Андриюши. Мальчишки переживали, как я вчера сходила на заседание Ордена, и как я вообще себя чувствую. Ребята не поленились встать в выходной день ни свет ни заря – и все ради меня! Обычно они раньше полудня по воскресеньям не просыпались. Я сказала, что у меня все в порядке, но с подробностями пока повременила – маленькие еще, нечего их пугать коварными замыслами древнего Ордена или историями про отвратительные условия, в которых содержится их лучший друг. Оба предлагали помочь мне по хозяйству или еще чем-нибудь, но я отказалась – мне сейчас было не до домашней суеты.

– больше всего вызовов поступило от Якова Матвеевича. Четыре звонка! Для такого деликатного человека – это просто шквал эмоций. Посему я не стала ограничиваться сухими телефонными переговорами и решила заглянуть к соседу в гости. Предварительно переодевшись, конечно (неброская трикотажная кофточка расцветки «божья коровка», открывающая заманчивый вид на ложбинку, сверкающий павлин на груди, свежая пара черных брючек, коих у меня примерно полдюжины), и обновив свою пивную прическу.

Он моментально открыл дверь, словно только и ждал моего визита.

– Слава Мадонне, вы живы! – с облегчением выдохнул он. Кажется, я впервые видела Якова Матвеевича небритым – впрочем, его благородное лицо легкая серебристая щетина нисколько не портила. Напротив, придавала беззащитный вид. Словно броня его интеллигентной невозмутимости дала трещину. Он даже забыл про шейный платок – под домашним халатом виднелся лишь накрахмаленный воротничок рубашки.

– Слава мне, а не Мадонне, – заметила я, заходя в его квартиру. – Мадонна тут совершенно не причем. Только благодаря моей находчивости, изворотливости и безупречной логике я все еще жива. Но это, Яков Матвеевич, только внешне... Внутри меня выжженная пустыня – как та, в которой очнулся марокканский король из «Цветка миндаля», когда его пытались свергнуть с престола...

– Неужели заседание Ордена произвело на вас такое угнетающее впечатление? – взволновался сосед. – Я был уверен, что ваш дух непоколебим, что ничто и никто не может смутить вас...

– Ах, да причем здесь какой-то дурацкий Орден! – отмахнулась я. – То есть там тоже было страшно, но это все ерунда... Степочка, моя кровинушка!

И я обессиленно опустилась на табуретку в коридоре, слегка придавив спавшего на ней Ренуара. Котьяра взвыл и кинулся на кухню рыжим кудлатым вихрем.

– Степан? Что с ним? – с тревогой спросил Яков Матве-

евич. Степочка часто помогал ему по хозяйству: то новый стеллаж для книг соберет, то разболтавшееся колесо инвалидного кресла наладит, а то и просто так заглянет послушать удивительные истории про средневековых мореплавателей... Затем сосед прибавил еще что-то про Ахиллесову пяту, совершенно некстати – что мне до пыльных босых ног замшелых греков, когда с моим сыночком такое творится!

– Вы не поверите, милый соседушка, в каких условиях содержится мой невинный цветочек, мой чудесный ангелочек! – Я едва сдерживала слезы, рассеянно смахивая с черных брючек рыжие шерстинки. – С утра я поехала в новые «Кресты»...

– О нет, – вздохнул Яков Матвеевич. – Я этого боялся.

– Так вот, вообразите – все это время Володя плел мне сказки! Оказывается, нет там никаких пуховых одеял, нет там библиотечки приключенческих романов про кругосветные путешествия, даже фумигатора, и того там нет! А значит, моего сыночка кусают злые колпинские комары – а может, и того хуже, истязают злые сокамерники! – Я все же разрыдалась. – Представьте, Яков Матвеевич, он сидит в общей – в общей! – камере!

– Любовь Васильевна, несравненная моя, уверен, что Степан сможет постоять за себя. – Сосед пытался воззвать к моему здравому смыслу, не понимая, что когда материнское сердце стонет, разум молчит. – Вдумайтесь в эти внушительные цифры: ему двадцать пять лет, он в самом расцвете сво-

ей физической силы; почти два метра ростом; около ста килограммов весом. Разве сможет кто-нибудь его обидеть?

– Ах, это все видимость, Яков Матвеевич, – редела я, – а на деле он такой ранимый!

– Может, чай с трюфелями немного облегчит ваши душевные муки? – сочувственно предложил Яков Матвеевич. – Всё уже готово.

На кухне сосед включил чайник, который закипел сразу же – видимо, не раз подогревался. Заварочный пузанчик тоже был горячим, на столе стояли две фарфоровых чашечки с блюдцами и конфеты, мои любимые – трюфели.

Пока Яков Матвеевич разливал нам чай – на этот раз с терпкой вишней – я, не выбирая выражений, высказалась насчет всего, что думаю о новых «Крестах», о бездушной системе исполнения наказаний, о Володе и его беспросветной жестокости по отношению к подруге детства. Выговорила, отвела душу. Если честно, орала так, что Ренуар с испуга забился под антикварный, в янтарной мозаике телефонный столик в коридоре и тихо поблескивал оттуда зелеными фосфоресцирующими кругляшками.

Яков Матвеевич понимающе кивал и приговаривал: «Берите конфетки, Любовь Васильевна».

Когда я немного пришла в себя, сосед с нежностью сказал: – Знаете, а ведь я от беспокойства всю ночь не находил себе места.

Пожалуй, теперь я была способна вновь обратиться к со-

бытиям минувшего вечера. И даже кокетливо повести плечиком:

– Дайте-ка я угадаю: беспокоились за свой научный труд, Яков Матвеевич? Небось хочется поскорее получить Нобелевку за уникальное историческое исследование?

– Я беспокоился за вас, Любовь Васильевна, – просто ответил он. – Как могу я думать о науке, когда ваша жизнь в опасности?.. И просто чтобы вы знали – в списке номинаций Нобелевской премии нет истории, так что вряд ли я могу на нее рассчитывать... Разве что на премию мира – но не уверен, что хотел бы оказаться в одном ряду с Муссолини и Гитлером, которых номинировали на получение этой международной награды в 35-м и 39-м годах соответственно... Но мы отклонились от темы. Простите мне мою настойчивость, я понимаю, что мысли у вас сейчас заняты другим – но прошу, расскажите, что же произошло вчера на секретном заседании? Не терпится узнать.

Оклемавшийся Ренуар прыгнул к хозяину на колени и также выразил полную готовность к занимательному времяпрепровождению.

Знаете, есть большая разница – описывать удивительные события, стоя в дверях и глядя на кислую физиономию районного полицейского, или излагать то же самое, но уже сидя в удобном кресле, забрасывая в рот дорожные шоколадные конфеты и чувствуя, как талантливый ученый с умным и тонким лицом впитывает каждое твое слово.

Почти не отвлекаясь на трюфели, я яркими красками живописала Якову Матвеевичу страшную ночь. Подземелье, Главный Магистр в сандалиях, толстуха Воронцова, змеиный яд в пластиковой трубочке, отвратительные специи, татуировка – вот у этой аудитории мой нательный рисунок в виде Кобры имел оглушительный успех. Сосед так и впился взглядом в припухшую змею в короне. Я порадовалась, что надела нарядный розовый бюстгальтер с красными цветочками. С ума сойти – еще только половина двенадцатого утра, а я уже дважды оголила грудь перед посторонними мужчинами.

Когда же я сказала, что в целях конспирации прикрылась его фамилией, на благородном лице соседа отразилась целая гамма эмоций: и удовольствие, и мука от несбывшегося, и восхищение моей сообразительностью.

– И – да, Яков Матвеевич, я видела ее! Ту самую украденную старую книжку!

– Святые небеса! «Книгу Пряностей»?

– Ага. Этот негодяйский Главный Магистр нахваливал этого негодяйского Черного Пса за то, что тот ее раздобыл... А Степочка, бедняжка мой, страдает по ложному обвинению...

Меня пронзила огромная, как шпиль телебашни, боль. Чтобы хоть немного ее притупить, я засунула в рот сразу две трюфельины и самовольно подлила себе еще чая – на холостяцкой кухне Якова Матвеевича я чувствовала себя вполне

свободно.

– Так-так, и где же сейчас эта священная рукопись? – Глаза соседа посветлели от научного азарта. – Зная вас, несравненная Любовь Васильевна, я бы, пожалуй, не удивился, если бы вы сейчас вытащили «Книгу Пряностей» из своей сумки...

– Эх, хотела я ее стащить, – покаялась я, впрочем, не чувствуя за собой никакой вины, – да не вышло – они эту книжку, подлецы, сунули в стеклянный футляр. Никак к ней было не подобраться.

– Жаль, действительно жаль, – расстроился Яков Матвеевич. – Но хотя бы диктофонная запись у вас получилась?

– Самое обидное, что нет! – Я снова чуть не расплакалась. – Нельзя, нельзя доверять технике, Яков Матвеевич! Если бы не дурацкий телефон – подвел меня так невовремя! – Володя бы мне поверил...

Яков Матвеевич наклонил голову и с усилием потер седые виски.

– Я сам попробую с ним поговорить, Любовь Васильевна, – сказал он после паузы. – Полагаю, найдется у меня один убедительный аргумент...

– Какой? – тут же спросила я с любопытством.

– Простите, я не имею права обнадеживать вас понапрасну, поэтому не могу пока посвятить вас в свои предположения, – твердо заявил он, повернувшись ко мне аристократическим профилем. И сразу сменил тему: – Мне очень при-

ятно, Любовь Васильевна, что вы носите мой подарок, я рад был вам угодить...

– Да, Яков Матвеевич, павлин просто шикарный! – с благодарностью отозвалась я.

Сосед бросил взгляд на брошь (как умно было с моей стороны надеть кофточку с вырезом!) и, против ожидания, нахмурился:

– Если позволите, Любовь Васильевна, я бы хотел рассмотреть украшение поближе – кажется, из хвоста птицы выпал камешек...

– Правда? – удивилась я, опустив голову и разглядывая брошь. – Я никаких дефектов не вижу.

– Разрешите? – Он протянул узкую ладонь.

Я едва не возмутилась во всеулышание – тоже мне, интеллигент называется! – но вовремя сообразила, что Яков Матвеевич не собирается варварски хватать меня за грудь, а тихо ждет, пока я отстегну павлина и положу ему в руку.

– Да, так я думал. – Прищурившись, сосед бережно ощупал блестящую птичку. – Не хватает одного сапфира.

Я расстроилась. Неприятно, когда обновка хороша лишь на девяносто девять процентов.

– Не переживайте, Любовь Васильевна, – успокоил меня сосед. – Оставьте павлина мне, я его обменяю на нового – коллеги привезут из Эрмитажа.

– Вам не сложно? – обрадовалась я.

– Ну что вы, это же мой подарок, я ответственен за то, что-

бы он был идеальным. Вы достойны самого лучшего, несравненная Любовь Васильевна. – И снова этот ласковый, но при этом – полный грусти взгляд. Он убрал павлина в лаковую шкатулку, стоявшую тут же, на подоконнике среди книг – подальше от страшно заинтересованного птичкой Ренуара. – Брошь – эта такая малость... Как жаль, что я не могу защитить вас от всех перипетий судьбы... Заклинаю, Любовь Васильевна, успокойте меня, пообещайте, что вы не воспользуетесь приглашением Главного Мошенника и не пойдете сегодня на форум!

Похоже, Яков Матвеевич искренне за меня переживал. Он всем корпусом подался вперед, руки умоляюще сжаты.

– А что мне там делать, на форуме? – пожалала я плечами. – Готовить вместе с Кобрами отравленные кушанья? Остановить этих безумцев я все равно не смогу, а если даже и остановлю – что толку? Районная полиция в лице майора Уточки мне снова не поверит, полковник Орлов по-прежнему недоступен... Нет, Яков Матвеевич, я лучше отлежусь дома, сериал посмотрю, сегодня повтор всех серий за неделю...

– И правильно, Любовь Васильевна, правильно, – успокоился сосед. – Зачем вам становиться соучастником крупнейшего преступления со времен китайской императрицы Цыси?

Ренуар у него на коленях сладко потянулся и перевернулся на другой бок.

– Кого? – переспросила я. – Какой еще Кисы?

– Цыси, – поправил меня Яков Матвеевич. – Достоянная продолжательница традиций «аптекаря сатаны» Борджиа, а также жестоких римских властителей Калигулы и Нерона. Эта малосимпатичная компания все свои проблемы решала при помощи ядов. Нерон подавал своим врагам к столу отравленную воду и натирал им нёбо смертельно опасными растениями, Калигула завел огромный сундук, набитый пакетиками с ядами, при этом собственноручно подписывал каждый пакетик именем отравленного этим ядом недоброжелателя... Про Папу Римского Александра Шестого Борджиа и говорить нечего – добавлял яд в фрукты и даже церковные просфоры... Вот и Цыси, родившаяся в 1861-м, начинала как скромная наложница китайского правителя. А затем, благодаря отравленным бульонам и печеньям, ухитрилась стать безграничной государыней всей Поднебесной.

– Батюшки-светы! – подивилась я, доедая последний трюфель и потихоньку облизывая с пальцев налипшую на них шоколадную пыль. – Вот нахалка!

– А что вы, Любовь Васильевна, тогда скажете по поводу французской королевы Екатерины Медичи? – Яков Матвеевич, увлекшись историческим экскурсом, выпрямился в кресле, глаза его горели, рука крепко обхватила поручень. – Она дарила своим приближенным отравленную косметику, отравленные духи, отравленные веера – даже отравленные перчатки!

В ажитации сосед схватил меня за руку – немного липкую

после трюфелей и последующего облизывания, – но, кажется, он этого даже не заметил.

– Представьте, Любовь Васильевна, вы надеваете перчатку, подаренную вам королевой – и ваша кожа краснеет, покрывается сыпью, начинает зудеть, чесаться, потом вы чувствуете, что вам не хватает воздуха...

– Легко! – воскликнула я. – У меня такое было. Купила прошлой зимой на рынке кожаные перчатки, а они были пропитаны какой-то дрянью, для прочности и долговечности – неделю потом отмачивала руки в отваре ромашки!

Яков Матвеевич улыбнулся:

– Вот-вот – только в случае с подарком королевы ромашка бы не помогла; как не помогли никакие противоядия Жанне д'Альбре, королеве Наваррской, получившей от Екатерины Медичи пару таких вот перчаток...

Тут я поняла, что мы до сих пор держимся за руки. Ладонь у него была прохладная и приятная.

Яков Матвеевич замолчал. Мы смотрели друг другу в глаза. В воздухе сгустилось напряжение.

Видимо, его почувствовал и Ренуар. А может, ему приснилось, что я на него снова плюхнулась, не знаю. Так или иначе, но котяра, мирно спавший до сих пор на коленях хозяина, ни с того ни с сего вдруг дернулся, заорал дурным голосом и спрыгнул на пол, полоснув задними лапами Якова Матвеевича.

Тот ойкнул и выпустил мою руку.

Ренуар, нагло ухмыльнувшись и задрав трубой рыжий хвост, проследовал к своей миске и уселся возле нее, всем своим видом демонстрируя, что если я претендую на его сухой корм, то зря – ничего-то мне не достанется, ни крошечки, ни полкрошечки.

– Что ж, Яков Матвеевич, – я встала, – спасибо за трюфели и интересные факты, но мне уже пора – неприлично заставлять марокканских принцесс ждать. Аревуар, соседка!

Глава 22

Лет пять назад Степочка научил меня играть в покер.

Пока Петенька был на работе, в автосервисе, мы со Степой приглашали Павлика, Андрюшу, еще пару мальчишек; я накрывала кухонной стол зеленым сукном, готовила закуски (никаких чипсов! только полезные пирожки и сыр-ные палочки), разливала по бокалам домашний яблочный сок (по цвету он очень похож на виски, но при этом все остаются трезвыми); и битва лучших умов Купчина начиналась.

Сигары в своем доме я курить не разрешала, разумеется.

В общем, если хотите знать мое личное мнение, покер – игра бессовестных врунишек. Мой Степочка, открытая душа, всегда оставался в дурачках. Так же как и Андрюша. Самая захватывающая борьба обычно разворачивалась между мной и Павликом, в то время – студентом юридического факультета, нахватавшимся от своих преподавателей умения крутиться, как уж на сковородке, и искусно лгать, не меняя бесстрастного выражения лица.

Что бы ни говорил вам Павлик, не верьте – выигрывала всегда я! Я отлично блефую. Я могла бы открыть курсы по обучению блестящему, восхитительному, безупречному блефу.

Думаю, милые мои, вы убедились в моих способностях, когда мне удалось заверить Якова Матвеевича, что я не соби-

раюсь идти ни на какой форум, а собираюсь наподобие сардельки валяться на кровати и смотреть сериал. Уж вы-то знаете, что я не способна отсиживаться в укрытии, пока судьба моего сыночка не решена!

Конечно, Яков Матвеевич обещал поговорить с Володей – но я знала, что от этого ничего не изменится. Стену лени и безразличия, которую выстроил вокруг себя майор Уточка, было не пробить даже уважаемому доктору наук.

Получается вот что. Если я не поеду сегодня вечером в Константиновский – Кобры свершат задуманное, мировой порядок рухнет, а мой Степочка так и останется в «Крестах» – очаровательных снаружи и уродливых изнутри. Никогда и никому не удастся доказать его невиновность. Он просто погибнет в водовороте исторических событий.

Если же я рискну собой, встану на пути рыцарей Ордена, да еще и сумею собрать доказательства их преступного замысла – вот тогда полиция так просто от меня не отделается! И мой малыш наконец-то окажется на свободе, в тепленькой чистенькой постельке, с чашкой горячего сладкого чая и его любимыми горячими бутербродами с вареной колбасой, тягучим сыром, шампиньонами и тонкими ломтиками помидоров. Да, в качестве исключения я разрешу моему зайчонку перекусить прямо в кровати.

Так, теперь – доказательства.

Мне нужны будут бесспорные, железобетонные улики. Надежнее татуировки.

Лучшим доказательством была бы «Книга Прыностей» – но в случае неудачи Кобры сожгут ее раньше, чем я успею сказать «болиголов», да еще и покончат с собой, лишь бы только не попасть в руки правосудия, вот и останусь я, как полная дурочка, без свидетелей.

В задумчивости я отправилась в ванную, намочила тряпку и принялась мыть пол в прихожей; наследила, когда вернулась вся мокрая из Колпина. «Как обидно, что я потерпела такое фиаско с диктофоном! – думала я, возя тряпкой туда-сюда по бежевому линолеуму „под французский камень“. – Аудио-, а лучше – видеозапись убила бы не только Володю, но и полковника Орлова наповал. Шикарная была бы улика... Да, нужно снять кухню Константиновского, где сегодня будут твориться страшные делишки, на телефон... На себя надежды нет, хватит уже и одного провала... К кому же обратиться? Кого взять себе в помощники по высоким технологиям? Жаль, Стив Джобс не работает в моей школе – я бы его сейчас моментально привлекла... Павлика с Андрюшей жалко, маленькие они еще, да и не пустят их на форум без пропуска... Вот бы кого из участников подговорить – молодого, прогрессивного, верящего в Степину невиновность... Да где ж такого найдешь, никто из участников ни меня, ни Степочку, скромного автослесаря, не знает, а значит, рассмеются мне прямо в лицо...»

Тут я охнула и села прямо на влажный пол.

Батюшки-светы, погодите-погодите! А ведь один из участ-

ников пафосного форума – точнее, камерного концерта, приуроченного к сегодняшнему торжественному обеду – прекрасно знает и меня, и, что важнее, моего сыночка! Молодость – да; прогрессивность – да, и даже чересчур; уверенность в Степиной невинности – о да! Подходит по всем пунктам!

Есть только одна загвоздка – я этого участника, вернее, участницу, терпеть не могу.

Однако во имя Степиной свободы придется стиснуть зубы и переступить через себя.

Итак, Пантера.

Без дурацкой рокерши мне не обойтись. Уж не знаю, кто пригласил эту девицу выступать на таком важнейшем мероприятии (опозорит только наш изысканный город своей пещерной недомузыкой), но ее аккредитация мне сейчас ой как на руку.

Дверь она открыла не сразу, и я вдруг испугалась, что она уже уехала в Константиновский на репетицию. Но нет – Пантера была дома. Час дня на дворе – а она вся заспанная, помятая, как суслик после долгой уральской зимы. Суслик-хедлайнер фестиваля «Лес, наркотики и рок-н-ролл» – потому что разве бывают у обычных грызунов сине-черные дреды и сережка-гвоздик в носу?

– У тебя же, Катерина, концерт через несколько часов, – не поздоровавшись, сказала я с упреком. – А вы посмотрите, люди добрые, на кого она похожа!

Никаких добрых людей вокруг не было, одни мы стояли на лестничной площадке, но театральность у меня в крови.

– Чего вам, тетя Люба? – зевая во весь рот, спросила Пантера. – Поорать не на кого? Пришли душу на мне отвести?

– Во-первых, не тетя Люба, а Любовь Васильевна, – поставила я зарвавшуюся девицу на место. – Во-вторых, вот тебе твоя байкерская одежонка. И в качестве подарка – «Руководство усердной хозяйки» издания одна тысяча девятьсот пятьдесят первого года.

Худенькие руки Пантеры едва удержали увесистый томик в комплекте со стопкой ее барахла, выстиранного и выглаженного.

– Где вы взяли эту рухлядь? – ошеломленно спросила девица, имея в виду мое «Руководство». Хорошо бы ей, конечно, подарить «Энциклопедию мудрости», но я все никак не могла ее начать.

– Где-где, – сварливо отозвалась я. – Допустим, купила.

– Бросьте заливать, – снова зевнула Пантера. – Вы бы ни копейки на книжку не потратили.

– Ну ладно. Ладно! Из школы взяла, когда еще там работала, – созналась я без ложного стыда.

– То есть украли, – удовлетворенно подытожила Пантера.

– А вот и нет! – не согласилась я. – Книжка-то казенная, значит, ничья!

– Ах вот как. Вы ее хоть раз-то читали? – насмешливо спросила девица.

– А зачем? Я про домашнее хозяйство получше автора все знаю. А вот тебе, милочка, очень даже не помешает ее изучить.

– Ясно, – сказала Пантера.

– А где спасибо? – потребовала я.

– За что? За ворованную рухлядь? Ну, тханк йоу.

Я вполне удовлетворилась этим японским, а может, китайским выражением.

– Это всё? – поинтересовалась Пантера. – А то у меня уже руки устали эту древность держать, вы бы еще глиняные таблички притащили, честное слово...

– Нет, есть еще кое-что. Но об этом не здесь. Давай-ка пройдем в квартиру.

Избавившись от ноши, Пантера сделала жалкую попытку показаться гостеприимной хозяйкой и предложила мне заваренную кипятком китайскую лапшу и пластиковую вилку к ней. Лапша пахла остро, греховно-соблазнительно, какими-то химическими приправами (небось у Главного Магистра сердечный приступ тут же и случился бы, сунь он в эту коробочку свой чувствительный нос), но выглядела противно, к тому же меня слегка подташнивало после десятка трюфелей. Я отказалась, приняв оскорбленный вид, словно королева, которой предложили угоститься старой портянкой, сваренной в бульоне из гусениц. Пантера пожала плечами, сама взяла эту вредную пародию на макароны, уселась по-турецки на свой матрас и принялась активно наматывать лап-

шу на гнущиеся зубцы.

– Как у вас прошло с Черным Псом? – между делом поинтересовалась она, прямо ртом выхлебывая химический бульон из коробочки. – Не скинул он вас в ремонтную яму? А то он парняга отчаянный, церемониться не будет. Я к вам заходила вчера, узнать, как делишки, но не застала.

– Не скинул, не скинул, мы с ним теперь лучшие друзья, с твоим Черным Псом, – отозвалась я, разглядывая ее гитару, разрисованную розовыми черепушками и угольными розами. – Встречаемся с ним сегодня вечером. Собственно, по этому поводу я к тебе и пришла...

– Подождите-ка, а что это там у вас выглядывает из выреза на груди? – прервала меня Пантера, отложила в сторону свою пластмассовую еду и живо вскочила с матраса.

– Ничего! – Я попыталась спрятаться за ударной установкой, но Пантера оказалась проворнее.

Она преградила мне путь к отступлению, всмотрелась в красную припухшую кожу и воскликнула:

– Как же ничего, если я и за тысячу миль узнаю татуху! А ну-ка покажите!

Я тяжело вздохнула и оттянула кофточку.

– Вау, – с уважением сказала девица. – Сильно. Совсем как у Псины. Теперь верю, что вы с ним закорешились. Давайте подробности.

Рассказ мой о событиях последних двух дней вызвал в аудитории, вернувшейся на матрас к своей лапше, нездо-

ровый смех и неприятные ухмылки. Если Володя просто не стал меня слушать, а Яков Матвеевич благоговейно ловил каждый звук, вылетающий из моих ярко-малиновых губ, словно имел дело с хором ангелов, то здесь я получила пусть и внимательного, но весьма иронично настроенного слушателя. Пантера то и дело отвешивала едкие комментарии вроде «Вы хотите сказать, что байкеры сами захотели есть сосиски из ваших рук, как ручные зверьки?», а также «Ну да, ну да, и Главный Магистр втюрился в вас, как глупый мальчишка». И потом, особенно насмешливо:

– В жизни не поверю, что вы на вкус угадали все специи и вот прям ни разу никуда не подглядели!

Ах да, если вы решили, что я этой девице выложу, как на исповеди, что я протерла ресницами щелочку в повязке, то вы меня плохо знаете. Конечно же, я приписала себе превосходное знание специй, чтобы Пантера устыдилась, как бездарно она проживает жизнь и что перед ней стоит Учитель, Наставник, с которого следует брать пример.

– Нет, ну как тебе не стыдно такое подумать, Катерина! Конечно, я никуда не подглядывала! – бурно возмутилась я. – Я что, похожа на обманщицу?

Пантера лениво бросила прямо на пол пустую коробочку из-под лапши и кивнула:

– Еще как.

– Что?! – вознегодовала я.

– Да бросьте, вы и сами знаете, что на конкурсе проныр

всех времен вы бы заняли первое место, обойдя Жоржа Милославского, «быков» с Уолл-стрит и «Милли Ванилли».

– Кого? – ошеломленно переспросила я.

– «Милли Ванилли», – повторила Пантера. – Знаменитый немецкий дуэт конца восьмидесятых. Когда эти баварские кренделя продали четырнадцать миллионов пластинок и даже получили «Грэмми», случайно выяснилось, что они вообще не умеют петь. Песни за них записывали «музыкальные негры». «Грэмми» парням пришлось сдать обратно, хоть и не хотелось. Короче, им бы у вас, тетя Люба, поучиться вранью.

Никто не смел так разговаривать с Любовью Васильев-ной Суматошкиной: заслуженным учителем, человеком кри-стальной честности и порядочности высшей пробы, образ-цом материнства, будущим автором «Энциклопедии мудро-сти»!

Да, наедине с собой я могла признать, что овладела искус-ством лжи в совершенстве. Более того, даже гордилась этим. Но чтобы какая-то девица, в дредах, пирсинге и татуировке, мне указывала!

Ладно. Придется стерпеть. Потом с ней поквитаюсь. Вы-зову к ней санитарную инспекцию, например.

– Вот что, милочка, – сказала я. – Оставим взаимные под-колки. Давай по-деловому. Ты все еще хочешь помочь Сте-почке?

– Ёлки, что вы спрашиваете? Ясень пень, хочу.

Я немного удивилась, как в наш разговор в очередной раз влезли еловые пни, но подумала, что, может, Пантера – дочка новгородского лесника, и продолжила:

– Ты и правда будешь выступать перед президентами, Катерина?

– Ага. Сказала же – жду-не дождусь суперсейшна. Я, в отличие от вас, вру редко. Не люблю я это дело. Вранье унижает меня как личность.

– Глупенькая ты еще совсем, ничего-то в жизни не понимаешь, – вздохнула я с высоты прожитых лет. – Ладно, лучше скажи: тебе выдали пропуск в Константиновский?

– Не пропуск, а аккредитацию, – поправила меня Пантера. – Энд йес, выдали.

– А твой пропуск... да, я помню, аккредитация... позволит тебе пройти на кухню Константиновского?

– Без понятия, надо глянуть.

Пантера, аккуратно ступая худыми ступнями между мусорными кучками на полу, дошла до подоконника, где в общей горе всякого барахла валялась наглаженная мной одежда, и из-под «Руководства усердной хозяйки» вытащила сине-белый бейдж – на красной ленте, с крупными буквами «ПМЭФ», корабликом Адмиралтейства и ее цветной фотографией в ужасных дредах.

– «Уровень доступа: серебряный», – прочитала она. – Что бы это значило?

– На месте выясним, – решительно сказала я. – Главное,

что хоть какой-то пропуск у тебя есть. Теперь следующий вопрос: готова ли ты, милочка, пожертвовать своими принципами ради моего сыночка?

– В каком смысле?

– У меня, Катерина, родился такой план, – я доверительно понизила голос. – Мы с тобой идем на кухню Константиновского. Якобы чтобы поучаствовать в подготовке торжественного обеда. А на самом деле – чтобы заснять на телефон, как Кобры подсыпают отраву в еду. Снимать будешь ты. Сумеешь?

– Не вопрос. Это любой идиот с разумом слизняка сможет. – Пантера небрежно махнула тоненькой ручкой. Я предпочла промолчать. – Но Главный Магистр приглашал только вас. Что он скажет, если вы приведете еще и меня?

– А мы притворимся, что незнакомы. Я буду сама по себе. А ты сделаешь вид, что случайно заметила в залах дворца Черного Пса, вновь вспылала к нему страстной любовью и хочешь вернуть его любой ценой, пусть даже для этого придется ползать перед ним на коленях и мыть за ним посуду. Что тебе, видимо, и придется делать, пока я купаюсь в лучах обожания Главного Магистра.

Пантера снова ухмыльнулась, сверкнув пирсингом в ноздре.

– Ну-ну. Окей, попробуем блефануть. А причем здесь мои принципы?

– Как же, – сказала я. – Ты же, милочка, ненавидишь во-

ду, моющие средства и вообще все, что относится к чистоте и гигиене... Поэтому я тебе, собственно, и принесла «Руководство»... А на кухне ведь придется оттирать грязные тарелки!

– Позвольте, тетя Люба, я вам кое-что покажу. – Вместо ответа Пантера вывела меня из замусоренной комнаты в прихожую и включила свет. Я ахнула. Батюшки-светы! – Если я ради свидания с вашим Степой в тюрьме даже пол в коридоре вымыла, да со стиральным порошком, выполнила ваше фантастическое условие – неужели с какими-то тарелками не справлюсь?

Глава 23

Однажды мы с Глафирой поехали в Стрельну за упаковками из-под яиц. Знаете, такими ячеистыми, из серого пористого картона. Одна подружка по большому секрету рассказала мне, что какая-то знакомая ее знакомых, уволенная с местной птицефабрики, по символической цене отдает две сотни упаковок, которые она, уходя с предприятия, прихватила в знак протеста против произвола администрации.

Вы спросите, зачем мне эти картонки? Вот сразу видно, что вы не советский дачник! На шести сотках упаковкам из-под яиц найдется шесть сотен применений. Ну, например, выложить дорожки между грядками. Или высадить в ячейки рассаду, а потом прикопать их в огороде, корни прорастут сквозь картон. При наличии хотя бы минимальной фантазии можно соорудить из лотков упругие пуфы или абажуры для светильников. Картошка, помидоры, лук – урожай отлично себя чувствует в отдельных ячейках и долго остается свежим. Лично я в одной из упаковок храню для будущих внуков цветные мелки, коих осталось великое множество с тех пор, когда Степочка был маленьким.

Но в данном случае яичные картонки нужны мне были для другого. Я собиралась обшить ими гостевую комнату – а что, великолепное утепление и звукоизоляция!

Перевезти бы упаковки на «Ниве»; но Степочка, как на-

зло, тогда приболел, посему я взяла в охапку вяло протестовавшую Глафиру, которая совсем не хотела участвовать в добывании яичных лотков, и на электричке мы отправились в Стрельну.

Экспедиция наша тогда закончилась неудачей; на почти бесплатные картонки налетели противные тетki со всех концов Петербурга и Ленинградской области, а одна не поленилась притащиться аж из Псковской области; приехали мы с Глафирой на улицу Коммуны к шапочному разбору. Уволенная работница птицефабрики только руками развела и предложила вместо лотков взять по дешевке четыре двадцатипятикилограммовых мешка куриного корма; но им же комнату не утеплишь!

Ушли мы раздосадованные – ненавижу проигрывать; я злилась на противных теток, явно бывших участниц Олимпийских игр по забегам на длинные дистанции с барьерами; злилась на растяпу-работницу, стащившую так мало упаковок; злилась на Степочкиных коллег, заразивших его гриппом; и уж конечно, злилась на Глафиру, задержавшую меня своими бесконечными сборами. То шарф к юбке не подходит, то шпилек для прически не хватает, то еще какая-нибудь ерунда.

В общем, тогда погрузились мы с ней, мрачные, в электричку, и только я открыла рот, чтобы высказать ей все, что я думаю о ее копошении и бессмысленной возне, как лицо сестры озарилось, она театрально простерла руку к окну, за-

дев при этом какую-то безвинную старушку, и принялась декламировать возвышенным тоном, который я терпеть не могу:

– Ты безмолвно, затихшее море,
Ты безбрежен, привольный простор.
Как от шумного, тесного света
Здесь и слух отдыхает, и взор.

Но надолго ли это затишье,
И всегда ли ясна эта даль?
Как и в сердце, живут, чередуясь,
В мире радость и злая печаль .

Задетая старушка покосилась на Глафиру, но ничего не сказала – мало ли ненормальных в общественном транспорте! А я раздраженно спросила:

– Опять твоя Ахматова?

– Нет, Любочка, это же К.Р. – великий князь и поэт Константин Константинович Романов, брат владельца этого великолепного «русского Версаля», – умильно ответила Глафира, показывая на солидный дворец с арками, колоннами и флагами за окном электрички. – Он написал эти прекрасные строки, находясь здесь, в великокняжеской резиденции на берегу Финского залива, словно предчувствуя, что впереди его семью ждут нелегкие времена. «Грянет гром, разбу-

шутется буря – будь готово к отважной борьбе», говорит он, обращаясь к своему сердцу...

– Ты бы лучше не о сердцах и прочих внутренностях своих поэтов рассуждала, – сварливо отозвалась я. – А о том, как нам теперь утеплить гостевую спальню, в которой щели с руку толщиной. Небось ни твоя Ахматова, ни твой К.Р. такими насущными проблемами себя не загружали. В их стихах ты ответа на вопрос, где достать яичные упаковки, не найдешь. Буря у него, видите ли, разбушуется. А что делать, если сквозняк разбушевался?

И вот надо же – спустя несколько лет я стояла перед входом в Константиновский дворец (боковым, конечно, кто же прислугу в парадные двери пустит), машинально стряхивала капли дождя со своей куртки с капюшоном и думала о том, что мне сейчас, как и бывшим владельцам этого внушительного здания, тоже предстоит отважная борьба, исход которой совершенно неясен. Если со сквозняком на даче мы тогда кое-как справились – при помощи абсолютно бесплатного мха из ближайшего лесочка, – то теперь я имела дело с гораздо более опасным противником. «Наделала дел ваша прапрабабушка Екатерина Вторая, – попрекнула я тени великих князей, наверняка бродившие под центральными барочными сводами, украшенными коваными фонарями на цепях, – а мне теперь расхлебывай».

Проходная Константиновского для лиц незначительных и мелких, вроде меня, простой поварихи, не слишком отли-

чалась от пропускного пункта «Крестов», где я была сегодня утром. Та же бронированная стеклянная клетка для постового; те же турникеты и скучный интерьер. Как-то даже и не чувствовалось, что я попала во дворец. Наверное, раньше здесь обитал дворник, или хранились великокняжеские сани.

Сегодня же тут толпились посетители и охранники, причем последних было раза в два больше, чем первых. Желающих попасть в Константиновский просвечивали, прощупывали, протряхивали, пропускали через рентген, пронзали опытным взглядом насквозь.

Прямо передо мной мужчина с незапоминающимся лицом работника спецслужб (трехцветный значок ФСО на лацкане пиджака, из уха тянется витой проводок телесного цвета) изучал паспорт уборщицы, которая, по ее словам, работала здесь уже не первый год; кажется, он даже на вкус документ попробовал. Другой агент тем временем просканировал скромную сумку уборщицы и обыскал ее саму с ног до головы.

– Еще удостоверения личности есть? – тихо спросил первый охранник; похоже, он остался недоволен результатами своего дегустационного эксперимента с красной книжницей. – Водительское, загранпаспорт?

Уборщица, чуть не плача, сказала, что прав у нее отродясь не было, загранпаспорт лежит дома в третьем ящике комода, а живет она в полутора часах езды отсюда. ФСО-

шник невозмутимо сообщил, что без второго удостоверения личности он ее не пропустит, здесь сегодня соберутся восемнадцать президентов и шесть премьер-министров, в том числе четыре женщины, рисковать он не имеет права, так что пусть отправляется домой за своим загранпаспортом. Уборщица ударилась в истерику, кричала, что ее уволят, если она опоздает на три часа на работу, и вообще предупреждать надо. Ее вежливо спросили: «Вы уборщица?» Она ответила: «Да». «Вот и очистите от себя помещение». На этом разговор был окончен. Подошла моя очередь.

Меня трясло от волнения. Батюшки-светы! Я и не подозревала, что здесь все так серьезно! Попасть в резиденцию нынешней аристократии оказалось сложнее, чем на прием к самому государю императору. А я-то, дурочка, представилась Кобрам как Любовь Васильевна Вальтер, а не Суматошкина, и когда сегодня днем звонил Черный Пес, продиктовала ему выдуманные на ходу паспортные данные. Это что же сейчас будет? В Константиновский я, конечно, не попаду, а может, меня даже арестуют за подмену личности! И отправят в те же «Кресты», где сидит Степочка – в соседнюю камеру. Будем с ним до конца жизни перестукиваться...

– Фамилия! – потребовал первый охранник, глядя в свои списки.

– Э-э... – замялась я, отчаянно соображая, как бы мне теперь выпутаться из этой передраги.

– Фамилия, гражданка! – Охранник поднял глаза.

– Ва... Ва... – жалко квакала я, прикидывая, сумею ли я, как поется в известной песне Аркаши Укупника, быстренько съесть свой паспорт, чтобы никто здесь не узнал мою настоящую фамилию. – Вальтер... – промямлила я наконец, решив, что брошусь сейчас к двери, распылив ближайшему охраннику в глаза духи «Персидская гурия».

– Любовь Васильевна? – уточнил ФСО-шник, найдя «мою» фамилию в начале списка.

– Да. – Я незаметно пятилась к выходу, сердясь на Якова Матвеевича, что он вчера не сподобился сделать мне предложение руки и сердца. Лучше бы вместо дурацкого павлина подарил обручальное кольцо, сегодня утром слетали бы уже в ЗАГС, и была бы я официально Вальтер, а не Суматошкина! Вот. Нерешительность моего соседа всему виной.

– Паспорт?

– Э-э, видите ли... – начала я, опустив руку в сумку (белую, с громадной разноцветной бабочкой) и нащупав среди всякого барахла флакончик духов. – Тут вот какое дело...

– Ложись! У нее оружие! – раздался хриплый мужской голос откуда-то сбоку.

Посетители завопили и повалились на пол. Ко мне подскочили сразу двое агентов с абсолютно одинаковыми лицами, сорвали с плеча сумку и заломили руки за спину. Я выронила флакончик. «Персидская гурия» со звоном покати-лась по кафельному полу.

– Это не оружие! Это духи! – жалобно пискнула я, корчась

от боли в плечах и запястьях.

ФСО-шник в пиджаке аккуратно, словно имел дело с милой времен Великой Отечественной, поднял золотистую баночку с пола и прочитал название:

– «Персидская гурия»... – Он понюхал распылитель и отшатнулся с перекошенной физиономией. – Это не могут быть духи. Запах сшибает с ног. Я чувствую сильнейшее головокружение и тошноту. Это... Это самое настоящее химическое оружие. Такое в ходу у арабских террористов, причем у наиболее беспощадных группировок. Я должен вызвать начальство. – И он сказал в рацию какую-то бессмыслицу вроде «код Башни-близнецы».

– Ой! Ой-ей-ей! – застонала я от страха и усиливающейся боли, которая распространялась по телу, как августовский лесной пожар.

Через пару минут, которые показались мне вечностью, заполненной невыносимыми муками, из боковой двери вышел щеголеватый молодой человек в штатском. Слегка взлохмаченная, как у Лермонтова, прическа, офицерская выправка. Его можно было бы принять за беззаботного гусара, типичного поручика Ржевского, любителя хорошеньких барышень и бокала сухого шампанского по утрам, – если бы не холодный, оценивающий взгляд светлых глаз, сразу дающий понять: перед нами хищник, а не прожигатель жизни.

Мне показалось, что я его где-то видела – но я никак не могла вспомнить, где. Может, на рынке? Или в трамвае?

Или вообще по телевизору, в программе новостей?

Посетители потихоньку поднялись с пола, а агенты, демонстрируя свое усердие, едва не вывернули мне руки из суставов. Я согнулась так, что уже могла пересчитать песчинки на кафельной плитке.

– Что тут у вас? – ровным голосом спросил начальник у первого ФСО-шника. Тот доложил обстановку, заметно нервничая. Лица я его со своей позиции не видела, но он беспокойно топтался на месте, как взбудораженная лошадь.

– «Персидская гурия»? Я недавно слышал этот запах... – сказал начальник. Его лаковые туфли модного фасона направились ко мне. В зеркальных носках дважды отразилась мое искаженное лицо. – Как вас зовут?

– Вальтер, Любовь Васильевна, – прохрипела я снизу, глядя на изумительные стрелки на его брюках.

– Да, так я и думал... – как бы про себя проговорил начальник ФСО. – Отпустите ее, – приказал он подчиненным. – Опасности она не представляет.

Я почувствовала, как железные клещи разжались – и едва не упала. Начальник вовремя подставил мне руку. На его запястье, под белоснежной хрустящей манжетой, я увидела краешек татуировки. Я знала этот рисунок. Это была кобра в короне.

Глава 24

Сами понимаете, что после вмешательства начальника ФСО, оказавшегося по совместительству рыцарем Ордена Королевской Кобры, все барьеры на моем пути к кухне Константиновского рухнули.

Всемогущий «поручик», действительно ужасно похожий на юного Юрия Яковлева, стремительно шел по галереям дворца, я скакала за ним. При подходе к очередному посту он бросал на ходу: «Со мной», – и запертые двери открывались, металлические штанги турникетов безвольно опускались. Я попыталась заговорить с ним о предстоящем деле, но он резко сказал: «Не здесь».

Наше недолгое путешествие закончилось возле дверей Голландского зала. Кивнув дежурившему здесь охраннику, начальник ФСО шепнул мне на прощание: «Рахе!» («Ареву-ар, то есть рахе», – промямлила я в ответ), – и так же стремительно удалился.

А я, потирая все еще нывшие запястья, зашла в роковой зал. Из которого могла и не выйти вовсе.

Ну, что я могу вам сказать по поводу убранства кухни, обслуживающей руководителя нашей страны, когда он останавливается в своей петербургской резиденции? Кисло. Если не сказать – убого. Я ожидала обилия мрамора, позолоты, непередаваемой роскоши, космических блендеров и прочих

бирюлек. В общем, яркой демонстрации вложенных в восстановление дворца деньжищ – помнится, в новостях назывались немислимые суммы. Однако то ли длинноноса я ведущая перепутала количество нолей, то ли большую часть бюджета потратили на посадку туй и покраску фасада (а скорее всего – на откаты и взятки), то ли вся пышность сконцентрировалась в парадных залах, – словом, Голландский зал если и поражал посетителей, то разве что своей непритязательностью.

Да, крашенные в больничный цвет стены кое-где были выложены изразцовой плиткой. Да, батареи отопления закрыли деревянными панелями. Да, в конце зала в неглубоком очаге крутился барашек на вертеле. Но вообще я будто оказалась на коммунальной кухне где-нибудь в советской коммуналке на Лиговке. Только вместо сварливых хозяек здесь трудились молчаливые повара из «Флёра», среди которых я с удивлением узнала и Черного Пса – в той же мышинной форме, жидкий хвостик спрятан под хлопчатобумажный колпак, щетина аккуратно прикрыта стерильной медицинской маской. Вот уж не знала, что он силен в кулинарии!

Однако, присмотревшись, я поняла, что байкер лишь имитирует готовку, а сам просто для вида стучит разделочным ножом по доске. Рядом с ним я с облегчением заметила Пантеру в очередном рокерском прикиде: вокруг зеленых глаз намалеваны черные круги, кожаная жилетка прямо на голое тело (зато в кожаных перчатках с розовыми че-

репушками! где логика, спрашиваю я вас?), приспущенные джинсы, не оставлявшие совсем никакого простора воображению, куча каких-то цепей и браслетов.

Фух, значит, ее «серебряный» уровень доступа позволял проходить в подсобные помещения вроде кухни. Девушка смотрела преданными глазами на бывшего парня (я совершенно неожиданно почувствовала укол ревности от имени моего сыночка, хотя знала, что она старается ради него), на меня же она не обратила никакого внимания. Молодец, вынуждена была я признать, строго следует плану.

Зато Главный Магистр сразу засеменял мне навстречу, вытирая морщинистые руки о белый фартук с двуглавым орлом и надписью «Дворец Конгрессов». На обмундировании помощников шеф-повара организаторы банкета, похоже, решили сэкономить.

– О муза, о Любовь! – задрезжал старичок еще издали. – Вы пришли, и значит, нам будет сегодня способствовать фортуна. Рахе! Да свершится месть! – С этими словами он облобызал, и довольно-таки слюняво, мою руку.

– Рахе, товарищ Магистр, рахе, да свершится месть и все такое. – Я деликатно, но настойчиво высвободилась из его цепких лапок. – Ну что, как настроены?

– Великолепное, Любовь Васильевна, просто изумительное! Ведь сегодня мы завершим – и как блистательно завершим! – нашу трехсотлетнюю миссию. – Старичок был ужасно возбужден. Он оглядел меня сверху донизу и игриво мне

подмигнул. – А вы, моя дорогая, вдохновляете на восхитительное начало новой эры справедливости... О муза, о Любовь! Я должен, я обязан спросить вас: окажете ли вы мне честь стать первой леди России после нашего переворота? Согласитесь ли вы пойти с мной рука об руку по пути, который указал нам Великий Магистр Ордена Королевской Кобры, и терпеливо ждать его возвращения, правя страной по своему разумению?

Я оторопела. Батюшки-светы! Еще минуту назад я думала, что погрязла в проблемах по самые уши и дальше опускаться уже некуда; а вот нет же, оказывается, до дна было еще далеко.

Мда, судя по всему, перестаралась я с подбором сегодняшнего наряда – вон как Главный Магистр голову потерял, убит наповал. Еще бы – нечасто я, друзья мои, оголяю свои коленки, которые без преувеличения можно назвать красивыми, если не модельными – даже в мои пятьдесят шесть. А тут решила вместо привычных черных брючек надеть платье, такое изумрудное, в крупных розовых цветах – все-таки во дворец собралась, не на какой-нибудь там грандзабухатор на пустыре! Взяла, конечно, запасные колготки; вдруг в коридоре встречу президента, а у меня «стрелка» поехала – не хочется выглядеть глупо.

Старичок, волнуясь и косясь на мои ноги, ждал ответа.

Предлагал он, конечно, заманчивые вещи. Сами представьте: государыня всея Руси Любовь Первая. Даже звучит

романтично. Противные тетки из метро просто обалдеют. Слова мне поперек сказать не посмеют! Первым делом приглашу на официальный прием весь актерский состав «Цветка миндаля», а расфуфыренную длинноносую ведущую распорядюсь уволить из новостей – за надменность. Да, и еще майора Уточку прикажу разжаловать в младшие лейтенанты, пусть знает, как меня обижать...

С другой стороны – я буду вынуждена постоянно терпеть малоприятную компанию престарелого лесовичка; придется уехать из родного Купчина, где я прожила более полувека; все новые поступления на рынке пройдут мимо меня, а мне там обещали привезти одну очень симпатичную кофточку в фиолетовых разводах; Яков Матвеевич наверняка расстроится, если я выйду за Главного Магистра...

Но главное – Степочка так и останется за решеткой. Навсегда.

Да не нужны мне никакие блага мира, никакие короны и троны, даже и от кофточки с фиолетовыми разводами я готова отказаться, если это поможет. Главное – чтобы мой сыночек вышел на свободу.

Но зачем же я буду открывать душу этому пожилому мошеннику? Недолго думая, я решила соврать. Лично я считаю, что очень даже можно давать обещания, которые и не думаешь выполнять, если руководствуешься благими намерениями. Ложь во спасение – вот как это называется.

Ради Степочкиного благополучия я назовусь хоть летаю-

щим единорогом с хвостом из пшеницы. Поклянусь варить на завтрак радугу в горшочке.

Поэтому я очаровательно улыбнулась и даже сделала книксен:

– Благодарю, товарищ Магистр, очень мило с вашей стороны! Конечно, я согласна на все, даже не сомневайтесь. Возьмемся с вами за ручки и побежим навстречу нашему счастью в Кремле, – тут мне пришлось добавить «сразу после обеда», поскольку старичок опять потянулся слюнявить мою руку. – Вот только я не очень понимаю, как мы вообще там окажемся, в этом Кремле. Ну отравите вы всех, а дальше-то что? Как вы захватите власть?

Старичок хихикнул в морщинистый кулачок.

– А дальше, моя дорогая муза, дело техники. Президент и премьер-министр, он сегодня тоже здесь, будут устранены, вместе с остальными главами стран, которые три века назад признали Екатерину императрицей; в мире воцарится хаос; никто не знает, что делать – кроме рыцарей Ордена Королевской Кобры. Как вы сегодня уже поняли, у нас везде свои люди. В том числе и в Кремле. За два, самое большее – три часа после обеда мы занимаем президентскую резиденцию. Завтра утром мы с вами уже будем пить кофе в Екатерининском зале Сенатского дворца.

– Но против вас бросят армию, полицию! – Я все еще не могла поверить во всю эту ахинею.

– Думаете, у наших министров обороны и МВД нигде нет

татуировочки с коброй? – совсем развеселился лесовичок.

– Ну, министры – ладно, честно говоря, вы меня не удивили... А как быть с народом? Народ-то вас не поддержит! Не пойми откуда взялись какие-то мистические правители... Будет восстание, революция!

– О чем вы говорите, Любовь Васильевна, – снисходительно сказал Главный Магистр. – Народ скушает и не подавится. В итоговой программе новостей телеведущий в красном галстуке объяснит им, что так и надо, что именно в этом заключаются духовные скрепы – зрители и успокоятся. Еще и поздравлять нас с вами кинутся.

– Батюшки-светы! Неужели этот приятный ведущий – тоже ваш? – поразилась я.

– Я ему лично, как особо ценному рыцарю, набивал кобру на копчике, – кивнул старичок.

Тут лесовичок подхватил меня под локоток и повлек к своему столу возле окна, обрамленного изразцами, чтобы я «воодушевила своего будущего супруга на великие свершения».

На простом деревянном столе лежали ошипанные тушки каких-то мелких птичек в большой глиняной миске. Компанию им составляли нарезанные овощи, которые вот так с ходу я опознать не смогла. Рядом, во льду, красовались раскрытые устрицы. Тут же стояли расписные керамические горшочки со специями (и, подозреваю, высушенными ядовитыми травами) всех оттенков коричневого, зеленого и желтого.

А прямо над всей этой кулинарной композицией подмигивала камера видеонаблюдения.

– Вы не боитесь, товарищ Магистр, что за вами сейчас наблюдают через вот эту камерку? – спросила я, стараясь потихоньку высвободиться из противных объятий престарелого злодея.

Но он и сам выпустил мой локоть: старичок принялся по очереди поднимать горшочки и подносить их к лицу, внимательно рассматривая и нюхая содержимое, а также периодически тоненько чихая. Выгоревшие глаза его искрились. Сейчас он был похож то ли на алхимика, приблизившегося к разгадке эликсира вечной молодости, то ли на изобретателя пенициллина, то ли на нашу заведующую столовой Ангелину Ивановну, прикидывающую, годятся ли недельной давности сосиски для запекания в пирожки, или пора все же их выбросить, и решающую: «Эх, была не была! Авось проскочит! Только бы Валентина Петровна из РОНО не узнала».

Впрочем, изучение специй не мешало Главному Магистру болтать со мной.

– Неужели вы думаете, дорогая муза, что на сервер Константиновского транслируется то, что снимает камера прямо сейчас? Отнюдь! – Он бережно поставил очередной горшочек обратно на стол. – Наши программисты, не выходя из дома, в режиме реального времени подменяют эту картинку на совершенно другую запись, сделанную во время репетиции торжественного обеда пару недель назад. Тогда я

и мои помощники были одеты точно так же, и готовили мы самые обыкновенные, не отравленные блюда. Не то что сегодня... – Он довольно потер морщинистые лапки.

Я хотела было рассмеяться ему в лицо и заявить, что подмена одного видео другим, да еще и не вставая с дивана, – сюжет уже из области фантастики; но потом вспомнила, как ловко, почти не напрягаясь, скопировал Андрюша секретные протоколы допросов из непонятного мне «облака», и промолчала.

– Одним словом, ничто не должно вызвать подозрения у рядовых охранников, жующих бутерброды перед мониторами в служебном помещении. Они даже не знают, что вы здесь, моя дорогая! – радостно продолжал старичок. Я похолодела. Стало как-то жутковато. – Вы или, скажем, та девушка, боевая подруга Черного Пса... – Он кивнул на Пантеру, повиснувшую на плече байкера и шепчущую ему что-то интимное на ухо. – Моему будущему премьер-министру тоже нужна супруга! – Старичок расхихикался как ненормальный. – А что, отпразднуем двойную свадьбу под курантами, у подножья Спасской башни!

Я сделала вид, что хочу узнать побольше про будущую соучастницу счастливого события:

– Что-то не очень-то она похожа на супругу премьер-министра – скорее уж на певичку из подвального бара. – Я презрительно отметила ее вульгарный чокер на шее – двойная кожаная лента с тяжеловесными заклепками. Со вкусом у на-

шей Катеньки Ромашкиной совсем беда! Но почему я не вижу у нее в руках телефона? Она же должна вести съемку. Ради этого мы обе здесь.

– Вы очень проницательны, моя дорогая, – снова подмигнул мне старичок, принимаясь греметь медными сковородками, художественно развешенными над столом шеф-повара. – Пантера действительно певица, и хорошая. Ее пригласили выступить сегодня на камерном концерте для участников форума... Вот только слушать ее песни, я надеюсь, будет некому. – Он состроил гадкую гримаску и теперь походил уже на мартышку, а не на ученого.

– А что же она делает на кухне в таком случае? – спросила я, невинно хлопая пышными ресницами (если вам интересно, накрасилась ли я снова той тушью с рынка, ответ утвердительный; на что только ни пойдут женщины ради фатального взгляда!). – Пусть бы с музыкантами болталась, а не здесь.

Я затеяла рискованную игру, но мне необходимо было убедиться, что Главный Магистр ни о чем не подозревает.

Старичок наконец выбрал подходящий медный тазик и отставил его в сторонку.

– Черный Пес упробил ее оставить здесь – и я его понял. Нам, людям творческим и глубоко чувствующим, порой нужна поддержка прекрасных дам... – Очередное старческое подмигивание. – Они давно встречаются, и она очень помогла общему делу.

– Правда? – вскинулась я. – Как это?

Я по-прежнему не понимала, где Пантера прячет телефон со включенной камерой – в тесный джинсовый топик он никак не мог поместиться, руки у нее были свободны, к тому же она нашла им применение – бесстыдно шарила под поварской курткой своего байкера.

Старичок принялся возиться со старинными аптечными весами с гирьками, отмеряя нужное количество специй. Приправы из горшочков он насыпал на чаши весов тоненькой серебряной ложечкой с изящной коброй в короне вместо рукоятки.

– Это было несколько дней назад в «Туфельке Екатерины» – слышали про такой ресторан?

– Может быть, – неопределенно отозвалась я, приглядываясь к Пантере и волнуясь все больше.

– Шеф-поваром там служит неплохой парнишка, небесталанный; поэтому я приказал оставить его в живых – во имя кулинарного искусства... Но на нашу священную Книгу он не имел никаких прав. – Главный Магистр работал неторопливо, отмеренные специи насыпал отдельными горками на полированное медное блюдо. – Черный Пес немножко, для порядка, пристукнул его по голове, просто чтобы тот отключился. Забрал «Книгу Пряностей», передал ее мне, а сам остался, чтобы проследить за дальнейшими событиями...

Ну почему же Пантера не снимает эти признания? – мысленно стонала я. Это же то, что нам нужно!

Девушка тем временем прилипла как банный лист к своему кавалеру и о своем спецзадании, видимо, напрочь забыла.

– Он придумал, как направить полицию по ложному следу... – негромко дребезжал Главный Магистр, заполняя специями блюдо. – Заранее изготовил этот медальон, в последнюю минуту вложил в него рецепт, наскоро переписанный из «Книги Пряностей» прямо в кабинете шефа «Туфельки». Передал медальон Пантере, а та, умница, подбросила медальон наивному простачку Суматошкину, который обречен до конца жизни чахнуть в заточении, потому что Книгу никогда не найдут...

Это он моего сыночка наивным простачком называет, что ли? – возмутилась я про себя, пребывая на грани сердечного приступа из-за предательства Пантеры, которая так и не достала камеру. Но чего еще следовало ожидать от этой кикиморы... В последний момент перекинуться к Кобрам!

Вдруг я поняла, что она в любой момент может меня выдать. И тогда мне точно конец. Может, уже рассказала про меня своему байкеру?

Я присмотрелась. Вряд ли. Он слишком спокоен.

– Кстати, в «Туфельке Екатерины» наши программисты тоже на славу поработали, – похвастался Главный Магистр, закончив свои манипуляции с приправами. – Ребята за мгновение, дистанционно, уничтожили все съемки камер видеонаблюдения! Никто так и не узнал, что Черный Пес забрал «Книгу Пряностей», а не маленький дурачок Суматошкин.

Я почти не слушала трескучее бормотание лесовичка в фартуке. Меня терзали страшные вопросы. Все это время Пантера мне врала? Зачем? Чтобы устранить меня, как свидетеля? Как единственного человека, способного вытащить Степochку из тюрьмы? Может, она и не расставались вовсе с Черным Псом? И я – всего лишь пешка в ее просчитанном плане? Или она передумала в тот момент, когда увидела своего бывшего? Может, в ней внезапно проснулись к нему былые чувства? И неужели этот дрянной байкер больше достоин любви, чем мой чудесный зайчонок?

– А где сейчас ваша «Книга Пряностей»? – Я постаралась отвлечься от вихря мыслей, грозящих свести меня с ума. Пока Пантера ничего никому не сказала, я должна вытрясти из старикана максимум информации. А там, глядишь, выберусь из проклятой кухни и бегом в обеденный зал, крикну президентам: «Не ешьте, это отравла!». Ну хоть кто-то из них мне поверит! Или по крайней мере, привлеку к себе внимание – может, сдадут меня тому же полковнику Орлову, хоть таким образом добьюсь с ним встречи.

– Под надежной охраной Черного Пса, – отозвался Главный Магистр, указывая острой бородкой в сторону своего помощника. – Я изредка в нее заглядываю, сверяюсь с рецептом. Вроде и учил всю ночь, как студент перед экзаменом – но слишком уж ответственный этот экзамен, лучше подстраховаться шпаргалкой. Память-то уже не та... Но мы с вами, дорогая муза, заболтались; гости уже съезжаются, – сказал

он, по-куриному вытягивая тощую шейку и выглядывая в окно, на подъездную аллею, на которой образовалась настоящая пробка из лимузинов – немецких, японских, французских и бог знает каких еще.

Сто пятьдесят лет назад здесь, наверное, выстраивались очереди из великосветских карет. Не менее претенциозных, чем лимузины нынешней аристократии. Так же блестели под дождем мокрые лакированные бока, мягкие колеса на заграничных рессорах щекотали гравий; надменные кучера-водители, выпустив дорого одетых пассажиров, закрывали двери с неслышным щелчком...

Какой контраст с нашей гремящей, как телега с жестяными кастрюлями, «Нивой»!

– Рахе, Кобры! – провозгласил Главный Магистр, повернувшись к своим подчиненным. – Наступило время последней трапезы президентов. Готовимся подавать на стол!

Глава 25

Хотите докажу, что я хитрее всех?

В голодные девяностые, пока мои недалекие соотечественники толкались в километровых очередях за продуктами, теряя там пуговицы от пальто и оптимизм, я давала званные обеды на шесть персон со множеством мясных блюд.

Как мне это удавалось? Я брала у одной знакомой индеек, которых та держала прямо у себя на балконе, в особом утепленном загончике. Мой Петенька помогал мужу этой тетки строить этот птичник, и уж потом ей было не отвертеться – продавала мне тушки как миленькая, да еще и по льготной цене.

А дальше уже было просто. Индейка, если ее определенным образом приготовить, по вкусу и даже по виду ничем не отличается от свинины. Гостям подавались свиные отбивные, оливье со свининой, холодец из свинины – и никто не догадывался, что совсем недавно эта свинина хлопала крыльями и пугала прохожих истошными криками «балды-балды» с балкона. Свое вранье я оправдывала тем, что индейка гораздо полезнее любого другого мяса, так что пусть гости радуются, что их неожиданно-негаданно оздоровили.

Но я бы никогда не подумала, что корень ядовитого веха, известного также как цикута, может напоминать брюкву – весьма популярный овощ, входивший в рецепты многих им-

ператорских блюд.

Пробовать отраву я, конечно, не стала, пришлось поверить на слово Главному Магистру – он увлеченно фаршировал птичек, которые оказались бекасами, сырыми устрицами вперемешку с очищенным и мелко порезанным вехом. Корневище и вправду казалось похоже на заслуженную невинную брюкву: кусочки в глиняной миске были крепенькими, желтенькими и наводили на мысли о здоровом образе жизни и долголетию. Какая ирония!

– Неужели эта ваша цикута настолько опасна? – поинтересовалась я, заглядывая в глиняную миску. – Выглядит безобидно.

– Посмотрите, я даже надел две пары перчаток! – Старичок был уязвлен. – Это одно из самых опасных растений на земле. Вызывает судороги и паралич. Именно соком цикуты, моя дорогая муза, отравился Сократ! Двести граммов вот этого «безобидного» корня за несколько минут убьют корову. Но чтобы действовать наверняка – мы еще присыпем бекасов ясенцем... – И он потянулся к одной из отмеренных специй на блюде.

– А это что еще такое?

– Ясенец многие выращивают в своем саду – людям нравится его свежий лимонный запах. И не ведают, глупые, что сок красивого многолетника вызывает сильнейшие ожоги, в том числе и пищевода... – Главный Магистр, гнусно хихикая, втер ядовитый порошок в бело-розовую кожу бекасов.

– То есть сначала ваши клиенты почувствуют боль в животе, а потом у них начнется припадок? – с ужасом уточнила я.

– Не обязательно в такой последовательности, – отозвался старичок, раскалив в медной сковородке масло и бросая туда бекасов одного за другим. – Может быть, все их тело сперва сведет судорогой, а потом еще добавятся волдыри в пищеводе!

Батюшки-светы, вот мерзкая мартышка, подумала я, а вслух сказала:

– И как этот рецепт называется в вашей «Книге Пряностей»?

– Жареные бекасы, фаршированные устрицами и брюквой, политые соком лимона, – сообщил Главный Магистр. – И только мы, рыцари Ордена Королевской Кобры, знаем, что брюкву нужно заменить корнем цикуты, а сок лимона – горстью высушенного ясенца... Но это, конечно, не единственное блюдо, которое сегодня будет подаваться к президентскому столу.

– Что же сегодня значится в роковом меню? – Я должна была узнать все секреты Ордена.

– О, ну сначала – аперитивы. – Он кивнул на батарею разноцветных бутылок в углу. – Вот как раз эти напитки мы трогать не стали. Они абсолютно безопасны. Пусть алкоголь как следует возбудит аппетит наших жертв... Затем пойдут двадцать четыре средних антрме, то есть закусок, в том числе

рулады из кроликов с болиголовом, пулярки (другими словами – жирные курицы) под соусом из лютиков, утята с подливкой из «вороньего глаза»... И сразу же мы ставим на стол еще тридцать два ордевра, или горячих блюда...

– Сколько-сколько? – поразила я.

– Тридцать два, а в общей сложности пятьдесят шесть – это же обед в стиле Империи! – немного даже оскорбился за величие своей страны шеф-повар. – Президент утвердил меню самолично! Конечно, не зная о специфических добавках к каждому блюду... Итак, на горячее – рябчики по-испански с клещевинной (ее нельзя обрабатывать термически, иначе весь эффект потеряется, поэтому ее листьями украсим уже готовое блюдо), черепахи, маринованные в мадере и чемерице Лобеля, фазаны с фисташками и дурманом обыкновенным, куропатки с трюфелями и багульником, голубята с раками и безвременником осенним, семга глассированная в сиропе из аконита, зайцы молодые с вольчим лыком...

Мне стало плохо от одного этого дьявольского перечисления. Что касается Главного Магистра, то он, говоря о смертельных деликатесах, весь светился, смаковал их названия и только что не причмокивал.

Десерта в этом списке не значилось – ясно было, что до него гости Константиновского попросту не доживут.

Я кивнула на очаг, в котором крутился барашек:

– А его-то вы как испортите?

– О, это блюдо у нас будет отравлено наиболее изыскан-

ным способом, – снова потер ручки Главный Магистр, не забыв при этом перевернуть бекасов на другой бок. – На первый взгляд – обычная баранина с гарниром из каштанов. Но известно ли вам, моя дорогая муза, что за ветки горят в очаге?

Я пригляделась и пожала плечами:

– Обычный валежник.

Главный Магистр обрадовался как ребенок:

– Нет, нет и еще раз нет, милая Любовь Васильевна! Это ветки олеандра, сбивающего сердечный ритм. По легенде, солдаты Наполеона, высадившись на Крите, развели костер из веток олеандра и пожарили на нем мясо. Утром никто из них не проснулся! – Злобному веселью старичка не было предела. – Разве это не самое элегантное отравление в истории? И мы повторим его сегодня, уже через несколько минут... Старший Магистр, приведи официантов! – распорядился он весьма торжественно.

Черный Пес, похоже, был рад закончить свой любительский спектакль под названием «Байкер прикидывается профессиональным поваром» – по крайней мере, за дверь Голландского зала он выскочил как пятиклассник, которого строгая учительница наконец-то отпустила в туалет. Правда, не каждый пятиклассник будет на ходу вытаскивать из кармана пачку сигарет.

Я уже не думала о том, как мне раздобыть доказательства злодейских действий рыцарей Ордена. Теперь я лишь хотела

остановить этот снежный ком отравлений. Там, в обеденном зале, сейчас собираются вкусно отобедать ни о чем не подозревающие сыновья французских, итальянских, португальских, бразильских, шведских и еще десятка матерей – и какая разница, из каких стран! Мамочки из любой точки мира говорят на одном языке.

Итак, в первую очередь, мне нужно выбраться из проклятой кухни.

Но как? До двери слишком далеко, а вокруг чересчур много пособников Ордена. Меня блокируют, я и вякнуть не успею. В окно же вылезать буду целую вечность – мне ведь уже не двадцать шесть и даже не пятьдесят шесть!

Я огляделась по сторонам, оценивая обстановку.

Пантера бродила по кухне туда-сюда, к счастью, не обращая на меня никакого внимания. Я не преминула отметить безвкусную черно-розовую бандану, которой она перехватила свои отвратительные дреды. И в таком виде она собралась выступить перед первыми лицами мира!..

Повара батрачили в поте лица. Рябчики, куропатки, голубята и утята порхали под потолком. Шипело ядовитое масло на медных сковородках. Со стуком взбивался губительный «Крем девичий жирный». Запекались в немецкой антикварной печи тарталетки с аппетитными смертельными ягодами. Дымила в котелке похлебка из сладкой ягнятины с пармезаном, и дым от той похлебки разъедал краску на стене; плакала стена бежевыми слезами. Печально глядели говяжьи

глаза из отравленного соуса «Путру проснувшись».

Главный Магистр, нажарив отравленных бекасов, видно, притомился: оставив птичек пропитываться ядовитыми соками под фольгой, он с кряхтением опустил на резной стул под голландским натюрмортом, изображавшим вареных раков, лукаво выглядывавших из-за кистей зеленого винограда, – и, кажется, задремал. Старость не радость.

Тут у меня родилась отличная идея. А ведь Черного Пса рядом нет, остальные заняты готовкой; если я прямо сейчас привяжу спящего Главного Магистра к стулу, то смогу взять его в заложники! Потребую немедленно остановить все манипуляции с ядами и вызвать сюда полковника Орлова, хоть из-под земли его достать, а не то отравлю старичка его же бекасами.

Нет, поймите меня правильно – я бы, конечно, не стала пичкать пенсионера этими ужасными птичками; но остальные-то рыцари не знают о моем добросердечии. Побежали бы как ошпаренные за полковником, пусть даже и в Германию. Может, среди Кобр есть пилоты частных самолетов, которые могли бы оперативно доставить мне искомого полковника?

Вот только чем бы связать Главного Магистра...

Придумала!

Я тихонько расстегнула сумку с бабочкой и достала оттуда мягкий клубочек телесного цвета. Колготки спасут мир!

Вот какая же я все-таки умница – из любого, самого

безнадежного положения найду выход. Если разобраться, я бы идеально подошла на роль супруги президента. А то и на роль самого президента. Уж я моментально вывела бы из кризиса страну, стоящую на краю пропасти: под моим мудрым руководством Россия поднялась бы с колен и шагнула вперед!..

Впрочем, я отвлеклась.

Итак, в моих руках были колготки – а значит, и контроль над ситуацией. Если это невесомое изделие толщиной всего в двадцать ден однажды сумело заменить нам ремень генератора в «Ниве» – мы проехали на капронках километров двадцать до дачи, а потом еще всю обратную дорогу до города, – значит, заменит и наручники.

Не забыть внести в свою «Энциклопедию мудрости»: «Всегда носите с собой запасные колготки, они могут пригодиться при задержании опасных преступников».

Приняв беззаботный и даже немного скучающий вид, я бочком подобралась к стулу Главного Магистра. Пенсионер наш совсем разоспался: рот приоткрыт, бороденка торчит вверх, нос тоненько посвистывает. Руки главный злодей двадцать первого века безвольно свесил вдоль туловища – его сучковатые пальцы почти касались толстой перекладины под сиденьем. Диспозиция идеальная.

Я наклонилась над рабочим столом – якобы для того, чтобы поглядеть в окно на подъезжающие представительские автомобили, а на деле – чтобы острым поварским ножом рас-

сечь колготки по центральному шву, одним стремительным движением. Две руки – две веревки.

Однако тут же передо мной нарисовалась другая проблема. Ну хорошо, допустим, правую руку Магистра я схвачу и тут же привяжу к перекладине стула. Но левой-то рукой он в мои пивные кудри сам вцепится, проснувшись от моих манипуляций!

Пока я перебирала в голове одинаково тухлые варианты (бросить колготки в очаг, чтобы они тут надымили, а все испугались, что пожар и выбежали за дверь; надеть колготки на голову и заорать «это ограбление», как в кино, чтобы опять же все испугались и выбежали за дверь; и прочее в том же духе), Пантера, завершив очередной бессмысленный круг по кухне, остановилась в шаге от нас с прикорнувшим Главным Магистром и уперлась в меня взглядом. Ее глаза, подведенные черным, пылали каким-то скрытым огнем. Она то гипнотизировала меня, то ли пыталась мне что-то сказать.

Я подбоченилась и тут же вернула ей взгляд – надеюсь, в моем сердитом взоре она сумела прочитать все, что я о ней, предательнице, думаю! Вертихвостка бесстыдная!

Очевидно, мне удалось добиться передачи своих мыслей на расстоянии (может, стоит записаться на кастинг любимой мной телепрограммы «Призвание – телепат»?), по крайней мере, Пантера округлила глазищи и отрицательно покачала головой, постучав себя при этом черным ногтем по одной

из заклепок на кожаном чокере. Я истолковала этот жест, как наглое заявление «Вы у меня со своими упреками, тетя Люба, уже вот где сидите».

Следующим взглядом я бы испепелила ее на месте, но Пантера оказалась проворнее: она бесшумно выхватила из моих рук одну колготину и мгновенно очутилась по другую сторону от стула Главного Магистра, я и ахнуть не успела.

Секундочку, что происходит?

Пантера подавала мне какие-то знаки. Похоже... Судя по всему, она предлагала мне свою помощь!

Я подняла брови.

Она кивнула.

Ну ладно, подумала я. Попробуем. Выбора-то все равно нет.

Глядя друг другу в глаза, мы одновременно, как пара олимпийских синхронисток, присели на корточки рядом со стулом. Одновременно потянулись к морщинистым, в родинках и синих венах, рукам Главного Магистра. И нежно, почти не прикасаясь к дряблой коже, под шумок принялись прикручивать запястья старичка к перекладине.

Ших-ших-ших...

Капрон тесно обхватывал перекладину. Еще чуть-чуть, осталось только завязать крепкий узел – и победа у нас в кармане.

У нас ли? Я до сих пор не была уверена, что Пантера

на моей стороне.

Хотя девчонка, судя по всему, старалась как можно тщательнее примотать левую руку Магистра к стулу. Импровизированную веревку перекидывала и так и эдак, и крест-накрест, и даже язык (проколотый, батюшки-светы!) от усердия высунула.

Но потом, конечно, сплеховала. Как я и подозревала. Принялась накручивать такой нелепый узел, что у меня аж сердце занялось. Ну кто же так закрепляет веревку?! И все это – в кожаных перчатках... Неумеха, ай да неумеха во всем!

Никто не сможет обвинить меня в дальнейшем. Ни одна женщина на свете на моем месте не удержалась бы от замечания:

– Да что ты творишь-то? Что за бездарное макраме? И сними ты эти дурацкие перчатки наконец... Дай покажу, как надо!

И бросив свой недовязанный узел, я переползла на четвереньках к Пантере.

Рассказывать о том, что случилось следом, тяжело.

И даже немного стыдно.

Но – что было, то было. Правдивый рассказчик всегда придерживается истины, даже если она выставляет его в невыгодном свете. А уж за свою бескомпромиссную правдивость я могла бы получить государственную награду как минимум второй степени, если не первой. Вы-то ведь уже поняли, что человека честнее меня во всем Купчине не сис-

кать?..

В общем, от моего язвительного возгласа Главный Магистр проснулся.

Он зашамкал губами, зачмокал после сна, как объевшаяся сена лошадь. Пробормотал что-то вроде «о муза, о любовь (или Любовь, не знаю)» и попытался выпрямить спину. Это ему не удалось – мешали привязанные к нижней перекладине запястья.

Старичок тряхнул белой головой, часто-часто заморгал, окончательно просыпаясь – и тут увидел меня в глупейшем виде, на четвереньках, с ужасно перепуганной физиономией; рядом – растерянную Пантеру на корточках; понял, что руки его примотаны к стулу. Дернул левой рукой – бесполезно, Пантерин узел держал его мертвой хваткой. Напряг правое предплечье – мой узел сразу распустился и опал, как махровый пион в жарком июле. Колготина осталась болтаться на перекладине, а Главный Магистр свободной рукой схватил нож, который я неосмотрительно оставила на краешке стола, резанул вторую капронку и буквально выскочил из стула, словно ему снова было семнадцать, а не восемьдесят семь.

Мы с Пантерой сжались в маленькие трясущиеся комочки.

Главный Магистр возвышался над нами, как исполин в плетеных сандалиях.

– О муза! Ты предала меня! – воскликнул он с болью

и удивлением. – А значит, ты должна погибнуть.

Серые повара по знаку своего предводителя бросили кастрюли и окружили нас плотным кольцом. Пантере скрутили запястья кулинарной бечевкой, меня – грубо, за шкуру, как котенка, – подняли с четверенок и бросили на дубовый стул, еще теплый после Главного Магистра, и той же бечевкой привязали мои руки к его нижней перекладине.

Старик достал из-за пазухи ампулу со змеиным ядом – такая же валялась у меня дома в шкатулке – и сухо приказал рыцарям:

– Откройте ей рот.

Я начала было оправдываться, что он неправильно все понял, что мы с Пантерой всего лишь хотели пошутить, это просто забавный пионерский розыгрыш, как горящий «велосипедик» между пальцами ног или как когда руку спящего мальчишки опускают в теплую воду, чтобы он намочил постель...

Но блеф не удался. Эту партию в покер я проиграла.

Главный Магистр смотрел на меня, и в его светлых старческих глазах плескались обида, разочарование, уязвленное самолюбие мужчины, который не встретил взаимности.

Он кивнул помощникам – и я почувствовала, как мой язык придавили ложкой, будто я на приеме у лора. Вот только вряд ли эта врачебная консультация меня оздоровит.

– Рахе, Любовь, – тихо сказал Главный Магистр напоследок и надломил ампулу с ядом. – Да свершится Мечь.

Глава 26

Очень трудно прыгнуть со связанными руками.

Я не шучу, попробуйте. Если вы не проходили стажировку в группе спецназа «Альфа», ничего у вас не выйдет.

А вот Пантере удалось.

В тот момент, когда Главный Магистр вскрыл ампулу, она прошептала: «Не позволю гнусному старикашке испоганить мой суперсейшн», – врезалась худым острым плечом в ближайшего хлипкого повара, тот от неожиданности потерял равновесие и рухнул на пол. Пантере одним махом перелетела через его тщедушный торс и оказалась возле догорающего очага.

Мгновение – и она пережгла бечевку огнем, опалив свои кожаные перчатки.

Еще мгновение – одной рукой она подцепила дымящуюся ветку олеандра, а другой стащила бандану с дредов вниз, закрыв ей нос и рот.

Еще секунда – и смертоносной веткой, как шпагой, она сделала выпад в сторону Главного Магистра.

Старичок отпрыгнул вбок, выронив открытую ампулу с ядом мне в сумку с бабочкой.

Повара, как спугнутые крысы, приснули в разные стороны, стараясь не дышать отравленным дымом.

Выплюнув забытую у меня во рту ложку, я заорала от воз-

мущения:

– Эй-эй, нельзя поаккуратнее? Это моя любимая сумка!

– Ее давно надо было выкинуть, – рывкнула Пантера из-под банданы и швырнула мне полотенце с ближайшего стола. – И вообще, закройте рот!

– Фу, как грубо! – упрекнула я девицу. – Разве можно так со старшими разговаривать! Можно просто сказать: «Не могли бы вы замолчать, уважаемая Любовь Васильевна?»

– Закройте рот, говорю! Отравитесь дымом, ёлка вас уколи! – простонала Пантера, закрыв меня своей тонкой спиной и ловко обороняясь олеандровой веткой от наступавших поваров, которые вооружились тяжелыми сковородками, а лица прикрыли фартуками.

– Ну разве можно быть такой глупой, Катерина! – недовольно отозвалась я, отворачивая голову от дыма и благодаря судьбу, что после сегодняшнего дождя у меня нос заложило. Никогда еще я так не радовалась начинающейся простуде. – Руки-то у меня связаны!

– Ёлки, а ведь и правда связаны, – пробормотала из-под своей повязки Пантера. Не переставая фехтовать с поварами, она дотянулась до ножа на столе и освободила мне одну руку.

Не так проворно, как Главный Магистр, но я все-таки сумела разрезать остальные путы и наконец-то высвободилась.

И очень вовремя: Пантера сама выронила ветку, которую не могли выбить у нее из рук десяток поваров. Выронила

от растерянности: в кухню ворвался Черный Пес во главе полусотни официантов в форме «Флёра», готовых как накрыть на стол, так и уничтожить противников Ордена.

Байкер мгновенно разобрался в обстановке. Он горько, как давеча Главный Магистр, выкрикнул: «Я отомщу тебе, Пантера!». И, конечно, прибавил для яркости нецензурной лексики.

Серая армия поваров и официантов, подстегиваемая командами Магистров, наступала. Кобры окружали нас со всех сторон, мы чувствовали себя жалкими лягушатами, оказавшимися в террариуме среди разбуженных змей.

Мы прижались к старинной немецкой плите. Плита обжигала. Дальше пятиться было некуда.

В общем, милые мои, хочу вам сообщить без ложной скромности: если бы не моя сообразительность, изразцы Голландского зала Константиновского дворца стали бы последним, что мы с Катериной увидели в жизни.

Но я до крайности расторопно схватила миску с остатками цикуты и завизжала:

– А ну бросьте сковородки! У меня оружие! Смертельное! Я в вас сейчас буду бросаться брюквой! То есть цикутой! Вы у меня сейчас повторите судьба Демосфена... Нет, постойте, Гиппопотама... Или Геракла?.. Не помню, короче, кто там из них цикутой отравился – но вы будете следующими в очереди!

Наступающие несколько смутились – они не знали, что

меткость не входит в число моих достоинств; но Главный Магистр откуда-то из-за серых спин выкрикнул:

– Вперед, Кобры! Ничто не остановит мстителей!

– Разве что полиция, – раздался властный голос от двери.

Что?

Кто?

Наверное, я все-таки надышалась ядовитым дымом. И у меня начались галлюцинации.

А может, моя убойная тушь для ресниц вызвала необратимые изменения в сетчатке глаза.

Потому что я готова была поклясться, что вижу в дверях Голландского зала полковника Орлова. В компании Володи и – да что это со мной, в самом деле?! – Якова Матвеевича в инвалидной коляске.

Что ж, если это была галлюцинация, то коллективная – потому что серая армия внезапно схлынула. Только что я слышала тяжелое дыхание рыцарей, чувствовала исходящие от них кухонные запахи, видела их безумные глаза в полуметре от себя – и вот прямо перед мной Кобры расступились, образовав широкий проход, по которому неторопливо следовал полковник и его помощники.

– Помните, рыцари! Кобры не живут в неволе! – пронесся по Голландскому залу отчаянный призыв Главного Магистра. – Нам всем пора принять яд!

– Только массовых самоубийств мне тут и не хватало, – пробормотал полковник и махнул рукой куда-то в темно-

ту коридора. Оттуда посыпались спецназовцы – уже не какой-нибудь там ОМОН, обученный разве что разгонять хилых демонстрантов с плакатами вроде «Мы больше не можем» и «Дайте поесть», а элитное подразделение по борьбе с терроризмом.

В зале стало совсем тесно. Суровые ребята в бронежилетах хватили поваров и официантов, не давая им пошевелиться, и тут же проводили скоростной обыск, отнимая у рыцарей смертельные ампулы со змеиным ядом.

Черный Пес яростно рычал, как мощный японский байк на старте, пытаясь вырваться из крепких объятий сразу двоих спецназовцев, которые зажали его в углу рядом с очагом.

Взревев из последних сил, он выдернул руку, выхватил из-за пазухи «Книгу Пряностей» и швырнул ее в гаснущий огонь. Но старинной бумаге, высохшей до хруста и пропитанной брызгами масла, было достаточно всего одной искры – толстый том моментально вспыхнул.

– Батюшки-светы! – застонала я, проталкиваясь сквозь толпу.

– О, нет, нельзя, это бесценный артефакт! – вторил мне Яков Матвеевич. Ему со своей коляской и вовсе было не протиснуться к очагу: в час-пик в поезде метро больше простора.

Спецназовцы окончательно скрутили Черного Пса, но было уже поздно.

Когда я добралась до камина, «Книга Пряностей» превра-

тилась в пепел. Мое желание жить потухло вместе со сгоревшей уликой. Теперь никогда не удастся доказать, что это была та самая книжка, в пропаже которой обвинили моего Степochку... Всё, всё было напрасно.

– Ну почему плохие вещи случаются с хорошими людьми? – возопила я, горестно воздев очи к небу и обвиняя высшие силы, в которые я, впрочем, не верила, в предвзятом ко мне отношении. И тут в начищенном дне медной сковородке, висевшей возле очага, я увидела искаженное отражение Главного Магистра.

Старичок-лесовичок, на которого бравые спецназовцы, видно, не обратили особого внимания, крался вдоль дальней стены, явно намереваясь улизнуть на фоне всеобщей кутерьмы. Предводитель, призывавший своих последователей покончить с собой, похоже, совершенно не собирался прощаться с собственной жизнью. Хотя к его услугам здесь повсюду, на всех столах, были расставлены десятки, если не сотни, горшочков с ядовитыми пряностями. Вместо того, чтобы поесть ложками белладонну или угощаться волчьими ягодами, Главный Магистр уносил подальше ноги в плетеных сандалиях.

Ну уж нет. Только не в мою смену.

– Держите его! – крикнула я, бестактно указывая на подлого старичка пальцем. – Это он во всем виноват!

Полковник Орлов, который до сих пор внимательно рассматривал жареных бекасов, приподняв фольгу двумя паль-

цами, быстро обернулся и сделал знак своим командос.

Однако спецназовцев опередил майор Уточка. Самый ленивый полицейский на земле набросился на Главного Магистра, как будто тот был двадцатикилограммовой щукой, попавшейся ему на удочку, и остановил главу Ордена Королевской Кобры в шаге от спасительного выхода.

– Забирайте этих серых красавцев по обвинению в подготовке к террористическому акту, – распорядился полковник Орлов. – Оставьте мне тут байкера-Герострата – и вот этого божьего одуванчика в белом фартучке... Окей, и когда все випы разъедутся, пришлите сюда передвижную лабораторию. Возьмем на анализ подозрительные горшочки – вообще-то и эти вот птички под фольгой вызывают у меня сомнения... В общем, мне нужны тут химики и ботаники. И потише там в коридорах, когда поведете задержанных! Не мешайте президентам!

Через несколько минут Голландский зал опустел. Помощники Орлова очистили помещение от многочисленных Кобр. Сам полковник с интересом бродил по кухне, принимаясь к приготовленным рыцарями блюдам. Черного Пса и Главного Магистра заковали в настоящие, не капроновые и не бечевочные, наручники, усадили на стулья у дальней стены. И я наконец смогла задать двоим своим соседям вопросы, которые разрывали меня с тех пор, как я увидела их в дверях:

– Как вы здесь оказались?.. Почему?.. Зачем?...

– Мы как истинные рыцари – явились, чтобы спасти пре-

красную даму, попавшую в беду, – обаятельно улыбнулся Яков Матвеевич. Он был великолепен в своем выходном, ослепительно белом костюме и нежно-розовой рубашке. – И, кажется, успели как раз вовремя.

– Но... Мне же никто не верил! Кроме вас, Яков Матвеевич, конечно... Володя, а ты-то что здесь делаешь? Ты же меня просто высмеял в последний раз!

– Прости меня, Люба. – Майор Уточка повесил кудлатую голову. Давненько я не видела его в форме полицейского – все больше в майке. – Я вел себя по-свински.

– Это точно! – строго сказала я.

– Пойми, трудно воспринимать всерьез человека, которого знаешь с пеленок, особенно если он рассказывает такие невероятные вещи... Особенно если именно ты их рассказываешь...

– Что значит – именно я? – угрожающе спросила я.

– Ну, Люба, не вынуждай меня называть вещи своими именами... – замаялся Володя. – Я имел в виду, что если подключить к тебе детектор лжи, он взорвется через секунду от перенапряжения...

– Да врушка вы первостатейная, тетя Люба, вот что он хочет сказать, – подала голос Пантера. Она взгромоздилась на стол шеф-повара и болтала ногами в тяжелых ботинках, с любопытством следя за ходом нашей беседы.

Я проигнорировала наглую девицу и возмущенно обратилась к майору Уточке:

– Ах, вот ты как, Володя? Значит, я врушка? Да я на этот раз ни слова не выдумала!

– Знаю, Люба, теперь я все знаю, – быстро согласился Володя. – Благодаря Якову Матвеевичу.

– Значит, вы все же его вразумили! – с благодарностью повернулась я к Якову Матвеевичу.

– Скажем так: у меня нашлись убедительные доказательства вашей правоты, Любовь Васильевна, – наклонил голову Яков Матвеевич. – Помните павлина?

– Брошку, которую вы мне подарили? Блестящую птичку? – удивилась я. – Конечно, помню, а что?

– На самом деле – это скорее «жучок», чем птичка, – снова улыбнулся сосед. – Когда вы собирались пойти на вечернее заседание Ордена, я попросил Володю одолжить мне подслушивающее устройство, микроскопическое, с долгой зарядкой – якобы чтобы записать мяуканье эрмитажных котов для моей научной работы «Благотворное влияние живописи восемнадцатого века на умственное развитие и творческие способности представителей семейства кошачьих»...

– Вы и правду такое дурацкое исследование проводите? – не удержалась я.

– Святые небеса, нет, конечно, – успокоил меня Яков Матвеевич. – Однако Володя об этом не знал, и согласился принести мне «жучок» с работы в обмен на репродукцию «Охота на вальдшнепов»...

– Я, кажется, видела ее у тебя в прихожей, Володя, –

вспомнила я. – Рядом со скотчтерьером, да?

Володя кивнул.

– Итак, при помощи пинцета я закрепил «жучок» на месте одного из драгоценных камней, – продолжил Яков Матвеевич, – поскольку у меня были сомнения, что ваш телефон справится со столь ответственной миссией...

– Вот, Володя! Это телефон виноват, а не я! – не преминула я заметить.

– ...И павлин записал все заседание Ордена Королевской Кобры в великолепном качестве. В чем мы с Володей убедились сразу после вашего ухода из дома сегодня. Слышен каждый вздох, каждый кашель, даже шарканье плетеных сандалий Главного Магистра по каменному полу... Прослушав запись, мы звонили вам, Любовь Васильевна, звонили много раз, но вы не брали трубку...

– Батюшки-светы, опять дома проклятый телефон забыла! – поняла я. – Хоть на шею его вешай на шнурке!.. Но почему же, Яков Матвеевич, вы сразу мне не сказали про ваш план с павлином?

– Не хотел давать вам ложные надежды, вы и так были вся на нервах, несравненная Любовь Васильевна. Я обязан был сначала проверить качество записи.

– Ну, Володенька, стыдно небось стало, когда запись-то послушал? – с чувством глубокого удовлетворения сказала я майору Уточке.

Тот нахмурил брови:

– Стыдно, Люба. Правда, стыдно. Я понял, что должен действовать, и немедленно. Разыскал товарища полковника, он как раз вернулся из Германии, рассказал ему всё... Если бы ты знала, Люба, сколько барьеров и секретарей я преодолел для того, чтобы связаться с товарищем полковником. Я ведь просто районный полицейский, кто мне просто так даст его мобильный? И все это ради тебя!

– Или ради того, чтобы получить офигенное повышение за предотвращение адского террористического акта, – встала свои пять копеек Пантера.

Тут я кое-что вспомнила.

– А ты, милочка, почему сегодня не снимала видео? – накинулась я на нее. – Как мы теперь расскажем, что здесь происходило? Опять никаких доказательств!

– Отчего же – никаких? – усмехнулась Пантера. – Я же вам показывала на свой чокер.

– Твой чокер может доказать разве что наличие отсутствия у тебя хорошего вкуса, – буркнула я.

– Ошибаетесь, тетя Люба. – Пантера расстегнула нелепый кожаный ошейник и постучала ногтем по одной из центральных заклепок. Полковник, вдоволь находившись по Голландскому залу, с заинтригованным видом подошел к ней поближе. – Это лучше, чем телефонная камера. Это шпионская камера высокого разрешения из детского набора, племяннику хотела подарить... Короче, она была включена все это время. Надо? – спросила она полковника, протягивая ему чо-

кер и подмигивая: – А что, вам пойдет, отличное дополнение к вашей джинсовой куртке!

Орлов пропустил подколку мимо ушей. И вообще выглядел так, словно только что наступили его день рождения и Новый год одновременно.

– Вот это да! – выдохнул он, бережно принимая улику. – На суде эти съемки произведут эффект разорвавшейся бомбы. Журналисты будут пищать от восторга. Я теперь в любую телекомпанию смогу дверь ногой открывать. Генерал-майора дадут... – замечтался он, ласково поглаживая чокер большим пальцем. – Новый стол себе в кабинет выбью... А то и новый монитор...

– А мне? – вякнул Володя. – А мне дадут чего-нибудь?

Полковник окинул его ироничным взглядом.

– Тебе? Ну, смотри сам. На протяжении четырех дней, или девяноста шести часов, игнорировал важнейшую информацию. Закрывал глаза на показания ценного свидетеля. – Он кивнул в мою сторону. – Препятствовал следствию, не удосуживаясь передать мне факты, которые тебе как представителю правоохранительных органов сообщала гражданка Суматошкина. Неоднократно подвергал опасности ее жизнь... Из-за своей халатности, если не злого умысла, едва не допустил крупнейшее преступление века, а то и целого тысячелетия...

– Но я не знал!.. – жалко пытался оправдаться Володя. Сейчас он был похож на скотчтерьера, напавшего на садо-

вый шланг и получившего хорошую порцию ледяной воды в морду.

– Где твой нюх, майор? Где профессиональное чутье?.. Потом, конечно, ты спохватился – по чисто русскому обычаю, в последний момент. Все-таки нашел меня, доложил ситуацию... Поэтому я, так и быть, похлопочу, чтобы тебя не отдали под суд, а то ведь опозоришь все честное имя российской полиции. Но не могу гарантировать, майор, что тебя не выкинут из органов с волчьим билетом. В охранниках овощного склада тебе самое место. Гнилую картошку сторожить – вот твое призвание. – Полковник отвернулся от размазанного майора обратно к Пантере: – А вот ты, девочка, молодец. Хочешь грамоту с благодарностью от управления МВД?

– Да ну, вот еще, – фыркнула Пантера. – Чего мне с ней делать-то? Вяленую рыбу заворачивать к пиву? Лучше верните деньжата за камеру.

Полковник покрутил в руках чокер:

– Модель 4К... Не слабо! Дорогая штучка. – Он аккуратно спрятал шпионский чокер во внутренний карман пиджака. – Ладно, напишу отчет в бухгалтерию. Жди зачислений на свой счет.

– Дорогая, говорите, камера? – встряла я. – Откуда же у тебя, Катерина, денежки-то такие? Нигде не работаешь... Папа-лесник, что ли, из Новгородской области присылает? Подозрительно это все.

– Во-первых, предок мой никакой не лесник, с чего вы взяли? А камерку с гонорара за прошлый концерт купила, – небрежно отозвалась Пантера.

Неужели ей еще и платили за надругательство над музыкой, которое она устраивала?! – поразила я. И тут же предъявила девице новую претензию:

– А кстати, объясни-ка мне вот что: зачем ты вилась вокруг своего байкера, словно он бутылка валерьянки, а ты кошка? Смотреть было противно!

– Ёлки, тетя Люба, неужели вы ревнуете? – расхохоталась Пантера. – Ясно же, зачем я к нему лезла. Чтобы не вызывать подозрений. Чтобы не провалить ваш мощный план – который вы сами успешно провалили. Ради Степы вашего старалась!

– Ну, спасибо за старание, – буркнула я сквозь зубы.

– Так, девочки, отставить базарные склоки! – весело командовал полковник Орлов. – У нас там в Голубом зале восемнадцать президентов и шесть премьер-министров, в том числе четыре женщины, сидят голодные. Кормить их историями про сорванный теракт нельзя. Випы настроились вкусно поесть и послушать хорошую музыку... Ну, с музыкой у нас, положим, все окей, – он подмигнул Пантере, – а вот что делать с едой, ума не приложу, хоть пиццу из ближайшего кафе заказывай.

– Какую еще пиццу? – патриотично возмутилась я, решив отстоять кулинарную репутацию родины. – Они хотели тра-

диционный русский обед – они его получат! Не от шеф-повара ресторана «Флёр», а от лучшей мамы всего Купчина!.. – Я задумалась. – Вот только президент самолично утверждал меню – а я-то буду готовить свои блюда, неутвержденные...

– Смелее, Любовь Васильевна, – подбодрил меня полковник Орлов, снимая джинсовую куртку. Его мятую серую рубашку нужно было срочно постирать и погладить, а еще лучше – отнести на помойку. – Уверен, президент не обидится, что в его меню внесли изменения – когда узнает причину.

– Что ж, тогда – за дело, мои маленькие поварятки! – объявила я, обращаясь к своей разношерстной команде. – Давайте покажем заморским гостям, что такое русское гостеприимство!

Глава 27

Родственников у меня много, и все они раскиданы по разным уральским городам. Ездить к каждому в гости – жизни не хватит. Поэтому раз в пять лет я собираю всех двоюродных братьев, троюродных сестер, четвероюродных племянников и пятиюродных внуков, а также их законных супругов и детей у себя в Купчине. Семья – это святое! К тому же должна же я похвастаться, какой у меня сыночек чудный растет, на зависть всем.

Если хотите знать точные цифры – в последний раз в мою сорокадевятиметровую квартиру втиснулись аж двадцать три человека. Пришлось одалживать столы у соседей.

Степочка сделал было робкую попытку привести свою тогдашнюю девушку, чтобы познакомить свою избранницу с нашей большой семьей, но я отговорила аллергия на ее духи, которая в переполненном помещении только усилилась бы. Как вы понимаете, никакой аллергии у меня, конечно, и в помине не было. Просто мне категорически не нравилась эта карьеристка. Вечно она ходила в таком, знаете, деловом костюме, на умопомрачительных шпильках, волосы стянуты в конский хвост; и, главное, постоянно пропадала на работе. Она была маркетологом в какой-то международной компании. Ну скажите на милость, зачем мне такая амбициозная невестка? Кто будет за Степочкой ухаживать, ес-

ли она только и думает, что о каких-то презентациях? Кто будет детям носы вытирать, пока она участвует в пустых проектах? Кто будет носки стирать и борщи варить, наконец? Словом, не пустила я девицу на свой порог. Не удалось ей попробовать мой фирменный холодец.

К чему я это рассказываю? К тому, что на подготовку нашего семейного мероприятия у меня обычно уходит целая неделя. А здесь, в Константиновском, нужно было справиться меньше чем за час. Если вы хорошо умеете считать, то поймете, что и гостей тут было на одного больше, чем у меня дома. А продуктов – в десятки раз меньше. Потому что основную часть ингредиентов серые повара использовали для создания смертоносных блюд, которым теперь была одна дорога – в лабораторию, а затем в печь, но никак не на высочайший стол.

Полковник Орлов экстренно вербовал новых официантов из офицеров ФСО, в том числе моих знакомцев с проходной, косо на меня поглядывавших (гусара-начальника службы увели в наручниках по моей наводке), – а я размышляла, как бы мне определить ядовитость специй, расставленных повсюду в керамических горшочках. Без соли и перца даже я не смогу приготовить ничего приличного, а шпаргалок с описанием содержимого вазочек на этот раз не было.

Хотя...

Кто разбирается в пряностях лучше Главного Магистра Ордена Королевской Кобры?

Вот непогрешимый индикатор степени ядовитости приправ!

Новоиспеченные официанты скидывали свои неприметные пиджаки и неумело повязывали вокруг талии столь же неприметные серые фартуки, а затем, взяв подносы с аперитивами, направлялись в сторону Голубого зала, где уже начали собираться главы государств, ожидающие превосходного обеда, о котором можно будет рассказывать – нет, не внукам – требовательным журналистам.

Время раздумий кончилось. Наступило время действий.

Я подхватила трехкилограммовой пакет с пшеничной мукой и подошла к Главному Магистру, который сидел в наручниках возле дальней стены в окружении трех парней в бронежилетах и всячески старался сделать вид, что он меня не замечает.

– Товарищ Магистр! – окликнула я. Старичок словно не слышал – с преувеличенным интересом изучал изрзцы на противоположной стене. – Эй, товарищ Магистр! – Мой собеседник перевел взгляд на темный фламандский натюрморт с какой-то протухшей рыбиной в окружении подгнивших яблок. Мне эта игра уже порядком надоела. – Прекратите валять дурака и скажите-ка мне вот что: эта мука отравленная или нет?

Старичок упорно молчал, рассматривая остывающего барашка над пеплом олеандра.

– Знаете что, мой милый, – раздраженно сказала я, – я

так поняла, что вы очень дорожите своей жизнью – так вот, вы же не хотите, чтобы я заставила вас попробовать каждый продукт, который вызывает у меня сомнения? А эти brave ребята из спецназа помогут мне вас угостить.

– Не буду я вам помогать, – буркнул Главный Магистр, глядя в сторону. – А насильно заталкивать в меня отраву вы не станете. Это нарушение прав человека.

– А моего сыночка, ни в чем не повинного, держать за решеткой шесть дней – это не нарушение прав человека? – взорвалась я. – Из-за вас Степочка на всю жизнь получил тяжелейшую психологическую травму!

– Степочка? – Главный Магистр изумленно вскинул седые брови и наконец посмотрел прямо на меня. – Степан Суматошкин?.. Вы его мать?.. Ну конечно... Я должен был догадаться... Что случилось с моей головой?!

– Старческий маразм, – предположила я.

– Любовь, любовь затуманила мое сознание... – бормотал Главный Магистр про себя, склонив белую голову. Сквозь редкие волосы горько розовела лысина. – История, ты ничему не учишь! Сколько гениальных планов срывалось из-за страсти к женщине. Сколько мировых лидеров теряли голову – а следом и власть – из-за любви. Король английский Эдуард Восьмой, сын троянского владыки Парис, принц Люксембургский Луи... Теперь я – один из них... Позор, какой позор... Какое бесславное завершение трехвековой миссии великого Ордена... Шекспир, зачем ты умер? – вдруг

воскликнул он куда-то в оштукатуренный потолок. – Вот тебе повесть, которой нет печальнее на свете! Вот тебе материал для невиданной доселе трагедии!

– Так, товарищ Магистр, – решительно остановила я эти возлияния. – Как вы совершенно правильно отметили, Шекспир уже давно умер, а вот восемнадцать президентов и шесть премьер-министров, в том числе четыре женщины, несмотря на все ваши старания, – еще нет. Но скоро вполне могут скончаться от голода. Посему быстренько ответьте мне на простой вопрос: эта мука отравлена или нет?

Главный Магистр вновь опустил голову и тупо уставился в пол.

– Что тут у нас, игра «Море волнуется раз»? – К нам бодрой походкой подошел полковник Орлов, на ходу завязывая вокруг талии передник. – Морская фигура замерла и не желает сотрудничать со следствием? Окей, мы сейчас это запишем. И на суде об этом скажем. И я такой морской фигуре – которая обвиняется в подготовке к беспрецедентному террористическому акту, затрагивающему государственные и международные интересы двадцати четырех стран, да еще и скрывает при этом ценную информацию, – завидовать не стал бы. – Он наклонился к старичку. – Приятель, вы бы лучше одумались, пока не поздно.

Главный Магистр дернул бородой, словно его ударили по лицу.

– Не отравлена эта мука, – выдавил он сквозь зубы.

– Может, попробуем ложечку? – предложил полковник Орлов.

– Говорю, не отравлена, – огрызнулся Главный Магистр. – Обычная мука.

Полковник Орлов оценивающе взглянул на старичка:

– Окей, вроде не врет. Но мы его потом все равно заставим попробовать все, что приготовим. Ни одно блюдо не покинет Голландский зал, пока не получит одобрение нашего дегустатора. Понятно, парни?

Коммандос синхронно кивнули, выражая готовность угостить арестованного хоть русской едой, хоть русской пулей, если потребуется.

Полковник повернулся ко мне:

– Командуйте, Любовь Васильевна. Что будет в меню?

– Ну, я считаю, стол без пирожков с мясом – это не стол, – начала я загибать пальцы. – К ним подадим хороший, сытный уральский борщ – я тут где-то бульон видела, если только его еще отравить не успели... Ну и на второе – котлетки с жареной картошечкой.

– Отлично, – утвердил полковник. – Распределяйте обязанности.

Распределились так. За Яковом Матвеевичем закрепили чистку овощей – он с ностальгической улыбкой вспомнил, как в институте, в далекой молодости, ездил на картошку; я прикрыла его чудесный белый костюм чистым серым передником. Володю поставили работать с мясом – как любой

уважающий себя охотник, он вытворял с ним чудеса. Полковник лепил пирожки и ровные, как с конвейера, котлетки; сначала я подумала, что столь великолепный глазомер и твердую руку он натренировал, стреляя в преступников, но потом выяснилось, что в свободное время Орлов мастерски играл на бильярде. Главный Магистр нехотя комментировал, в каких плошках – яд, а в каких – обычные специи. Пантера же, которая не умела абсолютно ничего, развлекала нас закулисными историями из своего бурного прошлого, сидя на столе и болтая ногами. Я хотела было отправить надоевшую девицу восвояси, но полковник не позволил – сказал, она может пригодиться при допросе Черного Пса, а до концерта еще полно времени.

Вы спросите, чем занималась я? Парила над всеми. Властвовала. Чувствовала себя повелительницей поварешек, королевой кастрюль, госпожой готовки. Когда еще выпадет шанс руководить командой помощников, состоящей из полковника полиции, майора полиции и доктора наук, да к тому же усиленной Главным Магистром могущественного древнего Ордена!

Через полчаса пирожки румянились в печи, борщ кипел в котелке бордово-красным вулканом, котлеты из тетеревов, собственноручно ошипанных, выпотрошенных и нарубленных Володей, шипели на медной сковороде, а по соседству источала соблазнительные запахи жареная картошечка с луком, наводя на мысли о деревне и прохладном вечере

после душного дня на сенокосе, с песнями про несчастную любовь и хороводами.

Мои поварята обессиленно вытирали мокрые лбы и тяжело отдувались. У Якова Матвеевича сбился на сторону галстук – такого я не видела даже в «черный вторник», когда он в одночасье потерял все свои сбережения, в том числе гранты на проведение научно-исследовательской работы и правительственные премии. Полковник Орлов сам себе массивировал шею. Рубашка его, и без того несвежая, взмокла от пота. Володя клонился набок со стула, уронив лохматую голову на скрещенные руки. Моя суперкоманда выложилась по полной на этом кулинарном марафоне. Мы чувствовали себя саперами, чудом преодолевшими заминированное поле.

– Батюшки-светы! – вдруг воскликнула я, когда официанты уже загрузили на подносы тарелки с борщом и пирожками. – А запивать-то чем они будут? Прохладительного-то ничего нет! Про безалкогольные напитки не подумали!

– В той бочке десять литров брусничного морса, – невинным голоском посоветовал Главный Магистр. – Сплошные витамины. Мы еще не успели его отравить.

Я заглянула в бочку. Там действительно плескалась алая жидкость, пахнувшая ягодами. При мне туда яд не подмешивали – однако доверять хитрому лесовичку я все-таки не рискнула.

– Очень мило с вашей стороны подсказать выход из ситуации... – задумчиво сказала я Главному Магистру. – Даже

слишком мило. Совсем на вас не похоже.

– Просто я надеюсь, что моя посильная помощь вам, Любовь Васильевна, а также искреннее раскаяние зачтутся при вынесении приговора. – Главный Магистр обреченно пожал сутулыми плечами.

– Раскаяние? Помощь? Ну-ну, – сказала я, скептически приподняв брови. После чего зачерпнула поварешкой морс и поднесла ему: – В таком случае – как насчет попробовать? Бояться-то нечего. Вы же еще не успели его отравить, верно?

Старичок отшатнулся от поварешки, словно я пыталась засунуть ему в рот раскаленную кочергу. Несколько капель морса попали ему на бороду.

– Вытрите! Вытрите немедленно! – завизжал он. – Я не могу сейчас умереть! Я еще не готов! Мне еще столько нужно успеть!

– Так морс же вроде не отравлен, приятель, – подошел к нам полковник Орлов. – Сплошные витамины. Наоборот, дольше проживете!

– О дьявол! Это морс из колдовской фиалки, или розового барвинка, – трясась от страха, признался Главный Магистр. – Настаивался сутки. Если он сейчас попадет мне на кожу – мгновенно начнется паралич нервной системы. Спасите, умоляю!

Полковник Орлов обмотал руку мокрым полотенцем и вытер белую бороду Магистра, по которой уже расплывались неряшливые красные пятна.

– Еще и возись с ним, – вздохнул полковник.

– Если позволите вмешаться, Любовь Васильевна, – слышался сзади суховатый голос Якова Матвеевича, – я хотел бы обратить ваше внимание вот на эти ягоды – похожи на черную смородину. Как вспоминал Михайло Ломоносов, Екатерина Великая часто угощала гостей смородиновой водой...

– Это и правда черная смородина? – накинулась я на Главного Магистра. – А? Или опять какие-нибудь волчьи глаза?

– Нет таких ягод – «волчий глаз», – недовольно отозвался старичок, стряхивая с бороды капли воды. – Есть «вороний глаз» и волчья ягода. Для меня остается загадкой, как вы прошли наши вступительные испытания?! Этот вопрос не дает мне покоя последние полчаса!

– Пусть это останется моим секретом, – кокетливо ответила я. – Не все же вам тайны разводить... Так это ядовитые ягоды или нет?

– Нет, – буркнул Главный Магистр. – А жаль.

– Попробуете парочку? – предложил полковник Орлов, взяв пару смородин на ложку.

– А ложка мытая? – подозрительно уставился на нее старичок. – Мне лишние бактерии в желудке не нужны.

– Боже, как мы кудахчем над своим здоровьем, – снова вздохнул полковник. – Мытая, мытая. Пробуйте, приятель, президенты ждать не будут.

Главный Магистр открыл рот, будто престарелая галка,

полковник насыпал туда ягод, старичок прожевал их и проглотил. Мы замерли в ожидании результата. Ничего не происходило. Магистр сидел с кислым видом, но, похоже, чувствовал себя превосходно.

– Итак, команда, – провозгласила я, – приступаем к изготовлению смородиновой воды – я такой поила Степochку, когда он был маленьким... Вот уж не думала, что на старости лет буду угощать этим скромным напитком президентов.

– Вы вовсе не старая, Любовь Васильевна! – хором воскликнули Яков Матвеевич, Главный Магистр и, как я с удивлением отметила, полковник Орлов.

– Но не такая уж и молодая, – из вредности вставила Пантера. И эта девица всерьез рассчитывает, что у нее что-нибудь выйдет с моим сыночком! Клянусь своими леопардовыми тапочками, в жизни ей не получить моего благословения!

Напиток императрицы приготовили за несколько минут. Ягоды пострадали порядочно, прямо как я за последние дни: их залили кипятком, безжалостно намяли с сахаром. После чего жмых выкинули за ненадобностью, а получившийся концентрат разлили по бокалам и разбавили ледяными кубиками.

После того, как Главного Магистра накормили комплексным обедом в целях проверки блюд на ядовитость, наши деликатесы наконец-то покинули Голландский зал и отправились защищать честь русской кухни перед самыми высокопоставленными персонами мира.

– Устал я от этих запахов чертовски! Не видел столько еды со времен последнего развода. – Полковник Орлов потянулся с довольным видом человека, ухватившего за хвост жар-птицу – после долгих, безнадежных, изматывающих поисков, в успешный исход которых никто не верил. – По-моему, мы с вами, дамы и господа, вполне можем совместить полезное с приятным. Нам нужно побеседовать вот с этими двумя кудесниками, – он кивнул в сторону пригорюнившихся руководителей Ордена Королевской Кобры, – а сесть тут толком негде. Того и гляди, угодишь локтем в какую-нибудь ядовитую дрянь. Насколько мне известно, в бельведере наверху есть немецкая кофеварка...

– И мы до сих пор здесь? – воскликнула я. – Срочно кофе, и покрепче! Это именно то, что мне сейчас нужно.

– Да, кофе был бы очень кстати, – робко проклюнулся за-скачавший было Володя.

– Нет, приятель, на тебя приглашение не распространяется, – безапелляционно заявил полковник. – Ты остаешься в Голландском зале. Кто-то должен следить за нашими ФСО-шными официантами-любителями. Пользуйся случаем, покомандуй напоследок, пока тебя не уволили.

Глава 28

Когда мне было восемнадцать лет, я была ужасно красивая. Не в смысле ужасная, а в смысле – очень красивая. Поверьте на слово. Если хотите знать, многие меня путали с актрисой Татьяной Догилевой, особенно после выхода фильма «Блондинка за углом».

Шел семьдесят девятый год. Ударными темпами строилась БАМ, в Афганистане вот-вот должен был высадиться русский десант, Брежневу присудили Ленинскую премию по литературе, а я заканчивала второй курс швейного техникума. Впрочем, учиться мне было некогда – кавалеры буквально не давали мне прохода. По ночам пели серенады под окнами общежития, с утра караулили у парадной с цветами в руках, по вечерам таскали в кино, на всякие новинки вроде «Осеннего марафона» или «Москва слезам не верит». Мороженого мне покупалось столько, что я вполне могла бы на досуге им торговать с тележки. Помнится, у меня постоянно болело горло из-за немыслимого количества съеденного лакомства.

Как-то раз прибегает ко мне в общагу один из наиболее перспективных кавалеров – сын номенклатурного работника. У папочки его, достойного представителя правящего класса, была еще четырехкомнатная квартира на Суворовском проспекте, а сам ухажер щеголял в настоящих американских, а отнюдь не югославских или там польских, джин-

сах и презирал авоськи. Вахтерша наша, с уважением относившаяся к кастовой системе Советского Союза, а также к еженедельным подношениям в виде дефицитной колбасы, пропускала его на территорию женского царства почти без ворчания.

В общем, вламывается он ко мне без стука, глаза горят, руки трясутся. Кричит: «Завтра... завтра... ох, я сейчас в обморок грохнусь... Люба, завтра идем на концерт – ты не поверишь! – Элтона Джона!» «Кого?» – равнодушно переспросила я, поскольку меня интересовало творчество исключительно отечественных звезд эстрады. «Элтона! Джона!» – повторил кавалер, пытаясь нащупать у себя пульс. «У тебя нашатырного спирта случайно не найдется?» – прибавил он.

После того, как я привела его в чувство, он сумел более или менее связно рассказать, что каким-то чудом его отцу удалось достать два билета на первую крупную гастроль западного рок-музыканта в Ленинграде. И он приглашает меня посетить исторический концерт в «Октябрьском». Дальше следовали восторженные, сбивчивые подробности: «Мне за эти билеты семьдесят рублей предлагали, я не отдал!.. Элтон приехал в СССР с мамой... Привез с собой одиннадцать тонн оборудования – фантастика!.. Я сегодня весь день дежурил у „Октябрьского“, и разглядел-таки, как Элтон подходит к окнам гримерки! По крайней мере, я почти уверен, что это был его силуэт!..»

Нельзя сказать, что я испытывала похожие эмоции. Од-

нако упустить шанс похвастаться перед подружками я тоже не могла. Кроме того, я всегда считала себя человеком широких взглядов и гордилась своим чутким отношением к современным тенденциям.

Словом, за ночь я сшила себе премиленький облегающий комбинезончик из голубой хлопчатобумажной ткани – с острым воротником, короткими рукавами и широким поясом, – накрутила кудри на пиво и, взяв своего ухажера под ручку, отправилась на концерт всемирно известного англичанина. Настроение было отличное – май выдался теплым, что не могло не радовать после особенно лютой зимы; подружки, которым я уже успела растрезвонить, куда иду, умерли от зависти; и даже письмо от родителей с Урала, в котором сообщалось, что моя сестра Глафира перевелась в Ждановский университет и переезжает в Ленинград, не смогло омрачить мой позитивный настрой.

Ну, что я вам должна сказать? Так я и не поняла, как этот Элтон Джон, в потешной полосатой кепке и круглых очках, стал мировой знаменитостью. Недалеко он ушел от Пантеры с ее непонятной и даже, на мой взгляд, вредной музыкой. Мой кавалер в исступлении, что есть мочи подпевал британцу: «A rocket man, a rocket man! And I think it's gonna be a long, long time...» , а я видела, как на него из первого ряда с ужасом и осуждением обернулась партийная активистка в строгом платье и с гладкой прической, и мне стало нестерпимо стыдно.

– Пойдем отсюда! – потребовала я, дернув кавалера за рукав, как только песня кончилась. – Хватит позориться!
– Что? – Он уставился на меня невидящим взглядом.
– Я говорю, пойдем отсюда! Ведешь себя как чуждый, антисоветский элемент!

В глазах моего кавалера бушевала гроза. Он не знал, что выбрать: эпохальный концерт или мою благосклонность. Я видела, как его душа рвется на части.

Думаю, вы уже догадались, чем все закончилось. Кавалер опустил голову и покорно, как собачка, поплелся за мной. Мы покинули БКЗ на середине слишком занудной, на мой взгляд, песни «Candle in the wind».

Кстати, через несколько дней я бросила этого ухажера. Зачем мне связывать свою жизнь с проводником буржуазной идеологии? Тем более, что я познакомилась с симпатичным начинающим автослесарем Петей Суматошкиным, сразу покоровившим меня своей робкой улыбкой и золотыми руками...

Почему я все это вам рассказываю? А потому что сейчас, устроившись в бельведере Константиновского дворца с чашечкой крепкого кофе, я вновь почувствовала себя восемнадцатилетней красоткой – за мое внимание соревновались сразу трое видных мужчин. Да, друзья мои, трое! Я не обсчиталась! Главный Магистр, немного оклемавшийся после всех перипетий, Яков Матвеевич, вернувший галстук на место, и, как ни странно, ироничный полковник Орлов собственной персоной.

В бельведере было тихо и уютно. Стены, пол, потолок – повсюду деревянные панели благородного оттенка темной черешни. Мы словно оказались на старинном паруснике. Тут и там декораторы расставили морские акценты: золоченая статуэтка в виде штурвала; уменьшенная копия гальюнной фигуры – растрепанная русалка с трезубцем; «роза ветров» на полу из наборного паркета; плетеные канаты, комоды-рундуки... Степочке здесь очень понравилось бы...

Когда мы поднялись сюда, под самую крышу, на лифте (вы только представьте! лифт во дворце! новодел, конечно; это пусть всякие великие князья тренируются, бегая вверх-вниз по лестницам, а президенту негоже ножки трудить), полковник бросился усаживать меня в полосатое кресло, спрашивая:

– Все окей, Любовь Васильевна? В обморок пока падать не собираетесь? А то столько вы пережили за последние дни...

– Все шикарно, товарищ полковник, – кокетливо отвечала я. – Давление у меня всегда одинаковое, космическое – сто двадцать на восемьдесят.

– Поразительно... – Полковник прищурился, поглаживая родинку на щеке. – Смотрите-ка, а тут и коньячок рядом с кофеваркой есть! Плеснуть вам, Любовь Васильевна, капельку в кофеек?

– А почему бы и нет, товарищ полковник? Плесните, отчего же! Можно и не капельку!

– Окей. Вам эспрессо или американо?

Полковник включил кофеварку; модель была эксклюзивная, под старину, тускло блестела античной бронзой – вот только громадный многоцветный дисплей с сенсорными кнопками немного выбивался из стиля.

– Эспрессо, будьте любезны, милый товарищ полковник, – улыбнулась я игриво, сделав вид, что не заметила его ошибки.

– Несравненная Любовь Васильевна любит кофе покрепче, господин Орлов, я хорошо знаю ее привычки, – опередил меня Яков Матвеевич, небрежным жестом смахивая пылинки с рукава белого пиджака. – А уж какой кофе она варит сама – м-м-м! Мы с ней частенько встречаем рассвет за чашечкой божественного напитка ее собственного приготовления.

Полковник прервал свои манипуляции и через плечо взглянул на меня, подняв брови. Я смущенно откашлялась и уточнила:

– Мы с Яковом Матвеевичем просто соседи. – Я сделала упор на последнее слово.

– Пока просто соседи! – Яков Матвеевич сделал упор на первое. Что-то он сегодня разошелся. Наверное, понравилось меня спасать.

– Ну-ну, – хмыкнул полковник и возобновил свою ворожбу с дисплеем.

Рядом с кофеваркой обнаружилось блюдо с маленькими квадратными шоколадками, на которые я после пережито-

го набросилась, как ненормальная. Яков Матвеевич, зная мою страсть к шоколаду, галантно от него отказался. Полковник, решивший было восполнить запас калорий, потраченный во время интенсивной готовки, ревниво посмотрел на соперника и тут же положил блестящий квадратик обратно.

Пантера на шоколадки и вовсе не претендовала – из своего драного рюкзака цвета земли она вытащила пачку чипсов и захрумкала ими, запивая химическую гадость еще более вредным энергетическим напитком.

Главного Магистра и Черного Пса также усадили в кресла и даже предложили им кофе – без коньяка. Байкер не удостоил полковника ответом. Он хмуро глядел в пол. Старичок же несмело продрембезжал:

– Благодарю, я бы не отказался...

Спецназовцы за спиной арестованных рыцарей стояли как истуканы. Им бодрящих напитков никто не давал. Коммандос никак нельзя было отвлекаться от своих прямых обязанностей – слишком высоки были ставки.

– Оказываются, кобры любят кофе, кто бы мог подумать, – хмыкнул полковник, вновь пикая сенсорными кнопками. – Нужно занести этот удивительный факт в Википедию.

Ароматная жидкость наполняла чашку. Звуки напоминали плеск волн о борт корабля. Когда же я прибуду к месту назначения? Когда наконец закончится мое путешествие по коварным волнам старого Петербурга?

Я перехватила тоскливый взгляд Якова Матвеевича.

– Посмотрите, какая чудесная витая лесенка, Любовь Васильевна, – тихо сказал он. Я обернулась. За моей спиной закрутились сказочной спиралью черешневые ступеньки, ведущие в крошечную башенку с панорамными окнами. – Наверное, в солнечную погоду кажется, что ты поднимаешься прямо в рай. Жаль, что сейчас ливень... – Он крепко обхватил поручни своего инвалидного кресла. Костяшки побелели от напряжения. – А еще жаль, что я никогда не смогу там побывать. Если бы я только не был прикован к этой проклятой колымаге! – Столько боли звучало в его голосе – неужели только из-за дурацкой лесенки?

Тем временем, Главный Магистр с наслаждением отхлебнул пенку, поглядывая на меня из-за чашки.

– Жаль, чертовски жаль, что не все идет так, как нам бы хотелось... – эхом подхватил он речитатив Якова Матвеевича. – Знаете, из вас получилась бы идеальная первая леди, дорогая Любовь... – тихо сказал он. – Вы так элегантны...

Яков Матвеевич безнадежно опустил голову.

Я промычала Магистру «мерси», но не уверена, что меня хоть кто-нибудь понял: рот у меня был забит до отказа. Я напихала за щеки едва ли не полкило шоколада.

– Что ж, приятель, пока некоторые тут пьют кофе и сожалеют о том, что потеряли такую потрясающую женщину, – вкрадчиво обратился полковник к Черному Псу, – я имею в виду твоего начальника и никого больше... Не же-

лаешь ли в чем-нибудь признаться? В краже «Книги Пряностей»? В нанесении травмы средней степени тяжести шеф-повару ресторана «Туфелька Екатерины»? В подбрасывании улики? В подготовке террористического акта?

Байкер упорно молчал.

– Ты же понимаешь, что благодаря вышеупомянутой потрясающей женщине, – Орлов указал на меня, – у нас есть аудиозапись заседания Ордена? На котором все твои заслуги обсуждались подробно и во всех красках. Я тебе, приятель, сейчас помогаю. Чистосердечное признание, как известно, облегчает наказание.

Байкер молчал.

– Пантера, быть может, подключишься к нашему разговору? – Полковник Орлов вопросительно посмотрел на певичку.

– Песик, будь умняхой. – Пантера стряхнула с джинсов рыжие крошки, присела на корточки перед бывшим парнем и заглянула ему в глаза. – Не усложняй себе жизнь.

Он дернулся, заскрипел зубами, потом рывкнул:

– Я тебе больше не Песик, к чертям собачьим Песика! И в советах твоих не нуждаюсь... – Он потряс в воздухе руками в наручниках. – Дважды меня предала! Дважды!.. Но я не такой, как ты. Я не изменник. Если я поклялся хранить верность миссии Ордена – я сдержу слово, несмотря на все ваши чертовы уловки!

– А что за миссия-то у вашего Ордена? Я что-то подза-

был... – Полковник слегка прищурился.

– Рахе! Месть! – воскликнул Черный Пес, ударив кулаком по кожаному колену.

– Ну и очень зря, – ненавязчиво заметил полковник, перебирая шуршащие фантики, которые я в шоколадном азарте разбросала по всему круглому столу. Казалось, он весь погрузился в этот процесс – словно не было для него сейчас ничего важнее, чем сложить из оберток невесомую, хрупкую пирамидку.

– Что зря? – не понял Черный Пес.

– Зря вы так зациклились на своей мести, – лениво сказал полковник, пристраивая последний фантик на верхушку своей блестящей кучки. – Ваш так называемый Великий Магистр вообще от нее отказался перед смертью.

– А? – раскрыл рот Черный Пес.

Лицо же Главного Магистра внезапно скривилось так, словно вместо превосходного кофе ему подсунули чистейший лимонный сок без сахара. Морщины его собрались в некое подобие карты гористой местности, испещренной реками и источниками.

– Вот тебе и «а». – Полковник вдруг посмотрел прямо на байкера – под этим тяжелым взглядом допрашиваемый даже ссутулился. – Я только что из Германии. Нашел там следы вашего Великого Магистра. Вы вообще в курсе, что он после смерти Екатерины Второй вернулся на родину?

– Он... он исчез... перешел в высшие сферы, как король

Артур, и обещал вернуться, как только мы будем готовы... – жалко забормотал Черный Пес.

Полковник дал ему высказаться, помолчал, потом продолжил:

– Ну, в какой-то мере он и правда оказался в высшей сфере – в сфере высшего образования, если точнее. В конце жизни он принял-таки приглашение Кёльнского университета – стал там профессором, преподавал, разработал невероятно эффективные лекарства, которые немецкие фармацевтические компании выпускают до сих пор, между прочим...

– Это поразительно, господин полковник! – не удержался Яков Матвеевич. Он заметно взбодрился. Лучшее средство от несчастной любви и сожалений о несбывшемся – любимая работа. – Я как будто читаю последние страницы захватывающего детектива – потерянные двести лет назад... Как вам удалось все это узнать?

Похоже, полковнику было приятно слышать искреннее восхищение в голосе уважаемого ученого. Ревность отошла на второй план. Он улыбнулся.

– Не так уж это было и сложно, Яков Матвеевич... Самым трудным оказалось оторвать себя от брауншвейгской колбасы – которая, кстати, совершенно не похожа на ее советский вариант...

Ага, так я знала, что он там прохлаждался, в этой Германии, закусывая всякими колбасками, пока мой Степочка в застенках томился!

– Мне повезло – почти сразу на той самой барахолке в Кёльне я наткнулся на подростка, который и продал директору «Туфельки Екатерины» пресловутую «Книгу Пряностей». Пришлось немного нажать – немецкий я немного знаю – и выяснилось, что паренек потихоньку таскал книжки из папиного кабинета в местном университете...

– Ай-яй-яй, как нечестно, – покачала я головой.

– Папа, университетский профессор, сразу понял, о какой книжке идет речь и для начала посоветовал мне встретиться с потомком ее автора, чтобы получить сведения из первых рук... Так что больше всего времени я потерял на ожидание аудиенции у потомка брауншвейгских герцогов, его высочества принца Ганноверского Эрнста Августа, – сообщил полковник. – Парень пашет как вол в лондонском банке, мотается между Германией и Англией, будто и не наследник королевского дома, а простой клерк – правда, не каждый офисный клерк располагает собственными замками в разных частях Европы... В общем, если бы не его жена, которая уговорила высочайшего супруга встретиться со мной на минутку – скучал бы я до сих пор в том крошечном немецком отельчике, выбираясь разве что в соседний бирхаус, чтобы попробовать очередной сорт свежесваренного местного пива...

– А жена его – тоже небось принцесса? – с любопытством спросила я, прожевав наконец весь шоколад.

– Теперь уже – да, но до свадьбы она была обычной русской девушкой Катей из Мурманской области, – усмехнулся

полковник. – Я немного знаком с ее отцом, позвонил ему, попросил содействия по старой дружбе...

– Ой, ну прямо современная версия Золушки! – умилилась я. – История как из моего сериала.

– Не совсем, Любовь Васильевна, – не согласился со мной полковник. – Катя познакомилась с принцем, когда уже сама стала именитым дизайнером одежды. Так что замарашкой ее никак не назовешь. Скорее уж феей-крестной – платье на свою свадьбу она создавала сама.

– Так что рассказал вам принц про Великого Магистра? – вмешался в беседу Черный Пес. Лицо у него было страдальческое. Очевидно, полковник не просто так тянул время, отвлекаясь на разные малозначительные подробности своей командировки – клиент как раз дошел до нужной кондиции.

Если вам интересно, как реагировал на всю эту историю Главный Магистр, то могу вас озадачить: почти сразу он привел свое лицо в нормальное состояние, а потом помалкивал и потихоньку смаковал кофе. Старичка, в отличие от Черного Пса, откровения полковника, похоже, нисколько не шокировали.

– Эрнст поделился со мной фамильной легендой про дядю Фридриха – хотя мне кажется, что Яков Матвеевич располагает более подробной ее версией...

– Господин полковник, как обидно, что вы сразу не обратились ко мне! – сокрушенно воскликнул Яков Матвеевич. – С вами в паре мы бы горы свернули. Мои знания, ваша энер-

гия – мы бы играючи раскололи это дело, и нашей несравненной даме не пришлось бы рисковать своей жизнью...

– Ваши знания еще очень пригодятся для суда, Яков Матвеевич, – прищурился Орлов. – Я обращусь к вам за научной консультацией, если вы не против...

Черный Пес взорвался:

– Черт вас всех разбери, любезники чертовы! В конце-то концов! Сколько можно ходить вокруг да около! Что там с Великим Магистром?!

– Что-что – после встречи с принцем я вернулся в Кёльнский университет и порылся как следует в их архивах, – невозмутимо продолжил полковник. – Профессор помог отыскать мемуары Фридриха. Ну и оказалось: в конце жизни ваш так называемый Великий Магистр полностью разочаровался в идее мести. Решил помогать людям, сочиняя фармацевтические рецепты.

– Это еще Парацельс говорил: «Всё – яд, всё – лекарство; то и другое определяет доза»... – задумчиво вставил Яков Матвеевич.

– Короче, ваш Великий Магистр сам предал идеи своего Ордена – прости, приятель, – заключил полковник. – А ты все цепляешься за его тухлые заветы... Ну, теперь не надумал признаться?

Черный Пес повел большими глазами по сторонам. Посмотрел на Пантеру. Та сочувственно кивнула. Посмотрел на своего руководителя и вдохновителя. Главный Магистр

увлеченно разглядывал пустую чашку, словно именно там, на дне, крылась разгадка основных тайн вселенной и ответы на нескольких мелких вопросов, вроде «кто убил Кеннеди?» и «зачем к джинсам пришивают этот маленький карманчик?».

– Значит, Великий Магистр не вернется? – В голосе его звучало глубочайшее разочарование ребенка, узнавшего, что деда Мороза не существует.

– Прости, приятель, – повторил полковник, поглаживая свою родинку на щеке и при этом внимательно, не отрываясь, глядя байкеру в глаза.

– Что же мне теперь делать? – растерянно спросил он. – А?

– Рассказать про все свои выходки, – быстро ответил полковник. – Мне нужны показания одного из главных участников событий. Потом посмотрим, что мы сможем для тебя сделать. Вижу, психика у тебя слабенькая. Легко поддаешься чужому влиянию. Попробуем списать твои действия на гипноз. От тюрьмы не спасу, уж слишком далеко ты, приятель, зашел; но от пожизненного, может, и отболтаемся.

– Пожизненного? – совсем расклеился Черный Пес.

– А ты как думал, дружище? – удивился полковник, наклоняясь вперед. – Ты же хотел отравить восемнадцать президентов и шестерых премьер-министров, в том числе четырех женщин, одновременно! И вообще, я не понимаю, почему ты так напуган – совсем недавно ты вообще собирался красиво покончить с собой при помощи змеиного яда!

– Так это ради идеи, – потухшим голосом сказал байкер. – А так-то чего?

Мне его даже немного стало жалко. Сперва. А потом я вспомнила, что из-за него мой Степочка попал в «Кресты» и мог никогда оттуда не выйти; жалость тут же улетучилась.

После того, как полковник мастерски сломал дух Черного Пса, допрос пошел как по маслу. Я слушала вполуха – мне и так все это было известно. Слишком хорошо известно.

Потом байкера увели. Напоследок он в отчаянии крикнул Пантере: «Будешь меня навещать в тюрьме?», она промолчала, и мне это не понравилось. Надеюсь, она не рассчитывает, что ей удастся завязать романтические отношения с моим зайчиком?

Затем наступила очередь Главного Магистра. Старичку пришлось выдержать целую серию вопросов – причем не только от полковника, но и от Якова Матвеевича, который просто не мог не воспользоваться редким шансом узнать историческую информацию не из книг, а напрямую от носителя страшной древней традиции.

Лесовичок, поглаживая бороду закованными в кандалы руками, отвечал охотно и многословно, выказывая полную готовность сотрудничать со следствием и наукой.

Но в какой-то момент он обронил:

– Кстати, при свидетелях хочу вам сообщить, товарищ полковник, что у меня сильно кружится голова, перед глазами звездочки, а в ушах звенит... Я совершенно не отдаю себе

отчет в своих действиях и словах. Учтите это, пожалуйста. Я сейчас пребываю отнюдь не в здравом уме и твердой памяти. Полагаю, это следует учесть при приобщении моих показаний к делу. – И он довольно-таки гнусно ухмыльнулся.

Полковник, очевидно, несколько смешался, перестал делать пометки в своем блокноте, однако храбро заявил:

– Окей, я сейчас вызову врача, он разберется, в здравом вы уме или не в здравом.

– Не забудьте сообщить вашему врачу, что мне восемьдесят три года, – довольным голосом предложил Главный Магистр. И обернулся к Якову Матвеевичу: – И на вашем месте, дорогой мой, я бы тоже не слишком рассчитывал на признание коллег. Грош цена всей вашей научной работе без «Книги Пряностей». А ее Черный Пес сжег. Хоть какой-то от него прок... Так что – увь, господа, напрасно вы потратили сейчас мое и свое время...

Старичок, этот гадкий лесовичок, торжествовал! Но ведь его уже совсем зажали в угол! Неужели ему удалось выскользнуть?

Полковник явно не знал, что делать. Яков Матвеевич грустно склонил голову. Серебристые виски блеснули в мягком свете, падавшем из мансардных окон. Судя по всем, наш корабль напоролся на рифы.

Грядущий судебный процесс разваливался на глазах. Неужели главный виновник всех моих бед останется безнаказанным?

– Ну что, Любовь Васильевна, – неожиданно Магистр повернулся ко мне, – теперь вы видите, кто здесь умнее всех? Теперь-то, моя дорогая, вы осознаете, что потеряли? Главное – правильно составить инструкцию для подчиненных! Благодаря тому, что мой послушный помощник бросил в огонь «Книгу Пряностей» – я навсегда останусь неуязвимым. Главного доказательства у многоуважаемого товарища полковника нет и не будет!

– Ёлки, просто уши вянут. – К нам ленивой походкой подошла Пантера. – Вы бы так не горячились, папаша. Не сжег Пес вашу книженцию, и не мечтайте.

– Что? – нахмурил белые брови лесовичок.

– Что слышали, папаша, – хмыкнула Пантера. – Вот эта мерзкая книжка. – И она с ловкостью Дэвида Копперфильда вытащила из своего грязного рюкзака – я не могла поверить своим глазам – «Книгу Пряностей»! Ту самую! В бордовой обложке, со змеей в короне!

– Но... Но... Но я же видел, как Книга горела в очаге! – залепетал Главный Магистр.

– А, то была другая, – махнула рукой Пантера. – «Руководство усердной хозяйки».

– Мое «Руководство»? – возмутилась я. – Я же тебе его подарила, чтобы ты уму-разуму набиралась!

– Вот и набралась. Когда обнималась с Псом, подменила «Книгу Пряностей» на ваше бездарное «Руководство», гори оно синим пламенем!

– Ах, какая неблагодарная девчонка! – поразила я. А потом до меня дошло: – Хотя... Знаешь, Катерина, наверное, ты не настолько плоха, как может показаться на первый взгляд... – с трудом признала я.

– Святые небеса, барышня спасла всех нас! – радостно воскликнул Яков Матвеевич.

– Да, Пантера, молоток! – похлопал ее по плечу полковник и бережно принял у нее «Книгу Пряностей». – Забираю ее как вещественное доказательство. Теперь она будет храниться не в каком-то ресторане, а в надежном месте – у меня в кабинете. Вместе с медальоном.

– Если позволите, господин полковник... – робко начал Яков Матвеевич.

– Окей, у вас будет исключительное право доступа, и только у вас, Яков Матвеевич, – сразу понял полковник.

– Постойте, а как же несчастный Порфирий Петухов? – вступилась я за страдальца шеф-повара «Туфельки Екатерины». – Он ведь идет ко дну со своим кулинарным кораблем. Сам признался, что не все рецепты помнит, сутками сочиняет какое-то жалкое временное меню, даже без майонеза... Может, все-таки отдать им книжку обратно?

– Насколько я понял, директор ресторана – умный мужик и вряд ли захочет продолжать всю эту тему с блюдами императрицы, – отозвался полковник. – Уж по крайней мере, он не станет угощать клиентов теми же блюдами, которыми едва не отравили восемнадцать президентов и шесть премьер-ми-

нистров, в том числе четырех женщин... – Он задумчиво погладил родинку на щеке. – Но если пожелает – окей, пуцу Порфирия, пусть освежает дырявую память, выписывает рецепты на здоровье... А после окончания следствия и вынесения приговора, Яков Матвеевич, вы уже сможете забрать свою драгоценную книжку в Эрмитаж – или куда там вы собиралась ее пристроить.

– Конечно, в родной Эрмитаж, – благодарно кивнул ученый.

– Товарищ полковник! – В бельведер ворвался запыхавшийся Володя. – Президент зовет шеф-повара!

Глава 29

На нашу свадьбу в восемьдесят третьем году Петенька подарил мне деревянную шкатулку, которую выстругал и раскрасил своими руками. Она и по сей день стоит у меня на трюмо в спальне: с высокой крышечкой, нежных тонов – тоненькие золотые полоски по бело-голубому фону. Слишком пресно, на мой вкус, я люблю что-нибудь поярче да позабористее; но я все равно питала к шкатулке нежные чувства, сберегла ее во время всех ремонтов и переездов. Хранила в ней всякие памятные вещицы: счастливый билетик из трамвая №11, первая Степочкина фотография на паспорт, значок заслуженного учителя Российской Федерации, мой партийный билет КПСС за 1989 год, Петино обручальное кольцо, та самая ампула со змеиным ядом, ключик забыла уже от чего...

Голубой зал Константиновского дворца поразительно напоминал мою шкатулку, только увеличенную в размерах. Те же робкие зимние оттенки, тот же золотой иней на карнизах и потолке. В похожем стиле были оформлены и небольшие круглые столы, расставленные по длинным сторонам зала – под высокими окнами, декорированными светлыми шторами, очень даже скромными по дворцовым стандартам. В центре лакированный березовый паркет оставили свободным – очевидно, для выступления артистов.

А вокруг столов стояли восемнадцать президентов и шесть премьер-министров, в том числе четыре женщины, и аплодировали мне стоя.

Я обмякла и, как куль с мукой, повалилась на Володю, открявшего мне золоченые двери. Не каждый день тобой восхищаются мировые лидеры! Да еще и целых двадцать четыре штуки одновременно! Ох, будет что рассказать Глафире, Рите и вообще всему Купчину!

Володя дыхнул мне в ухо: «Люба, держись!», придал мне более или менее вертикальное положение и ввел в Голубой зал. Вернее, втащил меня на себе, потому что у меня внезапно отказали ноги.

Президенты и премьеры отражались в громадных зеркалах – казалось, здесь собрались не два десятка, а несколько сотен холеных мужчин и женщин в дорогих костюмах. Я вяло помахала высокопоставленной толпе рукой. Голова плыла куда-то по волнам восторга. Все вокруг расплывалось, словно перед глазами у меня держали толстое мутное стекло. Меня не покидало чувство нереальности происходящего. До сих пор самой важной персоной, которую я встречала за свою жизнь, была грозная, недоступная богиня Валентина Петровна, заведующая отделом образования Фрунзенского района.

– Любовь Васильевна, позвольте выразить вам благодарность за настоящую русскую трапезу. В последний раз я так вкусно обедал в гостях у своей мамочки лет эдак двадцать

назад! Эх, золотое было времечко! Никакой политики, никаких интриг...

Батюшки. Светы. Батюшки-светы, батюшки-светы, батюшки-светы!!!

Этот глубокий, волнующий голос я миллионы раз слышала по телевизору. Это породистое лицо я знала лучше, чем лицо собственного мужа. Каждую морщинку, каждую родинку, черные пластмассовые дужки его старомодных очков – я могла бы описать его с закрытыми глазами.

А теперь он обращался ко мне! Ко мне, простой пенсионерке из Купчина!

– Я и мои коллеги признательны вам за изумительные пирожки, Любовь Васильевна. Вы совершили настоящий подвиг... – он еще больше понизил голос... – и не только кулинарный. Мне уже доложили. Вы просто героиня – хоть я и не люблю пафосные слова, но тут уж от них никуда не деться. Спасибо вам от лица всей страны. Да что там – от лица всего мира.

Володя тихо ойкнул. Его рука на моей талии заколыхалась, как медузы во время шторма.

– Спа... спа... – Мне наконец удалось совладать с собственными голосовыми связками. – Спасибо, тов... товарищ... мистер... господин... президент!

– Можно просто Александр Анатольевич, – сжалился он. Только сейчас я осмелилась посмотреть прямо на него. Батюшки-светы, он был еще обаятельнее, чем казалось по те-

левизору! Президент излучал харизму, как СВЧ-печь – микроволны.

Неудивительно – актеров бывших не бывает! Александр Шаховской был великолепен на экране, когда снимался в кино; и просто неподражаем в качестве президента. Как говорится, он был создан для этой роли. Удивительным образом он сочетал в себе черты сильного лидера, за которым хотелось идти хоть на край света, и интеллигентного человека, ценящего благополучие и комфорт даже крошечной полевой букашки; в то же время Шаховской производил впечатление счастливого мужа, отца и дедушки – вся страна недавно любовалась кадрами из обычного петербургского роддома, запечатлевшими президента с новеньким внучком на руках в окружении дружного семейства.

Я была рада, что спасла его. Правда.

– К сожалению, не обещаю, что мир узнает о ваших заслугах, Любовь Васильевна, – виновато пожал плечами глава государства. – И так такой шум поднимется – только держись! Оставим славу полковнику Орлову – вы не против? – Я помотала головой. Я уже дошла до такого состояния, что согласилась бы и на прыжок в горячий гейзер, если бы президент этого пожелал. – Это в государственных интересах, Любовь Васильевна. Не хочется позорить нашу правоохранительную систему на всю вселенную – скажем журналистам, что это была тщательно спланированная спецоперация... Увы, проклятая политика! – Он снова пожал плечами. – Даже за те-

атральными кулисами меньше интриг, чем в высших эшелонах власти... Но вернемся к вашей судьбе, Любовь Васильевна. Просите у меня что хотите. Может, машину новую? Или квартиру? Или хотите – в вашу честь улицу в Купчине назовем? Вы же все-таки заслуженный учитель – в принципе, это можно устроить.

Я не колебалась ни секунды.

– Товарищ президент, ничего мне не надо – ни квартиры, ни машины, ни даже улицы, – взмолилась я. – Александр Анатольевич, миленький – верните мне сыночка! Степочку моего освободите!

Президент улыбнулся. Глаза его за стеклами очков подобтели.

– Это само собой, Любовь Васильевна. А помимо этого – что я могу для вас сделать?

Вот всю жизнь мечтала, что однажды ко мне прилетит джинн из арабской сказки... А когда он все-таки прилетел – растерялась.

К президенту подошел помощник и выразительно постукал по запястью. Остальные главы государств уже рассаживались обратно по своим местам – ах да, ведь их ждал музыкальный вечер с коктейлями. Офицеры ФСО услужливо принимали заказы, вполне вжившись в роль официантов.

Шаховской бросил взгляд на свои знаменитые часы (я как-то смотрела про них целый репортаж в новостях – хронометр оставил ему дедушка, известный архитектор), и вы-

жидающе посмотрел на меня.

Меня вдруг осенило:

– Товарищ президент, а можно я оставлю желание про запас? Ну, на потом. Законсервирую его, так сказать.

Он добродушно усмехнулся.

– А вы очень сообразительная женщина, Любовь Васильевна, – сказал он. – Никто до вас не догадался засолить желание на будущее, как огурцы из парника. Теперь я понимаю, как вам удалось в одиночку победить древний Орден... Ладно, договорились. – Он сделал знак помощнику. – Федя, дай этой милой даме свой личный номер. И запомни – я ей должен одно желание. – За стеклами очков пробежала веселая искорка. – Что ж, до встречи, Любовь Васильевна! Пирожки ваши – просто чудо.

Я поняла, что пора откланиваться.

Мы с Володей, который после встречи с президентом тоже пребывал в полуобморочном состоянии, кое-как выбрались из Голубого зала, держась друг за друга, будто русские солдаты, покидающие Куликово поле после сокрушительной, но тяжело давшейся им победы.

И знаете что – в эту секунду я простила майора Уточку. Ведь если бы не его всемирная лень, я бы никогда не познакомилась с самим президентом! Вы только вдумайтесь в это событие! Ой, как я нахвастаюсь всему дому, всем, кто меня знает и даже тем, кто не знает! Ой, как нахвастаюсь!.. К тому же, если разобраться, он и правда пытался успокоить ме-

ня, пусть по-своему, неуклюже и лениво; но если бы он сказал мне правду про Степochку и «Кресты», я бы с ума сошла, это точно...

Потом Володя ушел следить за тем, как новоиспеченные официанты, они же офицеры федеральной службы охраны, смешивают на кухне коктейли для випов; а я осталась возле золоченых дверей – хотела подглядеть в щелочку, как выступает перед президентами и премьерами Пантера. Я просто не могла пропустить тот прелестный момент, когда наглая девица с оглушительным плеском сядет в лужу – ну не может первым лицам мира понравиться ее рычание в микрофон!

Впрочем, злорадные ожидания мои не оправдались. Пантера пророкотала одну из своих фирменных «песен» – как часто я слышала ее сквозь этажи! Но вместо гипотетического оглушительного плеска, сопровождающего падение в лужу, я услышала оглушительные аплодисменты – едва ли не более бурные, чем те, которыми приветствовали меня...

Безобразие. Вот вроде такие важные люди – а ничего в нормальной музыке не смыслят. Аллочку Пугачеву даже не пригласили. С ней я мечтала познакомиться чуть ли не больше, чем с президентом!

– Лично я больше люблю джаз, но Пантера – отличная певица, – услышала я знакомый голос из-за плеча. – Любовь Васильевна, есть разговор.

Я и не заметила, как тут оказался полковник (или я должна сказать – генерал-майор?) Орлов.

– Если разговор про достоинства Пантеры, то, боюсь, вам нужно поискать другого собеседника, – с достоинством отозвалась я.

– Нет, не про ее достоинства, – сказал Орлов.

Взгляд у него был пристальный, испытующий, что ли. Ни с того ни с сего я почувствовала себя первоклассницей в кабинете директора школы.

– Вам на пенсии не скучно? – вдруг спросил он.

Я растерялась.

– Не знаю... Ремонт я уже закончила, курсы компьютерной грамотности тоже... Может, и скучновато – если не считать последней недели, конечно.

– А хотите немного разнообразить свою жизнь?

– Как?

Я, признаться, ожидала, что полковник предложит сходить на свидание. И уже почти совсем решила согласиться. Эта его родинка, знаете ли...

Но он предложил кое-что поинтереснее.

– Давайте к нам на работу.

– В каком смысле?! – поразила я.

– В прямом. Вы блестяще распутали это дело с Кобрами. Опять же ваша компьютерная грамотность... Кто помогал вам взломать наше облако?

– Никто, – быстро ответила я. Не хватало еще Андрюшу сюда впутывать. Посадят по обвинению в краже со взломом. – Сама, все сама. Я компьютерный вундер-пенс... А как

вы вообще, товарищ полковник, узнали?

– Про взлом моего виртуального хранилища? Ну не такие уж мы в Управлении дураки, как может показаться на первый взгляд. – Полковник усмехнулся. – Когда кто-то заходит в мое облако, мне сразу приходит электронное письмо на почту, это несложно настроить... Впрочем, что я вам рассказываю, вы лучше меня все эти технические нюансы знаете... Я сразу понял, что мой облачный сейф открывали.

– А почему никак не отреагировали? – Я была полна возмущения. Злилась, только сама не знала, на кого. Вот уж не ожидала, что полковник в курсе наших не совсем невинных проделок!

– Я тогда только-только приземлился в аэропорте Кельн-Бонн, мне уже было не до мелких хакерских забав. Пробежался по документам, проверил – все на месте, в протоколах никаких изменений... Быстренько сменил пароль к своему облаку и занялся своими делами. Кстати, вы когда-нибудь слышали, мэ, что воровать нехорошо? – лукаво спросил он.

– А я ничего и не воровала! Я же не ваш личный дневник ukrала. Протоколы общественные, а значит, ничьи, можно взять... А с чего вы, товарищ полковник, вообще взяли, что это именно я ваше облако взломала? – запоздало спохватилась я.

Полковник кивнул:

– Хороший вопрос, если учесть, что вы тщательно законспирировали ай-пи адрес своего компьютера и определить

местоположение взломщика было невозможно... Но неужели вы настолько наивны, чтобы полагать, что сразу после допроса мы не установили слежку за шеф-поваром «Туфельки»? Я узнал, что вы пришли к Порфирию, раньше, чем вы сказали ему «здрасьте». А дальше, Любовь Васильевна, хотя я и переборщил с немецким пивом, но все еще был в состоянии сложить два плюс два: кражу протоколов и ваш пристальный интерес к наиболее подозрительному свидетелю...

– Лучше бы вы за Черным Псом слежку установили – не пришлось бы мне за ним таскаться, – буркнула я.

Полковник задумчиво погладил родинку на щеке.

– Да, Любовь Васильевна, вы оказались прозорливее полиции, вот что значит женская интуиция... – Я не стала признаваться, что узнала про роль Черного Пса во всей этой истории случайно, исключительно по причине склочности своего характера, только благодаря тому, что пошла тогда к Пантере ругаться из-за громкой музыки. – Примите мои поздравления: вы сумели ухватить за хвост Королевскую Кобру раньше меня. Вот поэтому я и настаиваю на сотрудничестве с вами. Природа наделила вас, Любовь Васильевна, не только врожденной красотой, но и врожденным талантом следователя. Нам нужен такой спецгент, как вы.

– Но я не могу! – воскликнула я. – Кто же будет за Степочкой ухаживать?

– Вы и будете, – успокоил меня полковник. – Мы будем вызывать вас только в редких случаях. Агент по особым по-

ручениям при управлении МВД по Петербургу и области – слишком ценный сотрудник, чтобы дергать его по пустякам.

– Никогда не слышала про такую должность, – засомневалась я.

– А вы и не могли слышать. Это должность секретная. Но с неплохой зарплатой, кстати.

– Да? – заинтересовалась я. Новый парник на даче совсем не помешает! Не говоря уже про фирменную курточку для Степочки – почему-то он не признает вещи с моего рынка... Да, приличная зарплата – это весомый аргумент. Конечно, Орлов принимает меня за компьютерного гения, которым я отнюдь не являюсь, но это уже дело десятое. Выкручусь как-нибудь, не впервой, легкомысленно решила я. – Это что же, я буду вроде Джеймса Бонда?

Полковник улыбнулся.

– Вроде. Только без лицензии на убийство.

– А роскошную машину, умеющую плавать, летать и стрелять, мне выдадут? – нахально спросила я.

Полковник хмыкнул.

– Не обещаю. В лучшем случае – патрульный УАЗик с разбитой коробкой передач.

– А клюквенную наливку можно будет пить? Или придется переключиться на мартини с водкой?

– Когда вы на задании – лучше всего вообще ничего не пить, – строго отозвался полковник.

– А вот этого – я вам не обещаю... Но скажите на милость,

товарищ полковник, зачем я вам нужна? Для каких конкретно целей?

– Ваша внешность, ваша манера поведения – поразительно обманчивы, – сказал Орлов. – Это можно – и нужно использовать в интересах государства.

– Вот и в Кобры меня по этой же причине позвали... Все хотят кусочек Любы Суматошкиной! – Я кокетливо повела плечиком.

Полковник пронзительно на меня посмотрел. В темных глазах мелькнули дьяволята.

– Иногда не мешает иметь рядом с собой помощника с размытыми моральными принципами, – сказал он как бы про себя. Ироничная бровь дернулась еще выше. – Чтобы по-новому взглянуть на ситуацию.

– Что? – бурно возмутилась я. – Что значит – «размытые принципы»? Вы что себе позволяете, товарищ полковник?

– Нет-нет, ничего не позволяю! – Дьяволята исчезли. Полковник сделал невинную физиономию, которая, впрочем, ему не очень-то удалась. – Я имел в виду, что ваши принципы настолько восхитительны, что в них хочется буквально искупаться, омыться в лучах вашей принципиальности, так сказать... Ну что, Любовь Васильевна, вы готовы бок о бок со мной бороться с преступностью?

Я вдруг вспомнила кое-что важное:

– Знаете, товарищ полковник, я согласна при одном условии – не увольняйте Володю Уточку. Сосед все-таки. Семья

у него замечательная... Мне же с ними рядом жить. Надеюсь, долго.

Полковник призадумался.

– Честно говоря, руки чешутся его выкинуть из органов – позорит всю систему!.. А потом криминальные сериалы про оборотней в погонах снимают...

– Он исправится, товарищ полковник, я лично прослежу, – заверила я Орлова. – Уж что-то, а воспитывать нерадивых подопечных я умею! Жена его, Рита, мне поможет.

– Ну, ладно, – вздохнул полковник. – Значит, решили? Будем теперь с вами парой?

– Что?

– Я говорю, будем теперь с вами в паре работать? – поправился полковник. Я кивнула. – Окей. А теперь признайтесь, Любовь Васильевна: у вас есть дома вареная колбаса?

Я изрядно удивилась вопросу. Ничего себе, полковник приткий-то какой! Это что, первое задание? Соорудить пару бутербродов и привезти ему на работу? Может, ему еще и сказку на ночь почитать? На должность гейши-кухарки-служанки я не подписывалась!

– Есть, товарищ полковник, полпалки, но...

– Ну раз есть – тогда готовьте оливье, мамочка! Ваш сын изрядно проголодался, я полагаю.

– А?! – Я начала задыхаться. Вот тут-то, кажется, у меня давление и пошло вверх.

– Сегодня всё оформлю, и завтра утром Степан вернется

домой, мы ему даже машину предоставим... Ну, скажите-ка, Любовь Васильевна: вы рады?

Глава 30

Я помню день, когда Степочка родился.

Он был выстраданным ребенком. Я ждала его целых десять лет.

Это случилось четвертого июля девяносто третьего года, в воскресенье. Шел проливной дождь, и струи воды били в окна купчинского роддома, словно хотели их расколоть. Но я знала, что Петя там, внизу, несмотря на все буйства небес, наматывает круги вокруг здания, в котором должен был появиться на свет его сын.

Одновременно со Степой рождалась и новая страна. Время тогда было волнительным и тревожным. Рухнул железный занавес, новые русские куролесили на европейских курортах, среди бела дня затевались бандитские разборки, ларьки «крышевались» милиционерами, еда выдавалась по талонам, богатые страны присылали нам ящики с аккуратно упакованным солдатским провиантом – до сих пор помню вкус немецкой консервированной ветчины и американского кофе... Зимой мирно «развелись» Чехия и Словакия, весной мы поддержали Ельцина на референдуме, летом он вывел российские войска из Литвы...

Но теперь все это не имело никакого значения. За окнами роддома бушевала стихия и политика – а мой мир сосредоточился в одной-единственной стеклянной люльке, где спал

мой новорожденный сыночек. Я смотрела на этот туго запеленутый комочек, любовалась крошечным носиком, микроскопическими ресничками, пухленькими щечками – и думала: «Я тебя никогда никому не отдам».

Сегодня я держала входную дверь открытой с четырех утра. Несколько раз выбегала на улицу, постоянно смотрела в окно. Отказалась завтракать с заглянувшим ко мне Яковом Матвеевичем – сердце и без всякого кофеина колотилось, как бешеное. Заходил поникший, униженный Володя, начал было многословно извиняться и благодарить, но я его отправила восвояси. Звонил Павлик, расспрашивал, волновался; потом звонил Андрюша, предлагал немедленно занести мне айфон, который он проиграл в нашем пари, чему он, кстати, крайне рад, – я всем отвечала коротко и рассеянно, потом вешала трубку. Не до них мне сейчас было. Я ждала, ждала, ждала...

Пытаясь хоть немного отвлечься, выстирала перепачканную змеиным ядом сумку с бабочкой. Отмыла бинокль, положила сушиться.

Потом взяла пухлую школьную тетрадь 96 листов и художественно вывела на первой странице: «Энциклопедия мудрости». Дальше дело застопорилось. Все разумные, проверенные временем советы вылетели из головы со скоростью дорогостоящей отечественной ракеты, стартовавшей с космодрома Байконур навстречу своей гибели. Мудрость временно покинула меня.

Ладно. Зачем мне мудрость, если под рукой есть пульт от телевизора?

Я включила любимый канал. Шел специальный выпуск новостей. Длинноносая ведущая взхлеб рассказывала:

– Петербургская полиция предотвратила крупнейший теракт. Сегодня стало известно, что злоумышленники пытались отравить участников Международного экономического форума. Однако представители правоохранительных органов сумели остановить предполагаемых преступников.

Далее на экране возник полковник Орлов – впервые видела его в мундире; надо сказать, он ему очень даже шел, просто не сравнить с выдавшей виды джинсовой курткой! Полковник с умным видом пробубнил что-то формальное, какую-то бюрократическую белиберду про противодействие терроризму и про необходимость международного сотрудничества в этой сфере.

Затем показали репортаж про кадровые перестановки в правительстве. Президент отправил в отставку министра обороны и министра внутренних дел. Без объяснения причин.

На другом канале беззаботно чирикал ведущий в красном галстуке. Похоже, его увольнять никто не собирался. И судя по всему, он поразительно легко пережил крах Ордена, служить которому он поклялся собственной кровью. Что с него возьмешь – журналист! Человек, меняющий свои принципы с легкостью флюгера. Не удивлюсь, если он сегодня утром

уже успел вступить в Клуб фанатов президента.

Нигде, ни на одном канале – ни слова об Ордене Королевской Кобры. Вероятно, полковник берег информацию до окончания следствия – чтобы потом ошарашить прессу на суде.

И ни слова обо мне. Я знала, что не скажут, – и все равно было обидно.

Да, еще несколько дней назад я ни за какие сокровища мира, даже за новые леопардовые тапочки со стразами и перьями, которые недавно заметила на рынке, не согласилась бы посвятить журналистов в перипетии моей частной жизни; но теперь, когда все благополучно закончилось и мой сыночек был полностью оправдан, я ужасно хотела почувствовать себя звездой!

Раздавала бы интервью, меня бы подобострастно спрашивали: «А что вы, Любовь Васильевна, думаете о коррупции?», а я бы оригинально так отвечала: «Взяточничество, милые мои, двигатель прогресса. Мне нравится, что в нашей стране абсолютно любой вопрос можно решить при помощи взятки. Представляете, как уныло живут капиталисты – все только по закону, никакого простора для творчества... Нам, русским людям, этого не понять. А если изредка на нашем пути и встречаются такие неподкупные личности – это здорово мешает жить, ну прямо как кость в горле».

А потом мы бы встретились на каком-нибудь банкете с самой Аллочкой Пугачевой... Жизнь телезвезды, какой я мог-

ла бы стать, если бы не малопонятные политические тонкости, представлялась мне бесконечной чередой светских мероприятий и ток-шоу. Эх, ладно – может, ждет еще меня за поворотом сногшибательная популярность; например, как автора бестселлера «Энциклопедия мудрости».

Пока же зрителям телеканалов придется довольствоваться сухими новостями – такими далекими от истины!

Я покачала головой и записала в тетрадку первый совет: «Не верьте телевизору. Врут там все»...

Степа пришел, когда началась последняя серия второго сезона «Цветка миндаля». Самая красивая марокканская принцесса призналась своей сестре, что беременна, и это перед свадьбой с другим мужчиной! – и одновременно я услышала до боли знакомые шаги в прихожей.

– Мамусик...

Я бросила пульт и метнулась в коридор, не чуя под собой ног.

Конечно, это был он. Мой малыш, мой драгоценный сыночек. Но в каком виде!.. Весь ссутулился, богатырские плечи безвольно опустились, щеки ввалились, глаза потухли; он постарел на десять лет.

Я кинулась ему на грудь и разревелась.

– Батюшки-светы, что они с тобой сделали, злодеи!

Потом принялась его целовать, царапаясь о рыжеватую недельную щетину.

– Мамусик, ну перестань, я уже дома, все хорошо... –

успокаивал меня Степочка. – Поесть чего-нибудь найдется?
– Всё, всё что твоей душеньке угодно! – воскликнула я. –
Мамочка обо всем позаботилась!

Потом Степа долго и со вкусом плескался в ванне со своим пластмассовым корабликом, а я накрывала царский стол: тут и шоколадные медвежата, и пирожки, и мясо по-французски, и оливье, конечно, и его любимые праздничные бутерброды (перченые помидоры на жареной булке с майонезом), и много чего еще – аппетитные блюда занимали все горизонтальные поверхности на кухне. Сыночек – порозовевший, побрившийся и приободрившийся после горячего душа – налегал на деликатесы, а я сидела напротив, глядела на него и плакала.

– Мамусик, прекрати, в самом деле, – пробурчал Степочка, утолив первый голод. – Лучше расскажи, что ты тут устроила? Мне сказали, что именно ты меня освободила, но подробностей не знаю...

– Ой, Степочка, ты просто не поверишь...

Но только-только я открыла рот, чтобы ошарашить его поразительными событиями последних дней, как в квартиру завалилась Пантера. Нечесаная, в своих немислимых пижамных шортах, но вполне бодрая – видно, адреналин еще бурлил в крови после вчерашнего. Девица вальяжной походочкой зашла к нам на кухню, будто к себе домой.

И самое страшное – на свои грязные дреды она бессовестно напялила Степочкину кепку с якорем! Я просто дар речи

потеряла.

– Тетя Люба, у вас дверь была открыта, вот я и... Степа! Ёлки! Ты дома! Класс!

И она – вы не поверите! – с размаху плюхнулась к моему малышу на колени. Самое обидное, что мой сыночек не прогнал нахалку прочь, а, напротив, обрадовался такому грузу и даже приобнял дурацкую Пантеру за талию.

– Ну как, Степка, идет мне твой кепарик? – Она кокетливо сложила губки бантиком, от чего меня немедленно перекосило.

– Это не твой стиль, снимай, Катерина! – влезла я со своим комментарием, размышляя над предстоящей основательной дезинфекцией головного убора.

– Мамусик, ну что ты – по-моему, это самый очаровательный капитан в мире! – Мой сыночек смотрел на Пантеру с таким глупым умилением, что я – на одну десятую доли микросекунды – на него ужасно разозлилась.

– Слушай, Степка, ты простишь меня за то, что подкинула тебе этот жуткий медальон? – тем временем сказала Пантера, подхватывая домашнюю буженину со Степиной тарелки и нагло запихивая ее в рот. – Мне никак нельзя было попадаться копам в лапы... Но я помогла твоей мамашке нормально разрулить ситуацию!

– Помогла? – спросил он, глядя на нее восхищенными глазами. – Значит, вы обе меня спасли?

– Обе?! – Возмущению моему не было предела. Я даже

не знала, с чего начать. – Да я... Да она... Да у нее же татуировка на ноге! – выкрикнула я в отчаянии.

– У вас теперь, тетя Люба, тоже, – невозмутимо парировала Пантера, угощаясь бутербродом с помидором. – И побольше моей.

– Как? – удивился Степа. – Мамусик, ты набила себе тату? С ума сойти. Мои сокамерники тоже хотели мне сделать фирменную наколку, в виде перстня, в центре которого – крест с короной. Вроде как опознавательный знак, что я прошел «Кресты»... Еле спасся, а тут мой мамусик разгуливает по дому с татушкой...

– Я же не сама это придумала, это байкер один! Ой, ну тут надо рассказывать с самого начала. Что ж такое-то... – Я чувствовала, что потеряла контроль над положением. Это должен был быть только наш со Степochкой день, как тогда, двадцать пять лет назад в роддоме! Противная девица влезла и все испортила. Переключила его внимание на себя. Мой зайчонок только и делал, что сканировал ее глазами. – Знаешь что, милочка? Иди-ка ты домой. Мы со Степой на дачу будем собираться. Ему сейчас нужен свежий воздух, и побольше. У моего малыша вообще-то отпуск в разгаре.

Пантера задумчиво взъерошила Степочкины светлые волосы, еще влажные после душа. Я еле удержалась, чтобы не шлепнуть ее по руке.

– А что, прикольная идея! Свежий воздух, а также пиво и шашлыки... Можно с вами, тетя Люба?

– Еще чего! – Я рассмеялась нахалке прямо в лицо. Подальше от Пантеры – поближе к картошке, вот залог моего душевного спокойствия!

– Мамусик, ну пожалуйста, – вдруг забасил Степочка. – Я столько пережил в тюрьме – мне сейчас необходимо женское тепло и сочувствие.

– А я? – воскликнула я. – А я как же? А моего тепла и сочувствия тебе недостаточно? Я тебя готова утопить в море тепла! Завалить горами сочувствия!

– Я знаю, мамусик, знаю, спасибо... Но я очень хочу поговорить с Катей обо всем, что произошло.

– Но мы-то с тобой еще толком ничего не обсудили, сыночек! – Я просто не знала, как до него достучаться. Степочка меня почти не слушал – совершенно счастливый от того, что у него на коленях сидела эта драная кошка. И это после того, как она сообщила, что подбросила ему медальон! Но он, похоже, готов был всё ей простить.

Я поняла, что сейчас бороться бесполезно.

– Хорошо, Катерина, пакуй вещи – поедем все вместе, – угрюмо согласилась я.

– А что паковать-то? Гитару возьму и купальник, больше ничего мне не надо, – легкомысленно отмахнулась Пантера.

Ну-ну, злорадно подумала я. Загорать да на гитаре тренькать намереваешься? Заставлю тебя, милочка, гусениц и колорадских жуков в баночку собирать – сама сбежишь.

Да, первый бой я проиграла. Но победить в войне Пантере

не удастся.

Пока не поставлен штамп в паспорте – буду драться за Степochку. До последней капли крови! Или до последней капли змеиного яда из ампулы, выданной мне Главным Магистром и мирно ждущей своего часа в бело-голубой шка-тулке на трюмо в спальне.

Не отдам этой наглой девице своего сыночка, клянусь сво-ими леопардовыми тапочками!

Другие книги Анны Пейчевой

«УЮТНАЯ ИМПЕРИЯ» – серия романов и рассказов, объединённых одной реальностью: успешной, процветающей Россией, в которой до сих пор правят Романовы. В серию входят циклы:

1. «Романовы forever»

– **«Великая княжна. Live»** – книга первая из цикла «Романовы forever». Российская империя, 2016 год. Страной, в которой никогда не было революций, успешно правит Николай Третий. Все у государя получается, кроме одного – никак не удастся выдать дочь Екатерину замуж. На помощь приходит всемогущее телевидение. В прямом эфире, на глазах у миллионов зрителей, Екатерина выберет лучшего жениха. Но сможет ли по-настоящему полюбить его? Этот бестселлер вызвал настоящую бурю обсуждений в интернете. Забавная утопия, в которой главное – не сюжет, а атмосфера процветающей альтернативной России.

– **«Императрица online»** – продолжение бестселлера «Великая княжна. Live». Книга вторая из цикла «Романовы forever». Не удался медовый месяц у великой княжны Екатерины Романовой: на свадьбу отец, Николай Третий, подарил ей российский трон – и уехал искать свою пропавшую супругу на край земли. Разрывается теперь Екатерина между молодым мужем и скучными государственными делами. Как

хотелось бы отделаться от постылого престола! Императрица и сама не ожидала, что её желание исполнится так быстро... Захватывающая история с участием самовлюбленного телеведущего, остроумного патриарха, кокетливой актрисы – и, конечно, невероятных научных изобретений, которые прославили Российскую Империю на весь мир.

– **«Государыня for real»** – заключительная часть трилогии «Романовы forever» ставит перед читателем классические вопросы фантастической литературы: Возможно ли остановить технологический прогресс и развитие общества? Как сплотить нацию, не обращаясь к ее первобытным агрессивным инстинктам, а апеллируя к разуму и демократическим ценностям? Каково истинное предназначение современной женщины – быть хорошей женой или вести за собой целый народ?

2. «Ищейки Российской империи»

Главные герои цикла – агенты 7 Отделения Личной Канцелярии Ее Величества, расследующие преступления против животных. Работают Ищейки весело и непринужденно, в стиле обаятельного Арчи Гудвина и великолепного сэра Макса из Echo... Хотя они никогда не слышали об этих персонажах – ведь наши герои живут в альтернативной России.

Здесь над Исаакиевским собором проносятся магнитно-левитационные поезда, трехмерный принтер печатает женские шляпки, из Гатчинского аэропорта регулярно ходит автобус на Луну, а отец императрицы собирает экипаж для

полета на Марс. Вместо магии в этом мире – могущественные технологии, приправленные очаровательными традициями XIX века. А права самых маленьких питомцев так же важны, как и права человека.

ВНЕСЕРИЙНЫЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

«Пушистый избранник» – неожиданная история о коте-депутате. За кого вы проголосуете на ближайших выборах: за скучного кандидата с красным лицом и пустым взглядом – или за котика в очаровательной «бабочке»? Конечно, за пушистую милашку! Так самый обычный домашний кот оказался в парламенте Петербурга. Слишком поздно избиратели осознали, что в комплекте с питомцем идёт его владелица – домохозяйка Наташа, которая тут же начинает решать свои личные проблемы, от имени кота-депутата проталкивая самые нелепые законы...

«Селфи на фоне санкций» – актуальный роман о молодой тележурналистке, потерявшей работу из-за поста о санкционной косметике и нашедшей свою любовь. Лёгкая, остроумная и увлекательная книга для тех, кто не представляет свою жизнь без смартфона, самоотверженно строит карьеру, интересуется происходящими в стране событиями и видит разницу между настоящей журналистикой и пропагандой.

«Величайший зануда на земле» – история для тех, кто ненавидит праздники, шумные корпоративы и прочие радости экстравертов. «Нельзя быть таким букой! Учись радо-

ваться жизни!» Сколько раз вы слышали подобное? Эх, если бы бы знать – как этому научиться... Кеша, робкий продавец-консультант, решил попробовать себя в роли весельчака и всеобщего любимца, руководствуясь нелепыми советами книжки «Как стать душой компании». А может, эти рекомендации помогут ему избежать увольнения и завоевать девушку, в которую Кеша давно и безнадежно влюблен?

Подробнее на официальном сайте автора annapeicheva.ru